Алина Аркади

Жестокие принципы

Принцип Парето

Принцип исключения

Принцип бумеранга

Принцип неизбежности

Содержит нецензурную брань

18+

Алина Аркади

Жестокие принципы. Полное издание

Серия «Жестокие принципы», книга 5

https://litres.ru/71528527
SelfPub; 2026

Аннотация

В сборник "Жестокие принципы" вошли четыре книги цикла: "Принцип Парето", "Принцип исключения", "Принцип бумеранга", "Принцип неизбежности".

Островские – семья, в которой мужчины занимаются опасной деятельностью, а женщины создают надёжный тыл, принимая все сомнительные аспекты своих спутников. Всё началось с Парето и продолжится в его детях, выбравших для себя не самый простой путь. Но каждый из них принял решение самостоятельно, чтобы оставаться верным своему выбору до конца.

Содержание

Принцип Парето	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	43
Глава 5	58
Глава 6	74
Глава 7	85
Глава 8	102
Глава 9	113
Глава 10	123
Глава 11	135
Глава 12	147
Глава 13	164
Глава 14	175
Глава 15	185
Глава 16	195
Глава 17	205
Глава 18	217
Глава 19	230
Глава 20	241
Глава 21	251
Глава 22	261

Глава 23 272
Глава 24 285
Глава 25 301
Глава 26 311
Конец ознакомительного фрагмента. 315

Алина Аркади
Жестокие принципы. Полное издание

Принцип Парето

Закон Паре́то *(принцип Парето, принцип 80/20) – эмпирическое правило, названное в честь экономиста и социолога Вильфредо Парето, в наиболее общем виде формулируется как «20 % усилий дают 80 % результата, а остальные 80 % усилий – лишь 20 % результата»: то, что мы видим, не всегда соответствует действительности – всегда имеются скрытые факторы; то, что мы рассчитываем получить в результате, как правило, отличается от того, что мы получаем; большинство удачных событий обусловлено действием небольшого числа высокопроизводительных сил, большинство неприятностей связано с действием небольшого числа высокодеструктивных сил; бо́льшая часть действий являет собой пустую трату времени – они не дают ничего реального для достижения желаемого результата.*

Глава 1

– Три порции кексов с изюмом, кренделькиc карамелью и орехами, пончики с сахарной пудрой. И побыстрее там, – кричит Ксюша, а я мечусь по маленькой кухне кондитерской.

Небольшое помещение три на четыре, где есть место только для одного, а нас здесь со Светой двое. Как умещаемся – непонятно, ещё и успеваем вовремя выдавать блюда. Ну как вовремя, предыдущее опаздывает на десять минут, а принимающая заказы Ксения уже кричит о следующем, подгоняя нас.

Дни бывают разные – суматошный, как сегодня, когда в семь вечера под конец рабочего дня мы вымотаны на максимум. А иногда совсем пусто, словно все люди разом перестали употреблять сладости и перешли на здоровое диетическое питание.

Заканчиваю предыдущий заказ и перехожу к следующему под вопросительным взглядом помощницы, которая работает здесь чуть больше месяца.

– Рабочий день почти закончен, – цокает Света, замешивая тесто на пончики. – Она прекрасно знает, – указывает в сторону зала, где слышится требовательный голос девушки Ксении. – Не люблю её смены, куда приятнее работать с Верой.

– Согласна. Но не забывай, теперь она состоит в личных

отношениях с хозяином, а значит, на голову выше нас, соответственно, её слово против нашего – она всегда права.

– Не она первая, не она последняя, – замечает Света, недовольно вздыхая, но продолжая. – Это ненадолго. Армен слишком влюбчив, чтобы остановиться на одной.

Тихонько хихикаем, понимая, что помощница права и хозяин перебирает женщин со скоростью смены дней недели. Мне от этого не легче, как и от напряжённой обстановки дома. Каждый день по возвращении с работы меня ждёт неизвестность: закончится вечер скандалом с битьём посуды или я получу редкую возможность спокойно уложить ребёнка спать и крепко уснуть самой. Русская рулетка, где ставки делаю не я, да и выигрыш идёт в руки кому-то неизвестному.

Закончив позже на двадцать минут, бегу в сторону метро, чтобы через полчаса оказаться перед дверями квартиры. Поворачиваю ключ в замке, а открыв её, обездвижена криками мужа. Сегодня не мой день. Однозначно.

– Сука, куда ты дела водку? – накидывается с порога, не позволив мне снять верхнюю одежду. – Вылила?

Он едва стоит на ногах, покачиваясь в проёме двери. Стеклянный взгляд не предвещает ничего хорошего, накаляя обстановку.

– Не выливала. Сам вчера выпил, если забыл.

– Куда дела? – прижимает своим телом к стене, дышит тошнотворным перегаром, а я отворачиваюсь. – Говори! – встряхивает так сильно, что внутренности подпрыгивают.

– Ты. Её. Выпил.

Отталкиваю его руки, вырываюсь, чтобы пойти в соседнюю комнату и проверить бабулю.

– Как ты? – поднимаю одеяло и оцениваю масштаб катастрофы.

Рома к ней не заходил ни разу за весь день, уверена. Бабуля лишь мычит что-то невнятное, показывая глазами мне за спину.

– Опять дерьмом воняет! – прилетает реплика от мужа. – Достало!

– Это твоя бабушка, – напоминаю в который раз о родственных связях.

– Сдай её в хоспис.

– За него нужно платить, а в нашей семье я одна работаю и содержу себя, бабулю, ребёнка и тебя. Не хочешь мне помочь? – поднимаюсь в полный рост, пожирая злым взглядом то, что осталось от моего мужа, и всё ещё не понимаю, когда Рома успел так деградировать, превратившись в алкоголика, основной целью которого является пополнение ежедневных запасов алкоголя.

– Это моя хата. Не нравится – пошла на хер!

– Мне некуда идти, – сглатываю нервный ком.

Он это знает. Слишком хорошо, чтобы изощряться в унижениях, постоянно указывая на дверь. Если бы я была одна, выкарабкалась бы, нашла варианты и выход, но у меня Тася и бабуля. Последняя утонет в собственных экскрементах или

умрёт от голода, если оставлю её на попечение внука.

– Вот и закрой рот. И водки мне купи, когда на работу пойдёшь, – озвучив приказ, наконец уходит.

Переодеваю бабулю, заменив памперс, кормлю с ложечки. С аппетитом ест, оставляя тарелку пустой. Не всегда могу отпрашиваться в обед, чтобы покормить её, и тогда приходится терпеть до вечера. Из кухни слышится голос мужа, приглашающий очередного собутыльника в гости и рассказывающий, что сука, то есть я, принесёт через пару часов спиртное. Но затем он договаривается о встрече, и я с надеждой почти не дышу, надеясь прийти домой и не застать Рому.

Переодеваюсь и спешу к двери, чтобы не получить вдогонку пару лестных слов от когда-то любимого человека. Направляюсь к соседней двери, нажимаю на звонок и жду ответа.

– Лен, привет. – Приветливая Валя встречает радушной улыбкой.

– Привет. А где…

– Мамочка, – несётся Таська, запрыгивая на руки. – Ты уже на работу?

– Да, малыш. Мне пора.

– Папа опять пьяный? – Вопрос, который четырёхлетняя дочь задаёт каждый день последние два года. Я бы всё отдала, чтобы её детство продлилось как можно дольше, окутывая приятными и волшебными моментами, но увы.

– Да.

– Лен, вызови полицию, – предлагает Валя, как только дочка скрывается в глубине квартиры.

– И что я скажу? Он меня не избивает, никого не трогает, пьёт дома, общественный порядок не нарушает. За дверью своей квартиры человек волен делать всё что угодно, если это не доставляет дискомфорта остальным жильцам дома. Последние пятнадцать суток научили его не применять ко мне физической силы, поэтому теперь Рома уничтожает меня морально. Раньше хотя бы стеснялся дочери, а потом и она перестала быть ограничителем.

– А уйти? – не унимается соседка.

– Куда, Валь? Я детдомовская, родни нет, даже дальней. А выйдя замуж за Рому по наступлении совершеннолетия и прописавшись у него, потеряла право на жилплощадь, которая положена таким, как я. Квартиру снять не могу, потому что работаю одна на трёх работах, и весь доход уходит на содержание ребёнка и бабули, которой требуются памперсы для взрослых, медикаменты и хорошая еда.

– Так баб Люда вроде на тебя завещание составила, так?

– Так, но он здесь прописан, проживает всю жизнь, а бабуля ещё жива. Выгнать его, как ты понимаешь, я не могу. Это мне объяснили в прошлый раз полицейские.

– Замкнутый круг…

– В котором я мечусь в поисках выхода, – заключаю с грустью, на секунду прикрыв глаза. – Ну, ладно, не будем об этом. Я на пару часов, постараюсь побыстрее.

– Беги уже. Потом Тасю заберёшь.

Спешу вниз по лестнице, уже значительно опаздывая. Вторая работа предполагает, что я должна вымыть помещение супермаркета до десяти, успев до закрытия. Дальше небольшой продуктовый магазинчик, на уборку которого есть всего час – третья работа. И так каждый день, словно день сурка, повторяющийся по кругу снова и снова без права на отдых и выходные.

Ежедневное выполнение работы гарантирует, что мой ребёнок будет накормлен и одет, а бабуля получит всё необходимое. Её пенсия проходит мимо меня, попадая прямо в руки Роме, который ещё пару лет назад забрал карту и сменил пароль. Не знаю, какая сумма приходит каждый месяц, но он благополучно пропивает её за две недели, поначалу расточительно угощая всех друзей-собутыльников, а затем требует, чтобы спиртное покупала я. Отказываю, не боясь получить оплеуху или подзатыльник, в надежде, что Рома уйдёт на поиски добавки и, возможно, на пару дней пропадёт. Такие моменты случаются раз в пару месяцев, потому что муж предпочитает пить в комфортной обстановке на кухне, но всё же моменты счастья присутствуют, и в такие дни мы все отсыпаемся, пытаясь жить нормальной жизнью. Но муж всегда возвращается пьяный и злой, и тогда надежда на лучшее будущее растворяется в ужасных криках.

Быстрее обычного заканчиваю уборку в супермаркете и спешу в магазин за углом. И здесь получается быстрее, по-

этому покупаю Тасе любимый йогурт и бегу домой, чтобы забрать дочь от соседки. Если бы не Валя, которая забирает детей из сада и позволяет проводить моей дочери в своей квартире все выходные, играя с её сыном, давно свихнулась бы в переживаниях. Рома давно перестал помогать, не работая, не заботясь о своей дочери и удовлетворяя лишь собственные потребности. Да и не оставила бы я Тасю с ним, опасаясь, что друзья мужа могут обидеть ребёнка.

Забираю дочку и осторожно вхожу в квартиру, встречающую мёртвой тишиной. Ушёл. Медленно выдыхаю, а осмотрев комнаты, позволяю себе немного расслабиться. Тася напряжена, ожидая криков папы, но, заметив мою улыбку, сразу понимает, что сегодня будем спать одни. Редкий момент, когда мы вдвоём заберёмся под одно одеяло, уютно устроившись на узкой кровати, и долго будем читать сказки, рассматривая яркие картинки и обсуждая персонажей. Оказывается, иногда так мало необходимо для счастья: спокойные моменты, словно крупицы золота, растягиваешь и мечтаешь продлить.

Таська плещется в ванной, радостно повизгивая и разбрызгивая воду. Не ругаюсь, понимая, что момент отсутствия нашего папы дома мимолётный, а завтра мы вновь будем купаться под стук в дверь и оскорбления самыми гадкими словами. Я привыкла, научившись дистанцироваться и не реагировать на выпады мужа, а следом равнодушную позицию заняла и Тася, стараясь не попадаться на глаза папе.

Мой ребёнок слишком быстро взрослеет, каждый день наблюдая неприглядную картинку жизни, к которой стремиться не нужно.

Две кровати в комнате, одну из которых занимает бабуля, а вторую мы с дочерью. Другая спальня в полном распоряжении Ромы, которую он закрывает от нас на ключ и забирает его с собой. Я не была там больше двух лет и не имею представления, в каком виде пребывает комната и что в ней находится. Но думаю, в комфорте нет необходимости, потому что муж добирается до кровати, завалившись прямо в одежде и обуви. Привычная картинка, давно не вызывающая удивления, злости или возмущения. Будто так и должно быть, а как протекает нормальная жизнь с аппетитными ароматами на кухне и человеческими разговорами, я уже не помню.

Пока Тася крутится в кровати, листая любимую книжку, стою под потоками воды, закрыв глаза и отключившись от мира, который мне до коликов противен. Тотальная усталость накрывает, как только позволяю себе глубокий вдох и надежду на спокойную ночь. Я так устала, что с готовностью готова мчаться в неизвестном направлении от этой омерзительной жизни, подобия человека рядом и проблем, которых моя дочь понимать не должна.

Работа в забегаловке не то, о чём я мечтала, оканчивая кулинарный техникум и отработав два года до декрета в большой кондитерской, но Армен позволяет мне убегать среди рабочего дня, чтобы проведать бабулю, и брать на работу Та-

сю по выходным, не замечая моего ребёнка в зале. А ещё даёт денег взаймы и разрешает готовить на кухне кафе еду для моих девочек, потому что кухня в квартире давно превратилась в помойку, а всю имеющуюся посуду Рома пропил или же попросту уничтожил, как и большинство нашей одежды. То немногое, что у меня имеется, хранится в кафе вместе с Тасиными вещами.

Впервые за долгое время позволив себе выпасть из реальности, выключаю воду и иду в комнату, чтобы убедиться, что муж не вернулся. Дочь свернулась клубочком, подложив ладони под щёку, а бабуля размеренно сопит. Закрываю дверь на две щеколды, прекрасно понимая, что это не является преградой для Ромы, но в последнее время он себе позволяет лишь тарабанить в двери и орать матом, пугая ребёнка.

Укладываюсь, обнимая свою девочку и целуя светлую макушку, несмотря на усталость, ещё долго лежу с открытыми глазами, прислушиваясь к дыханию людей в комнате. Обдумываю свою жизнь и положение, которое кажется тупиковым, но вместе с тем мечтаю, чтобы перемены стремительно ворвались в эту квартиру, изменив судьбу моего ребёнка и мою собственную.

Глава 2

– Вставай! – Рома стучит в дверь, пинает снаружи ногами и сыплет проклятия на всех, кто находится в комнате.

Тася подскакивает, испуганно озираясь по сторонам и прислушиваясь к громким выкрикам. Затем, понимая, что папа ведёт себя в привычной манере, обнимает меня и с силой прижимается. Новый день и знакомый Рома. Надежды, что он пропадёт на пару дней, не оправдались, а следующее исчезновение произойдёт нескоро. Приближается день пенсии, а значит, пару недель после её получения наш дом будет забит собутыльниками, желающими напиться на халяву.

Чувствую себя разбитой и уставшей, с трудом поднимаюсь с постели, замечая на себе взгляд бабули. Она давно, как и Тася, привыкла к тому человеку, в которого превратился её внук. Вероятно, имея способность говорить, попыталась бы направить его на путь истинный, но последствия трёх инсультов лишили старого человека возможности говорить, парализовав мышцы лица и семьдесят процентов тела.

Замечаю неладное, а измерив давление, понимаю, что необходимо вызвать скорую. Как правило, значительно улучшить положение бабули врачи давно не могут, но у бригады скорой есть медикаменты, которые почти мгновенно ей помогут.

Собираю Тасю, чтобы отвести к Вале, предварительно ей

позвонив и объяснив ситуацию. Сегодня она сама отведёт детей в сад, позволив мне дождаться скорую. Предупреждаю Армена, который недовольно фыркает в трубку, но соглашается, напоминая, почему я работаю у него.

– Почему не открывала? – Рома бесится, семеня за мной по коридору.

– Спала.

– Тебе пора на работу.

– А ты что, следишь, чтобы я не опаздывала? – резко разворачиваюсь, встречаясь с вполне адекватным взглядом слегка захмелевшего человека. Нонсенс, который вызывает изумление. – Отведу Тасю и вернусь, – бросаю, закрывая дверь, – сейчас скорая приедет.

Валя перехватывает дочь и бежит по лестнице вниз, опаздывая в садик. Возвращаюсь в квартиру, улавливая непривычные звуки из ванной: стук, шуршание и маты Ромы. Но дёрнув ручку, удивляюсь, что дверь закрыта изнутри, хотя мужу плевать на всех в квартире и свои нужды он справляет никого не стесняясь.

– Что надо? Не мешай, – рявкает. – Иди к бабке.

Звонок оповещает, что бригада прибыла. Впускаю врача, сразу направляя в комнату, где едва слышно стонет бабуля. Привычные вопросы, осмотр, укол и тяжёлый вздох.

– Девяносто два года и три инсульта – на улучшение надеяться не стоит, – выносит вердикт, когда мы выходим на лестничную клетку.

– Я всё понимаю.

– В общем, готовьтесь. Недолго осталось.

Вот так просто и спокойно, словно он каждый день произносит заученную фразу, причиняющую людям боль. Задерживаюсь на лестничной клетке, обняв себя руками и приводя мысли в порядок. К таким моментам никогда нельзя быть готовым, а бабуля – единственный человек, который последние несколько лет проявлял ко мне и Тасе искреннюю любовь и заботу. Когда она ещё могла говорить, Рома получал нагоняй и выслушивал разъяснительные нотации ежедневно, фыркал и злился, но не перечил. Но как только бабуля замолчала, развернулся на всю катушку, не сдерживая себя.

Возвращаюсь, чтобы повторно проверить давление и удостовериться, что укол подействовал. Она даже делает попытку улыбнуться, показывая, что всё хорошо и я могу спешить на работу.

Но перед выходом, убедившись, что Рома закрылся на кухне, заглядываю в ванную. Что-то меня смущает в привычной обстановке, и я внимательно изучаю помещение, пока не натыкаюсь взглядом на край пакета за ванной. Вчера его здесь точно не было, и, нагнувшись, просовываю руку, разворачиваю целлофан, какую-то грязную тряпку и вижу на ладони… пистолет. Настоящий, тяжёлый, в мелких царапинах, точно как в фильмах или сериалах про полицейских. Не представляю, откуда он взялся, а вспоминая утреннее поведение Ромы, сразу понимаю, кто принёс оружие. В голове

чередой проносятся ужасающие мысли, а наличие оружия в квартире, где есть ребёнок, уничтожает предположениями последствий, поэтому не задумываясь засовываю его в сумку. Почти на цыпочках выхожу из квартиры и стрелой мчусь на выход, а через пару кварталов бросаю опасное содержимое в мусорный контейнер. Становится спокойнее и легче. Даже если Рома будет искать то, что принёс, для начала ему придётся признаться, откуда взялось оружие, но вряд ли он удостоит меня такой чести.

Рабочий день проходит в суете, а постоянное присутствие Армена напрягает. Его сальные взгляды, оставляющие почти физические ощущения, противны. Если такие, как Ксения, легко ложатся под начальство, чтобы улучшить своё положение, то я не готова спать с кем-то с выгодой для себя.

Возвращаюсь домой, сталкиваясь с омерзительной тишиной и отсутствием мужа. Иду к бабуле, чтобы покормить и проверить состояние, но застываю в дверях… Понятно без слов. Никогда не видела мёртвого человека так близко, но отчего-то, даже не приближаясь, осознаю случившееся. Набираю номер скорой и участкового, в ожидании оседая на обувную полку в прихожей.

В глубине квартиры тикают часы, словно острые стрелочки отсчитывают каждую минуту моей несостоявшейся жизни, напоминая, что время скоротечно и монотонно отмеряет счастье, дарованное каждому из нас. Смерть так близко и так явно ощущается в данную минуту, что к горлу подкаты-

вает тошнота, и только сейчас вспоминаю, что сегодня ещё ничего не ела.

Не знаю, сколько сижу в таком положении, но звонок в дверь вырывает из забытья, возвращая в противную реальность. Участковый совместно с врачами фиксирует время смерти, задавая вопросы и заполняя бумаги. Сейчас в комнате тот же врач, что был здесь утром. Тело забирают в морг, хотя смысл вскрытия мне непонятен, но человек в белом халате говорит, что таковы правила, и я лишь спокойно киваю. Мне объясняют, когда можно забрать тело и организовать похороны, и мысль, что на это требуются деньги, меня разрушает. Есть сумма, которую я скопила, откладывая крохи, но и её, вероятно, не хватит. Собираю бельё с кровати, обдумывая, как объяснить Тасе, куда делась бабушка и почему не вернётся, когда слышу за спиной шорох, а обернувшись, вижу Рому.

– Бабушка умерла. Забрать можно послезавтра, сразу похороны. У меня есть кое-что, но этого не хватит, чтобы оплатить услуги ритуального агентства, так что помоги.

Рома замолкает на минуту, и, кажется, в этот момент в глазах проносится что-то человеческое и даже скорбное.

– Ствол где?

– Ты о чём?

– Утром засунул его за ванну, в пакете. Куда унесла?

Парадоксально, но сейчас передо мной практически трезвый человек с осмысленным, серьёзным взглядом, которого

я не наблюдала уже пару лет.

– В контейнере, в двух кварталах от дома. Если желаешь, можешь покопаться, – говорю открыто, понимая, что мусор, скорее всего, уже вывезли. – В доме, где есть ребёнок, опасно хранить такие вещи. Так поможешь с деньгами на похороны?

– Твои проблемы, – зло бросает, и через минуту я остаюсь в полной тишине.

Рома, который благополучно переложил все возникающие проблемы на мои плечи, просто уходит. Бабушка – единственный родственник, который у него был. Человек, заменивший ему мать, после смерти перестал интересовать внука, вероятно, по причине того, что будет прекращена выплата пенсии.

Чувствую себя разбитой и обессиленной, когда мне звонят из супермаркета и предъявляют опоздание. Договариваюсь с менеджером, что выполню работу ночью под наблюдением охранника, и ползу к Вале. Всё понимает, соглашаясь оставить Тасю у себя на ночь и одолжить денег на похороны.

Возвращаюсь поздно ночью уставшая настолько, что, рухнув на постель, просто рыдаю долгое время, сожалея о бабуле, своей никчёмной жизни и невозможности уйти от Ромы даже сейчас. Теперь, оставшись без накопленной суммы, не смогу снять жильё, а долг Вале прибавит проблем. Ещё долго мне придётся ущемлять себя во всём, чтобы расплатиться с соседкой.

Рома не приходит и на следующий день, когда ухожу на

работу, и вечером, когда возвращаюсь. Тася радуется, и я вместе с ней, но больше чем на два дня муж никогда не пропадал, и меня охватывает волнение. Нет, не за его жизнь или благополучие – не покидает странное чувство чего-то страшного и неизбежного. Похороны проходят в тишине, в присутствии Вали, меня и Таси – скромно и сдержанно. Вот так, умер человек, и только трое пришли проводить его в последний путь, отдав дань уважения.

Ещё пара дней проходит привычно и спокойно без присутствия в квартире мужа. Радостно и в то же время напряжённо, потому что уже две ночи слышу какие-то шорохи на лестничной клетке, а с утра вижу стопку коробок, непонятно кому принадлежащих. Валя не в курсе, соседи напротив тоже, и я оставляю этот момент без внимания. А вечером…

– Добрый вечер. – На пороге стоит толстый высокий мужчина под руку с женщиной лет сорока. – Мы новые хозяева, просим вас выехать.

– Хозяева чего? – удивлённо смотрю на парочку.

– Вот, – тычет мне в нос бумагой. – Мы купили эту квартиру.

– У кого? – листаю документы, на которых внизу данные бабули и её подпись, датированные тремя неделями раньше.

– У бабушки, Людмила Степановна Орлова. Подпись видите?

– Вижу, но у меня есть нотариально заверенное завещание, по которому наследница я.

– Какое завещание, алё? – заводится мужик, проталкивая меня в квартиру. Напускная учтивость испаряется. На звук голосов выбегает Тася, обхватив мои ноги. – Мы купили хату три недели назад, а бабка умерла недавно. Всё верно и по закону. Вали отсюда! – толкает меня, и я, едва не падая, успеваю схватиться за дверь.

– Это незаконно. У неё даже пальцы не двигались, не могла она подпись поставить. Пару лет назад – да, но не недавно, – убеждаю мужчину в неправильности документа.

– Сама ставила – видел. Подтверди, – указывает на женщину.

– Да, – пищит брюнетка, потакая мужику.

– Двое против одного, так что выметайся.

– Куда? – готова разреветься, не понимая, куда идти в восемь вечера, зимой, да ещё и с ребёнком. – У меня маленькая дочь, вы не имеете права меня выгнать сейчас. Дайте время жильё найти, – понимая, что убедить мужика не получится, прошу отсрочку.

– Сейчас, сказал!

– Нет, – прижимаю Тасю и остаюсь на месте.

– Сама напросилась, дура, – шипит мне в лицо и выходит за дверь.

Возвращается в сопровождении двух полицейский ужасающего вида, которые со злостью смотрят на меня и Тасю.

– Человек квартиру купил. Она его собственность. Выходим, – указывает на дверь.

– Вы же представители закона, – почти молю людей в форме, – меня не могут выгнать с ребёнком в ночь, да ещё и зимой.

– Вам давали время на сборы…

– Да я только что услышала, что квартиру продали. Какие сборы? – срываюсь на крик, прерываемый всхлипываниями.

– Не ври! – тычет в меня пальцем новый хозяин. – Муж твой сказал, ты в курсе.

– Муж? – хватаю телефон и набираю номер Ромы несколько раз – выключено. – Да я с этим алкашом разговариваю нечасто. Ничего не говорил.

– Так, дамочка, на выход. – Полицейский подталкивает меня к двери, а за мной и Тасю в футболке и носочках.

– Можно вещи собрать? Я быстро, – умоляюще смотрю на мужчин.

– У тебя пять минут, – рявкает хозяин, и я несусь в комнату.

Одеваю дочку, попутно запихивая в пакеты свои вещи: всё, что на виду, хаотично скидываю и выхожу из комнаты. Меня выпроваживают, закрывая дверь. Растерянно стою на лестничной клетке, переваривая произошедшее, и не знаю, куда бежать.

– Мам, а где мы теперь будем жить? – Дочка задаёт контрольный вопрос, и по моим щекам стекают молчаливые слезинки.

Бросаюсь к квартире Вали, нажимаю на звонок снова и

снова, но за дверью звенящая тишина. Звоню ей, но абонент недоступен.

– Мам, тётя Валя уехала к сестре сегодня. Она же говорила…

Точно, говорила, только я пропустила мимо ушей важную информацию. Чёрт! Но в следующую минуту в голову приходит мысль, и я набираю Армена. Начальник с радостью соглашается помочь и просит подъехать к кафе, что я и делаю, схватив вещи и Тасю.

Глава 3

На протяжении всего пути к кафе набираю попеременно Рому и Валю. Телефон недоступен у обоих. Муж и раньше не оповещал, куда и насколько уходит, но меня этот факт радовал, сейчас же хочу получить хоть какие-то объяснения, почему в один момент мы остались без жилья.

– Простите, что выдернула вас вечером, – извиняюсь перед Арменом, виновато опустив глаза.

Мне кажется или данная ситуация его радует? Улыбка не сходит с лица, а Тася жмётся ко мне ближе, исподлобья посматривая на моего начальника.

– Всё в порядке, Леночка, – проворачивает ключ в замке, распахивая передо мной двери кафе. – Мне несложно.

Усадив дочь в зале, спешу в подсобку, чтобы собрать свои вещи: то немногое, что не успел пропить или в пьяном порыве выбросить Рома.

– Куда пойдёте? – стоит надо мной, загораживая двери маленькой комнатки, в которой мы со Светой всегда переодеваемся по очереди.

– Пока не знаю.

– У меня тётка комнаты сдаёт, – начинает издалека, – вполне приличные, уютные и тут недалеко.

– Правда? – Слабый луч надежды пристроиться хоть куда-нибудь, чтобы отдохнуть и обдумать ситуацию, в которую

я попала. – А сколько стоит?

– Всего-то двадцать тысяч в месяц. Но комнаты хорошие, душ имеется, кухня общая.

– Двадцать?.. – растерянно осматриваюсь, вспоминая, что после похорон бабули в кошельке осталась пара тысяч, не более. – Это очень много. У меня сейчас нет, а платить необходимо сразу. Никто не позволит мне жить в долг.

– Я могу с ней договориться. Поручиться за своего работника, объяснить ситуацию. Насколько я понял из короткого рассказа, идти вам некуда.

И вновь улыбка, которую мужчина даже не делает попыток скрыть. Чувствую неприятный холодок, спускающийся к конечностям, и хочу протиснуться к выходу, но Армен останавливает.

– А вы правда можете? То есть вас или вашу тётю такой вариант устроит?

– Конечно, устроит, Леночка, – все слова с придыханием, рокочущим голосом, который смакует каждую букву моего имени. – Но взамен я кое-что попрошу. Несущественное, простое, совсем несложное…

– Я всё отработаю. Могу допоздна, без выходных. Дополнительно зал убирать и даже в качестве охранника здесь оставаться, если вас…

Мужчина наклоняется ниже, оттесняя меня в угол, где стоит стеллаж с посудой.

– Нет, Лена. Всё просто: ты со мной спишь, и уже через

двадцать минут у тебя есть тёплая комната, горячий ужин и чистая постель. А если постараешься, и отдельная квартира будет.

– Ч-что?

– Такая красота не должна прятаться в маленькой комнатке.

Проводит тыльной стороной ладони по щеке, вызывая отвращение, а когда до меня всё же доходит всё произнесённое Арменом, я стараюсь его оттолкнуть и метнуться к двери. Но он сильнее, поэтому одним движением возвращает на место, прижимая к себе и покрывая шею поцелуями.

– Ну же, Леночка, будь хорошей девочкой. – Бью его в грудь что есть силы, вырываясь. – Блондинки – моя слабость. А ты такая сладкая и сочная, – лезет слюнявыми губами в мой рот, и я успеваю укусить его язык.

Пока он матерится, замахиваясь на меня, отталкиваю, и мужчина с грохотом валится в угол на ящики с посудой. Хватаю вещи, вылетаю в зал, встречаясь со встревоженным взглядом моего ребёнка.

– Мамочка, тебе плохо?

– Хорошо, – выкрикиваю и, схватив Тасю, бегу прочь от этого чёртового места и мужчины, который настойчиво требовал близости.

Во рту всё ещё гуляет его вкус, и я несколько раз вытираю рот платком, чтобы избавиться от тошнотворного ощущения. Тащу дочь за руку, и она с трудом поспевает за мной.

Теряюсь в направлении, но сейчас мне всё равно, главное – найти безопасное место и отдышаться. Неожиданно на меня кто-то налетает, и я, сбитая с ног, падаю, роняя сумки и пакеты.

– Ой, девушка, простите. – Передо мной женщина лет сорока, которая бегает вокруг и помогает мне подняться. – Я не нарочно, спешила…

– Да ничего страшного, – пытаюсь улыбнуться, но ушибленное бедро простреливает болью, и я издаю жалобный стон.

Вокруг меня разбросаны пакеты, а Тася собирает вещи, которые вывалились на тротуар. Женская сумка перевёрнута, наспех поднимаю всё, заталкивая обратно кошелёк и документы. Виновница моего падения присоединяется, и вместе мы быстро справляемся с проблемой.

– Ещё раз простите, я не хотела.

– Бывает, – пожимаю плечами.

Ещё пару раз извинившись, она идёт дальше не оборачиваясь, а затем и вовсе пропадает за углом.

Куда идти? Ночь, январь, мороз, а я на улице с ребёнком. Запоздалая идея даёт надежду: позвонить Свете, своей напарнице. У Армена она работает недавно, но мы с ней сблизились, нашли общий язык и подружились. Она мало что рассказывала о себе, да и я никогда не делилась подробностями своей жизни и проблемами, с которыми сталкиваюсь ежедневно, но иного выхода нет. Долго роюсь в сум-

ке, а достав телефон, готова разрыдаться: экран разбит, покрывшись мелкой сеткой осколков, а кнопки не реагируют на нажатие. Старенький телефон, который Рома купил мне, когда родилась Тася, сегодня закончил своё существование. Предполагаю, именно падение моей сумки испортило аппарат. Адрес Светы я не знаю, и, кроме номера, никаких иных данных у меня нет.

– Мам, я замёрзла, – всхлипывает Тася, дёргая меня за руку. – Кушать хочу…

Я понимаю, что стою посреди огромного города с кучей вещей и маленьким ребёнком, не понимая, куда идти. Некуда. Не к кому. Мне бы немного времени, чтобы отдышаться, подумать, решить, как действовать дальше. Совсем чуть-чуть…

Громкий гудок поезда привлекает моё внимание, а оглядевшись, понимаю, что я недалеко от железнодорожного вокзала, несколько кварталов. Он работает круглосуточно, а в зале ожидания тепло и много людей, среди которых безопасно. Хватаю Тасю за руку в пушистой варежке и тащу по улице, чтобы побыстрее добраться в тепло. Дочка активно перебирает ножками, спешит следом. Несколько сумок мешают свободно двигаться, и я отпускаю Тасю, приказывая схватиться за мой рукав, чтобы распределить нагрузку.

В здании вокзала многолюдно, но главное – тепло. Множество кресел рядами, чуть дальше лавки, скромная кафешка, несколько торговых павильонов, большое табло с распи-

санием прибывающих поездов. Направляюсь в дальний угол, где свободно несколько мест и тихо. Перед кассами очередь из трёх человек, а ожидающие пассажиры заняты своими делами, не обращая внимания на девушку с ребёнком и сумками. Здесь каждый с багажом и никому нет дела, кто заходит и выходит из здания.

– Мам, я писать хочу. – Тася указывает на дверь туалета, и я понимаю, что ребёнок уже несколько часов таскается со мной по городу, ни разу не пожаловавшись на неудобства.

– Пойдём.

В туалете, как ни странно, никого. Оставляю сумки, веду дочку по нужде, а затем мою холодные ручки и лицо.

– А теперь кушать. – Стоило отогреться, как у ребёнка просыпается аппетит.

– Сейчас купим.

Издалека рассматриваю меню кафешки, замечая булочки, пирожки и слоёнки. Хоть что-то, чтобы забить голод, а ещё сок, яблочный, Тасин любимый. Ныряю рукой в сумку и сглатываю. Выворачиваю содержимое на кресло, перебирая вещи, и не нахожу кошелька. Точно помню, как подняла его с тротуара и положила вместе с документами, но последние на месте, а кошелька нет. Оседаю на кресло, припоминая инцидент с падением, и меня осеняет – его вытащила та женщина. Столкновение было неслучайным, возможно, спланированным для дальнейшей кражи содержимого сумки. Закрываю голову руками, обречённо склонившись к коленям. У меня

не осталось ничего: бабули, жилья, денег, телефона, возможностей дать своему ребёнку хотя бы ночлег…

– Мамочка, не плачь. – Маленькие ладошки стирают слезинки с моего лица. Тася целует меня в щёку и гладит по голове, успокаивая.

Невероятно, четырёхлетняя дочь заботливо и ласково обнимает, приговаривая, какая я у неё замечательная и любимая. Ради таких моментов я существую, отдавая всю себя кусочку моего счастья. Ради неё же не могу опустить руки и продолжу бороться. Ищу платок и, на моё счастье, нахожу в кармане куртки четыреста рублей. Радуюсь, словно ребёнок, тому ма́лому, что сейчас держу в ладони. Покупаю Тасе пирожок и сок, и ничего для себя, понимая, что дальше лишь неизвестность, а это последние деньги, которые у меня имеются. Ест дочь с аппетитом, не забывает предложить мне. Отказываюсь, убеждая, что сыта. Моя основная задача – накормить её, а я потерплю. Смотрю на вокзальные часы, на которых время давно перевалило за полночь. Тася зевает, с трудом держит глаза открытыми, но я беру дочку на руки, чтобы она уснула. Шепчу ласковые слова, глажу по голове и убаюкиваю, а когда засыпает, вновь погружаюсь в собственные мысли.

Завтра пугает своей неизвестностью и туманностью моего положения, где я одна без жилья, денег и знакомых, которые бы мне могли помочь. Не знаю, каким будет наше будущее, если вообще будет, исходя из положения, в котором оказа-

лись. Сейчас понимаю, что квартиры мы лишились по вине Ромы, который, как мне кажется, подделал подпись бабули и продал жильё. Думаю, что новые владельцы напоили мужа или припугнули, заставив подписать документы. Сумма, которую я видела в договоре, мизерная для жилья в большом городе. Конечно, не центр, но и не окраина, где за такие деньги можно разве что комнату в общежитии купить, не больше.

И Вали дома не было, и Армен не помог, требуя за свои услуги лечь под него… Я давно замечала на себе его сальные, плотоядные взгляды, но часто говорила, что замужем, делая на этом акцент, и он не решался бросаться грязными предложениями. Осмелел сегодня, осознав, что я нахожусь в безвыходном положении.

Теряю нить размышлений, когда закрываются глаза, и я погружаюсь в полудрёму, всё же реагируя на звуки вокруг и людей, которые садятся рядом, а затем уходят. Ночь пролетает незаметно, а проснувшись утром, вижу вокзал, наводнённый людьми, бегущими по своим делам.

Покупаю Тасе булочку и чай, уговаривая поесть. Не отказывается, внимательно смотрит серыми глазёнками и продолжает успокаивать потерянную маму. Рядом располагается семейная пара с детьми, с которыми дочка находит общий язык и несколько часов занимается играми. Мужчина и женщина обсуждают поездку к родным, перечисляя многочисленных родственников и вспоминая, какие подарки они ку-

пили.

Устремляю взгляд в зал, находя себе развлечение – наблюдаю за людьми. Вокзалы и аэропорты видели любви и слёз больше, чем все места, вместе взятые: встречи любимых, сопровождающиеся жаркими поцелуями; прощания, скреплённые тесными объятиями и слезами горечи; смех, обиду, разочарование и жалость к себе и окружающим. Мы не замечаем этого, когда спешим по своим делам, опасаясь не успеть на запланированную встречу, работу, остановку автобуса. Жизнь несётся мимо быстрее, чем нам кажется. Открыл глаза – утро, закрыл – следующая неделя, моргнул – лето, задумался – десять лет прошло. Быстро, незаметно, зря…

Сейчас, анализируя последние пять лет своей жизни, благодарна только одному – у меня есть Тася. Мой свет, моя девочка, которая заставляет идти вперёд, не оглядываясь на мужа-алкоголика, тяжёлую работу, проблемы и разочарования. Если бы не она, я бы сдалась ещё вчера, когда стояла на тротуаре с разбитым телефоном в руке. Нельзя, не имею права, не положено. После любой чёрной полосы всегда по определению появляется белая, просто моя чуточку затянулась – на два с лишним года.

– Предъявите, пожалуйста, документы. – Передо мной вырастает высокая фигура полицейского, который, уставившись на меня, ждёт ответа.

– А? Да… – достаю из сумки паспорт, вручая мужчине.

– Так… местная, судя по прописке, – смотрит на фото в

паспорте, сверяя с оригиналом, то есть мною. – А девочка? – кивает в сторону Таси, и я тут же протягиваю свидетельство о рождении. – Дочь, ясно…

– Что-то не так? – сглатываю, уставившись на мужчину.

– Ребёнка позавчера украли у пары семейной. Похожа на вашу дочку. Всё в порядке, – протягивает документы. – Поезд ждёте?

– Да, – придвигаю вещи, закрывая ногой.

– Мы меняемся в восемь утра. Уже почти десять вечера, а вы на прежнем месте. Когда у вас поезд?

– Завтра, – придумываю на ходу, чтобы не вызвать подозрений.

– А почему так рано приехали? Обычно люди опаздывают, а вы за сутки на вокзал прибыли.

– Так получилось, – нервно сглатываю, хаотично бегаю взглядом и силюсь придумать очередную ложь, которая спасёт меня от подозрений.

– Ясно. За ребёнком следите.

Последнее, что звучит из уст сторонника правопорядка, и он направляется в противоположный конец зала, останавливаясь рядом с напарником. И только в этот момент приходит осознание, что я не так незаметна, как казалось изначально, и начинаю привлекать внимание. Сколько смогу здесь находиться, пичкать дочь пирожками и спать сидя? Но я по-прежнему не имею ни единой мысли, что делать дальше и куда двигаться. Нет знакомых и друзей, денег и возможности

снять жильё. Тупик, в котором я зажата, словно в ловушке.

Тася забирается ко мне на колени, перекусив очередным пирожком, и засыпает. Вторая ночь в этом зале даётся тяжелее. Практически неизменная поза, явный голод и усталость накрывают безысходностью и желанием выть от беспомощности. На смену обречённости приходит паника, а за ней страх за будущее Таси и своё. Не могу ответить самой себе на вопрос, по какой причине я, будто приклеенная, остаюсь в здании вокзала, не решаясь ступить за его пределы. И тут же отвечаю – неизвестность.

Утром первым делом иду в туалет, чтобы умыть дочку и привести себя в порядок, насколько это возможно в условиях общественного вокзала. Замечаю настороженный взгляд девушки-продавца кафе и двух полицейских, которых, кажется, видела здесь позавчера. Медленно прохаживаются мимо, прислушиваясь, о чём мы с Тасей говорим, ненадолго останавливаются, продолжают движение и вновь возвращаются ко мне. Наконец ближе к вечеру один из мужчин не выдерживает и подходит к нам.

– Предъявите, пожалуйста, документы.

Молча протягиваю паспорт, ожидая вердикта мужчины. Но, кажется, по моему виду он понимает, что измотанная женщина перед ним правдиво ответит на все вопросы.

– Мы были на смене позавчера, – начинает, подзывая напарника, – вы с ребёнком зашли в здание вокзала примерно в одиннадцать вечера. Прошло почти двое суток, а вы ещё

здесь.

– Жду поезд, – отвечаю на автомате.

– Покажите билеты.

– Ещё не купила.

– Пройдёмте с нами до выяснения обстоятельств, – кивает в сторону выхода, показывая, что я должна идти за ним.

– А там тепло?

– Что?

– Туда, куда вы меня поведёте, – тепло? – я настолько устала, что мне плевать, куда и зачем меня ведут, главное, чтобы Тася не замёрзла и смогла поесть.

– Вам некуда идти? – присаживается рядом, с интересом разглядывая меня.

– Некуда, – подтверждаю, потому что отнекиваться бессмысленно.

– Прописка местная, и муж имеется, насколько я понял, – приводит аргументы мужчина.

– Муж алкоголик, продал квартиру неизвестным людям без моего ведома. Они-то нас и выгнали совместно с вашими коллегами. Обратилась к начальнику, который вместо помощи попытался изнасиловать. Разбила телефон, а кошелёк украли. Вот так… – выдаю всю правду, получая неожиданное облегчение.

– Сидеть здесь не выход. Вы же это понимаете?

– Понимаю, но пока вариантов у меня нет, – пожимаю плечами, глажу по голове дочку, которая пристроилась на со-

седнем кресле, положив голову на мои колени. – Я ещё не придумала.

– Ясно, – поднимается, увлекая за собой напарника.

Наблюдаю за мужчинами, один из которых подходит к автомату, чтобы заказать кофе, а второй покидает здание вокзала. Судорожно сглатываю, давлюсь слюной, желая горячего напитка и хоть какой-нибудь еды. Мужчина берёт стаканчик и направляется ко мне, но путь ему преграждает человек в чёрном пальто. В его руках смешная клетчатая сумка, которая совершенно не идёт его образу, вызывая улыбку. Странный персонаж активно беседует с полицейскими, когда к нему подходит женщина лет шестидесяти, а через десять минут к ним присоединяется второй сотрудник правопорядка. Не знаю, на какую тему беседа, но в какой-то момент вся компания оборачивается, уставившись на меня. Неуютно настолько, что отворачиваюсь в другую сторону, чтобы не гореть под взглядом четырёх пар глаз.

– Добрый вечер. – Женщина присаживается рядом, обращаясь ко мне.

– Добрый.

– Я Лариса Петровна, а вы?

– Я Лена, а это, – глажу дочь по волосам, – Таисия.

– Саша сказал, что вы попали в сложную ситуацию.

– Саша? – смотрю на мужчин, пытаюсь угадать, кого конкретно она имеет в виду.

– Высокий брюнет, – кивает в сторону полицейских, и ста-

новится понятно, что Саша тот, кто со мной разговаривал после проверки документов.

– Да, всё верно.

– А что вы умеете делать, Лена?

– В смысле?

– Убирать комнаты можете? – Киваю. – Стирать? – Снова кивок. – А готовить?

– Готовлю хорошо, но ещё лучше делаю торты и пирожные, – улыбаюсь, наклоняясь ближе к Ларисе Петровне. – Окончила кулинарный техникум. Люблю создавать сладости. Любила… – вспоминаю, что последние несколько лет работала на крохотной кухне Армена, не имея возможности заниматься сложными кондитерскими изделиями.

– Что ж… – Женщина откидывается на спинку кресла, откровенно меня оценивая. – Может, это и к лучшему, – разговаривает сама с собой, пожимая плечами.

– Что именно?

– Предлагаю вам поехать со мной. Я работаю в большом доме у одного влиятельного человека. Наверное, это можно назвать управляющий, а если просто – завхоз. Комнату вам дадут, работу тоже, с ребёнком пока неясно, что делать… но мы придумаем.

– Вы мне работу предлагаете? Вы же меня не знаете, – смотрю опешившим взглядом, не веря в то, что слышу. – Впервые видите…

– Я хорошо разбираюсь в людях, Лена. Вы выглядите

скромно, но прилично и не вызывающе. Спокойная, учтивая и заботливая, – кивает на Тасю, которая практически лежит на мне, раскинув ручки в стороны. – Пальцы в ожогах. Вероятно, работали на кухне, обварились в кипящем масле. У меня такие же, – показывает ладони. – Я предлагаю вам выход, возможно, временный, но всё же это лучше, чем сидеть здесь.

Внутри разрывают сомнения: незнакомая женщина, какой-то дом и неизвестность, которая имеет неопределённые последствия. Но я так устала… Смертельно устала.

– Сколько вы не ели? – Отворачиваюсь, сжимаясь под её взглядом. – А сколько не спали?

– Двое суток, – честно отвечаю. – Даже немного больше.

– Сколько ещё сможете не спать? А? А она? – показывает на Тасю. – Девочка маленькая, а на вокзальных пирожках долго не продержишься. Ей нужна нормальная пища и место для отдыха, в котором тепло и безопасно.

– Я не знаю… – закусываю губу, обдумывая предложение женщины.

Смотрю на её приятное лицо и открытую улыбку, чувствуя только положительный отклик внутри, а когда она улыбается, хочется ответить взаимностью.

– Соглашайтесь, Лена, – убеждает. – Вероятно, иного шанса вам не предоставят.

Несколько секунд сомнений, разъедающих подобно серной кислоте, и я киваю.

– Гриша! – окликает мужчину в пальто. – Помоги, пожалуйста.

Гриша подходит и оказывается невероятно высоким и широкоплечим. Он в два, а то и в три раза больше меня, и приходится сильно задрать голову, чтобы рассмотреть волевое лицо с крупными чертами. Молча берёт сумки – все сразу, и кажется, для него ноша не имеет никакого веса. Перехватываю Тасю, уложив на плечо, и иду следом за моими новыми знакомыми. На стоянке за вокзалом передо мной открывают дверь большого джипа, приглашая сесть. Гриша берёт у меня дочь и, дождавшись, когда я устроюсь на заднем сиденье, осторожно передаёт мне.

Пассажиры впереди беседуют о чём-то своём, пока мы едем по трассе, покидая город. Мерное покачивание убаюкивает, и я, поддавшись усталости, проваливаюсь в дрёму, сквозь которую слышу обрывки фраз:

– Зря ты это сделала, Петровна. – Мужской голос звучит с укором.

– Я зашиваюсь одна, Гриша. Сколько на собеседование приходило? Много. Безрукие, а на хозяина косятся в надежде пристроиться потеплее. А эта работящая, сразу видно.

– Парето нам голову снесёт. Досконально всех проверяет сам. Одно мутное пятно, и всё – свободен.

– Скажешь, это моя инициатива, ты не в курсе. Сказала везти – повёз. Всё. А там пусть его хоть разорвёт от негодования, если Аронов одобрит, перечить не станет.

Разговор продолжается, но собеседники переходят на шёпот, уловив моё движение. Не знаю, сколько мы едем, но в какой-то момент меня ощутимо толкают в плечо и показывают, что нужно выйти.

Спросонья осматриваюсь вокруг: огромный дом в несколько этажей кажется бесконечным; много ёлок, припорошённых снегом и скрытых высоким каменным забором; несколько одноэтажных строений рядом, в окнах которых горит свет; территория подсвечена фонарями и настенными светильниками. Иду за Ларисой Петровной по извилистой дорожке, улавливая обстановку вокруг. Заходим в дом и движемся по длинному коридору, пока женщина не останавливается у одной из дверей. Быстро находит ключ и открывает, включая свет.

– Комната небольшая, но уютная. Кровать, телевизор, шкаф, там ванная, – отворяет боковую дверь, позволив мне заглянуть. За спиной появляется Гриша, оставляя вещи у двери, и сразу уходит. – Всё необходимое имеется. Скромно, конечно…

– Нет-нет, всё отлично! – прерываю её, даю понять, что это намного больше, чем я могла рассчитывать. – Спасибо вам! Огромное спасибо!

– Отдыхай. Завтра всё обсудим на свежую голову. Спокойной ночи.

– И вам.

Как только закрывается дверь, раздеваю Тасю и полусон-

ную тащу в душ, чтобы смыть последние два дня на вокзале. Стоит с закрытыми глазами, пока я мою голову и маленькое тело душистым гелем. Закутываю в полотенце и укладываю в кровать, купаюсь сама и ныряю к ней под одеяло, крепко обняв.

Я не знаю, где оказалась, кому принадлежит этот дом и что с нами будет завтра, но сейчас, на хрустящих от чистоты простынях и в объятиях своего ребёнка, меня обволакивает чувство тотальной безопасности, которое я не испытывала долгое время. Мысли лениво ворочаются, отказываясь двигаться в нужном направлении, и я засыпаю, чтобы начать утро в новой жизни.

Глава 4

С трудом разлепив глаза, осматриваю непривычное помещение, которое кажется совсем иным при дневном свете. Приятная комната, светлая, ничего лишнего, и в то же время всё необходимое имеется. Спохватившись, соскакиваю с постели, стараясь не потревожить Тасю, которая сладко посапывает, свернувшись клубочком.

Лариса Петровна не сказала, во сколько и куда подойти, дав мне возможность отдышаться после двух дней на вокзале, но злоупотреблять своим положением не стоит, потому что сюда меня привезли работать. Тихо одеваюсь и ныряю за дверь, оставив дочку досматривать сны.

Длинный коридор, окутанный полумраком, усеян многочисленными дверями, за которыми, вероятно, скрывается своя история. Резные и тяжёлые, они создают своеобразную атмосферу таинственности. Нестерпимо хочется заглянуть за каждую, но сейчас я просто иду прямо в надежде найти хоть кого-нибудь живого. Не слышно голосов и звуков, лишь мои шаги разносятся эхом в пространстве. Понимаю, что в конце коридора развилка, и спешу, чтобы выбрать направление, но чья-то рука неожиданно хватает меня за локоть и, резко развернув, прижимает к стене.

Негромко вскрикиваю от неожиданности, а затем ещё раз, когда вижу перед собой лицо мужчины, изуродованное глу-

боким шрамом. Затаив дыхание, неотрывно смотрю в глаза, которые имеют необыкновенный цвет насыщенной синевы. Невероятные и необычные настолько, что хочется произнести «вау». Брюнет намного выше меня, и я даже приподнимаюсь на носочки, чтобы оказаться наравне с его лицом: волевым, напряжённым, с играющими желваками; короткая аккуратная борода, полные губы и прямой нос. Шрам, пересекающий правую сторону лица от виска до подбородка, подчёркивает устрашающий вид в сумме с бешеной аурой и жёсткой хваткой на моём локте. Увиденное не приводит в ужас, наоборот, притягивает, подчиняет, завлекает, и, несмотря на все составляющие, которые в любом другом случае оттолкнули бы от подобного человека, не могу отвести глаза, с придыханием рассматривая его.

– *Тебя* Петровна ночью привезла? – Низкий голос шелестит приятной хрипотцой.

– Да, – делаю усилие, чтобы выдавить два звука. – Меня зовут Лена.

– Гриша паспорт проверял?

Отрицательно верчу головой, вспоминая, что, кроме полицейских, документы никто не спрашивал, а Лариса Петровна поверила на слово, когда предложила работу.

– Паспорт, – требовательно, жёстко. Это не просьба – приказ.

– В комнате, – киваю туда, откуда пришла.

Убирает ладонь и делает шаг назад, показывая, что нужно

вернуться и дать ему документ. Сейчас иного не предусмотрено. Иду, чувствуя его взгляд между лопаток, и слышу тяжёлые шаги, в эхе которых тонут мои. Почти дойдя до комнаты, обгоняет меня и рывком отворяет дверь, застыв на входе. Неожиданность в виде Таси, сидящей на кровати и потирающей заспанные глаза, на миг обездвиживает мужчину, и на лице просматривается едва заметная растерянность. Ему сказали обо мне, но не о ребёнке, вероятно.

– Здравствуйте, я Таисия, – дочка подходит к нему, остановившись в шаге.

– Константин Сергеевич.

– Приятно познакомиться, Константин Сергеевич, – протягивает маленькую ладошку, и я удивлена несвойственному для дочери поведению.

Как правило, она недоверчиво относится к новым людям, особенно мужчинам, к которым внимательно присматривается после посещения нашей квартиры друзей папы. Несколько секунд мужчина раздумывает, но всё же пожимает кончики пальцев Таси, скрепив знакомство.

– Вот, – протягиваю документы, – паспорт, свидетельство о рождении, браке, ИНН, – перечисляю.

– Давай всё. И телефон.

– Он разбился два дня назад, когда выпал из сумки, – протягиваю аппарат, крутит в ладони, рассматривая. – Другого у меня нет.

– Идём, – показывает на дверь.

Усаживаю дочку на кровать, укутав одеялом, и включаю телевизор.

– Тася, посиди здесь тихонько, ладно? Никуда не выходи, а то потеряешься в незнакомом месте. Я схожу к Ларисе Петровне, а потом вернусь к тебе. Жди меня.

– Я поняла, мам. Жду, – соглашается ребёнок и переключает каналы в поисках мультиков.

Выхожу и следую за Константином Сергеевичем, рассматривая фигуру мужчины в костюме угольного цвета. Его шаги, размашистые, гулкие и уверенные, ведут меня к той самой развилке, до которой я не добралась. Сворачиваем налево, поднимаемся по нескольким ступенькам и оказываемся в светлом коридорчике, из которого слышатся голоса.

– Доброе утро, Лена, – как только попадаем на огромную кухню, меня приветствует Лариса Петровна.

– Доброе утро.

– И вам, Константин Сергеевич.

Мужчина молча занимает стул, и перед ним оказывается тарелка с десертом и кружка кофе. Петровна подхватывает меня и тащит к выходу на другой стороне, закрывая за собой дверь.

– Он всегда завтракает в одиночестве. В этот момент находиться рядом, разговаривать и отвлекать нельзя.

– Поняла, – уверенно киваю.

– Итак, – Петровна направляется вперёд, – кухню ты видела. Здесь у нас склад с продуктами, – открывает дверь, –

здесь бельевая и прачечная, тут моя комната, затем комната горничных. Они в доме не живут, приезжают раз в неделю и делают уборку. Работники по найму. Далее кладовая со всякими принадлежностями.

– А там? – указываю на массивную дверь в конце.

– Это выход в дом, там уже территория хозяина.

– А кто хозяин?

– Аронов Альберт Витальевич. Слышала о таком?

– Нет. Я телевизор редко смотрела, много работала, некогда было.

Умалчиваю, что телевизор, микроволновку и холодильник Рома продал в первую очередь, когда возникла потребность в деньгах на алкоголь. Я просто приходила с работы и недосчитывалась очередной техники.

– Бывший депутат. Сейчас общественный деятель, меценат, имеющий несколько благотворительных фондов и прибыльный бизнес в некоторых городах страны. Влиятельный и богатый человек.

– А кто Константин Сергеевич?

– Он…

Неожиданно дверь кухни отворяется, и мужчина проходит мимо нас, не удостоив взгляда. Петровна кивает, даёт понять, что мы можем вернуться.

– Так кто?

– Не хотела я, чтобы он был первым, с кем ты столкнёшься в этом доме, но если так случилось… Не понравилось, –

вздыхая, указывает на тарелку с оставшимся десертом и почти полную кружку кофе. – Каждое утро в семь тридцать он приходит на кухню и завтракает в полном одиночестве панна-коттой фламбе с цельной вишней и кофе по-турецки. Я ещё ни разу не видела пустой посуды. С наслаждением он ел только то, что готовил Рудольфо…

– Рудольфо? – Много действующих лиц, и пока я ничего ни о ком не узнала. – Расскажите о Константине Сергеевиче.

Прежде чем приступить к рассказу, Петровна наливает кофе и выставляет передо мной ароматные булочки, на запах которых мой желудок реагирует звонкой трелью. Я не ела больше двух дней и сейчас боюсь накинуться на пищу и опустошить тарелку за пару минут. Нужно покормить Тасю, но только тогда, когда мне это будет позволено. В противном случае отнести завтрак в комнату.

– Это человек, которого нужно обходить десятой дорогой, максимально ограничить контакты и не попадаться на глаза. Островский Константин Сергеевич – начальник службы безопасности, правая рука Аронова и его друг. Три в одном, и по этой причине в доме главный скорее он, чем сам владелец. Жёсткий, принципиальный, несгибаемый. Провинишься – уверяю, проступок будет записан и учтён, а наказание непременно последует. – Сглатываю, прикидывая, каким может быть это самое наказание. – Не спорь, не доказывай, не повышай голос – слушай и выполняй. Называть исключительно по имени-отчеству, в глаза не смотреть.

– Ох, а я так его внимательно рассматривала…

– Согласна – страшный.

– Не страшный. Пугает, но не внешне, к шраму на лице это никак не относится. Я говорю скорее о той силе, что исходит от него, – молчаливой, парализующей, перепрошивающей под себя.

– Мне кажется или я слышу в твоём голосе восхищение? – Петровна удивлена настолько, что кружка застывает в неоконченном движении, пока я формулирую ответ.

– Я никогда не встречала таких мужчин, наверное, именно поэтому он производит на меня подобное впечатление.

– В любом случае держись от него подальше, – тычет в меня пальцем Петровна, недовольно нахмурившись. – Знакомство с ним приятным назвать нельзя.

– А сколько вы его знаете?

– Я здесь пять лет, пришла сразу после того… Тебе это знать не стоит, но Парето уже был таким.

– Парето? – В памяти всплывает беседа в машине, когда Петровна и Гриша произносили незнакомое для меня слово.

– Прозвище Островского. Не знаю, откуда взялось, но за глаза его называют именно так.

– А Рудольфо? Кто такой?

– Несколько лет работал здесь, личный повар Аронова. Альберт Витальевич обожает всевозможные десерты, а Рудольфо был восхитительным кондитером, – закрывает глаза и растягивается в улыбке. – А какой торт «Захер» делал

– закачаешься, просто невероятный, любимое лакомство хозяина.

– Был? Он умер? – предполагаю, что, скорее всего, Рудольфо провинился перед Островским, именно по этой причине сейчас отсутствует.

– Сплюнь! – фыркает. – Всё с ним в порядке. Просто в какой-то момент Рудольфо очень активно стал оказывать знаки внимания охранникам, а затем совершил непоправимую ошибку, когда выразил симпатию Парето.

– Стоп, Рудольфо же мужчина? Я правильно поняла?

– В том-то и дело, Леночка, что мужчина. Парни здесь работают серьёзные, жёсткие, многие являются бывшими военными, а тут мужик глазки строит. Реакцию представила?

– Представила, – сглатываю, прикидывая, что, например, к Грише мужчина клеится.

– То-то и оно. Избили его мальчики сильно за его намёки, потом ещё раз, и Островский убедил Аронова избавиться от Рудольфо. Договор с ним расторгли, и я осталась одна. Летом, когда приезжают дети Аронова и постоянно проходят приёмы, набираю дополнительный персонал, а зимой на мне хозяин и охрана.

– У Аронова что, нет семьи?

– Есть дети. Сын в Англии живёт, а дочка здесь в художественной академии учится. Лиля её зовут. Приятная девочка, учтивая, спокойная. Но приезжает редко и только по делу. Жена Альберта Витальевича умерла, повторно не же-

нился, но есть Виктория, с которой у них продолжительные отношения, гостевые, так сказать.

– А почему он не женится?

– Не знаю. Я таких вопросов не задаю, и ты не вздумай. С хозяином беседы только по его вызову, никакой инициативы по собственному желанию.

– Поняла. Только когда позовут.

– Именно. Умная девочка.

– Лариса Петровна, а можно я Тасю покормлю? – решаюсь спросить, потому что прошло уже больше часа, и я начинаю переживать, что мой ребёнок отправится на экскурсию по дому в одиночестве.

– Жди. Аронов к себе должен пригласить. Как только вопрос с тобой решится, приведёшь дочку и покормишь здесь.

Согласно киваю, потому что в данный момент не в том положении, которое позволяет идти наперекор установленным здесь порядкам. Лариса Петровна делает краткую экскурсию по кухне, открывая шкафы и показывая, что и где находится. Рабочая зона посреди пространства поражает своей наполненностью и функциональностью, вызывая восхищение и возрождая желание приступить к готовке. Но моё рвение заканчивается в тот самый момент, когда один из охранников заходит к нам и говорит, что меня ждёт Аронов.

Иду за ним, преодолевая коридор, который уже показывала Петровна, и выходя в ту самую дверь, что ведёт в основную часть дома. Как только пересекаем разделённое про-

странство, застываю от восхищения в огромном холле с блестящим мраморным полом. Две лестницы, украшенные витиеватой ковкой, ведут наверх и сливаются воедино на втором этаже, образуя полукруглую площадку. На стенах огромные полотна, а холл скромно уставлен банкетками и напольными вазами. Я так и не поняла вчера, сколько здесь этажей, но особняк огромен.

– Не отставай, – окликает охранник, и я срываюсь с места, чтобы догнать его.

Пересекаем холл, поворачиваем и оказываемся перед двустворчатой дверью. Дважды стучит и открывает, пропуская меня перед собой.

Взгляд сразу устремляется на мужчину лет пятидесяти с приятной внешностью, солидной сединой и родинкой на переносице. Неосознанно замечаю край неровного шрама, выступающего из-под воротничка рубашки, на которой расстёгнуты две верхние пуговицы. Отсутствие галстука придаёт ему домашний вид.

– Добрый день. Вы уже знаете, кто я?

– Да, – отвечаю несмело, – Альберт Витальевич.

– Правильно. А вы Лена.

– А если быть точным, Орлова Елена Родионовна, двадцать шесть лет. – Знакомый голос заставляет повернуть голову и увидеть в глубине кабинета Островского. Не смотрит на меня, демонстративно листая мой паспорт. – Муж – Орлов Роман Васильевич. Прописка местная.

– Лариса Петровна вкратце ознакомила меня с вашей историей. Какое-то тотальное невезение, хочу вам сказать, – ухмыляется, вероятно не понимая, как такое количество событий могло произойти в жизни одного человека за неделю. – Сейчас ей непросто. Помощница, которая работала здесь последние два года, вышла замуж. Новую пока не нашли, да и Рудольфо у нас теперь нет. – В этот момент впивается взглядом в Парето с едва уловимым укором, но быстро переключается на меня. – Петровна сказала, вы можете нас порадовать десертами?

– Могу.

– Завтра у меня небольшой приём. Двенадцать человек, все свои, привычные. На вас десерт, справитесь?

– А что именно требуется от меня?

– А что вы умеете?

– Всё, – уверенно заявляю, и тут же приходится поёжиться от неприятного взгляда Островского.

– Лариса Петровна предоставит вам список, что требуется. Ваша задача – справиться к назначенному времени. Наличие необходимых ингредиентов не моя забота.

– Понятно. А что со мной, Альберт Витальевич? Я здесь останусь? – спрашиваю, не желая мучиться от неизвестности.

– Вот завтра и посмотрим, подходите ли вы нам или нет.

– Я очень постараюсь. Спасибо вам.

Застываю на месте, не зная, можно ли уходить, но Аронов

кивком даёт понять, что я могу вернуться на кухню. Покидаю кабинет, но, оказавшись без надсмотрщика, позволяю себе задержаться в холле, чтобы осмотреться и восхититься богатой обстановкой. Никогда не была в таких домах, и сейчас, подобно своей дочери в огромном магазине игрушек, с открытым ртом всматриваюсь в интерьер.

– Боже, какая красота… – не могу сдержать судорожный вздох.

– Нравится? – Подпрыгиваю на месте, узнав голос Островского.

– Очень! – не скрывая восхищения, говорю как есть.

– С какой целью ты здесь? – подходит вплотную. – Бедная девочка желает сытой жизни? Приглянулся тебе Аронов?

– Нет… – ошарашенно смотрю на мужчину, но затем вспоминаю, что Петровна советовала не поднимать глаза, и мгновенно опускаю голову. Но он касается моего подбородка и тянет вверх, чтобы уловить любую, даже мизерную ложь. – Я просто хочу работать и иметь возможность кормить своего ребёнка.

– Хочешь сказать, если тебе предложат остаться в этом доме и назначат фиксированную оплату, согласишься?

– Да.

– Жить у чужих людей, исполнять приказы и получать копейки?

– Для меня этого достаточно.

– Людям не бывает достаточно, – рявкает. – Жадность че-

ловеческая безмерна. Получив желаемое, они стремятся к большему, увеличивая аппетиты до тех пор, пока не нажрутся до тошноты. Но, как правило, насыщение приходит одновременно с отбытием в мир иной. Никак иначе.

– Мне кажется, вы просто встречали мало хороших людей. – Слова вылетают из моего рта прежде, чем я успеваю запретить их себе говорить этому опасному человеку.

На удивление то, что должно было вызвать негодование, порождает улыбку, но она мало походит на приветливую.

– Смелость часто приводит к фатальным последствиям. Меньше говори, больше работай и выполняй приказы. Поняла?

– Да.

– Свободна.

Едва не падаю, когда спешу отступить на несколько шагов назад, чтобы отдалиться от Островского. Он с наслаждением наблюдает за моей растерянностью, но больше не говорит ни слова.

– Ты что, чудовище увидела? – Петровна смотрит с ожиданием.

– Почти. Парето.

– Этот может, – недовольно кривит губы. – Мне кажется, он получает наслаждение, когда видит страх на лицах других людей, ещё больше удовлетворяется, когда этот страх вызывает он сам.

– Он всегда такой? – подхожу к раковине и, набрав в ла-

дони воды, ополаскиваю лицо, чтобы прийти в себя после встречи с Ароновым и Островским.

– Обычно спокойнее, но последние события сделали его нервным.

– Какие?

– Примерно неделю назад на Аронова было совершено покушение. Он сам не пострадал, но погиб охранник Илья Овсянников. Хороший был человек… – вздыхает Петровна, смахивая слезу. – Нападавшего не поймали, теперь Островский винит себя. Что-то упустил и позволил подобраться близко к хозяину. В такие моменты он слетает с катушек.

– И часто? Ну, слетает с катушек?

– Нет. Исключительно после таких инцидентов. Ещё неделю будет срываться на всех. Не обращай внимания. Просто не провоцируй.

– Поняла. Молчать и делать, – развожу руками.

– Что хозяин сказал? Оставит тебя?

– Всё решит завтрашний ужин, к которому мне нужно приготовить то, что вы скажете. Только после него Аронов сделает выводы и примет решение.

– Ой, точно, – подскакивает на месте и срывается, чтобы через пару минут вернуться со списком в руках. – Вот. Просмотри.

Бегаю по строчкам, изучая пристрастия хозяина, и довольно киваю:

– Всё выполнимо. «Захер» – самое простое из всего пе-

речня.

– Лен, ты постарайся. Мне помощница нужна – толковая, с руками из правильного места.

– Я обещаю. А что делать сегодня?

– Первое: приведи Тасю. Ребёнка необходимо накормить. Совсем худенькая она у тебя. Второе: плюс ко всему на мне питание охранников, поэтому поможешь. Здесь принято работать. Третье: сейчас выдам форму. Если останешься, всегда быть в ней.

Киваю, спешу за дочкой, которая валяется на кровати и с удовольствием смотрит мультик про какую-то фею. Спокойная, расслабленная, широко улыбается и звонко смеётся, когда я поднимаю её на руки, чтобы закружить. Впереди лишь неизвестность, но уже сейчас, стоя в этой маленькой комнате чужого дома, понимаю – у нас начинается другая жизнь.

Глава 5

– Лен, у тебя всё готово? – Петровна нервничает, словно впервые готовит для гостей Аронова.

– Практически, – осторожно катаю творожные сладкие шарики в ореховой крошке, чтобы выложить на блюдо. – Но до десерта ещё далеко. Все съехались лишь час назад.

Целый день крутилась на кухне, занимаясь любимым делом и получая наслаждение от аромата фруктов, свежей выпечки и шоколада. Готовка превращается в невероятно приятное занятие при условии, что все ингредиенты появляются по щелчку пальцев.

– Как вы оказались здесь? – спрашиваю женщину между делом.

– Дальняя родственница работает в соседнем доме много лет, и когда повар Аронова ушёл по семейным обстоятельствам, она предложила мою кандидатуру. Длительное время я работала в ресторане, стало тяжело в силу возраста, ушла на пенсию. Муж умер, остались дочь и двое внуков. Кстати, я как раз возвращалась от них, когда встретила тебя на вокзале. Затем незаметно для себя пришлось отвечать в этом доме за всё. Стало совсем просто, когда дети Альберта Витальевича уехали учиться и он остался один. Нерегулярные приезды Виктории не в счёт. Зимой у нас тихо и спокойно, движение начинается в марте, когда Аронов, как человек медий-

ный, устраивает приёмы, нацеленные на привлечение инвестиций, дотаций и так далее. Но в таких случаях нанимаю людей, которые обслуживают банкеты.

– Девочки, десерт, – врывается молодой парнишка, который, как пояснила Петровна, обслуживает ужин и получает почасовую оплату.

– Уже? – удивляюсь.

– Сказали нести, – равнодушно пожимает плечами, а в глазах парня читается разочарование: его оплата зависит от того количества времени, которое гости проведут за столом.

– Так, мусс, чизкейк, капиринья, граните, вагаси, данго, «Захер» обязательно, – выставляю торт, считывая улыбку Петровны, – микадо и лазанья из манго и клубники.

Парень капает слюной на всё представленное великолепие и берёт блюда, чтобы покинуть кухню.

– А что за лазанья?

– В списке был пункт «блюдо повара», я приготовила это. Лёгкий и в то же время сытный десерт с йогуртом.

Расставшись с приготовленными сладостями, остаёмся с Петровной в ожидании. Завариваем чай, и, пока он остывает, успеваю сбегать в комнату, чтобы проверить Тасю. Ей скучно в одиночестве, но она, к моему счастью, прекрасно понимает, что в данный момент нам необходимо вести себя тихо, а отсутствие вечно пьяного папы автоматически делает жизнь ребёнка безопаснее.

– Ещё эта чёртова панна-котта, – слышу бурчание Петров-

ны, которая гремит посудой на кухне. – И снова напрасно. Всё равно не понравится.

– Давайте я, – предлагаю, пока не зная, как отреагирует женщина на мою инициативу. – Если можно.

– Пожалуйста, Леночка, – складывает ладони и смотрит умоляющим взглядом. – Сил нет ещё с этим возиться.

Принимаюсь за десерт, смешивая составляющие, разливаю по формочкам три порции и ставлю в холодильник.

– Соус из фруктов сделаю утром, иначе он будет не таким вкусным.

– Встанешь из-за этого так рано?

– Ему же всё равно кофе варить.

– Забыла, – ругается женщина, которая, видимо, поднимается раньше только по вине Островского.

Болтаем, обсуждая гостей, которые сегодня собрались. Оказывается, у Аронова довольно обширный список знакомых всех мастей ещё со времён депутатства, а как только его деятельность утекла в другое русло, их стало в несколько раз больше. Не совсем понимаю, по какой причине на него было организовано покушение, но Лариса Петровна объясняет, что общественная деятельность мужчины нравится не всем. Не вдаюсь в подробности, мало разбираясь в социальном вопросе, потому что последние пару лет телевизор не смотрела и в лицо известных людей не знаю.

– Добрый вечер! – Перед нами появляется тучный высокий мужчина в розовой рубашке с платком на шее. – Вы Еле-

на?

– Да, – поднимаюсь, разглаживая ладонями подол, который примялся.

– Я Шаган Филипп Эдгарович, владелец сети кондитерских «Ванилла». Ваша лазанья из манго и клубники с прослойкой из йогурта восхитительна! – хватает мою ладонь и оставляет на тыльной стороне поцелуй. – Очень вкусно!

– А? Ага… – растерянно принимаю комплименты, больше опасаясь Островского, который вырос, словно из-под земли, за спиной Шагана.

– Зачем вам трудиться на кухне в этом доме? Вы можете работать у меня, Леночка! Оплата достойная, условия великолепные, и владелец, то есть я, относится к сотрудникам как к самому ценному и хрупкому.

– Я… я… – перевожу взгляд с Парето на Петровну – оба недовольны происходящим. – Я не могу. Хочу работать здесь.

– Вы уверены? – поджимает губы и сопит, разочарованный моей реакцией на такое щедрое предложение себя и своего дела.

– Полностью.

– Что ж, ладно. Но если вдруг передумаете, вот моя визитка, – протягивает карточку, подмигивая, и покидает кухню под пристальным взглядом Константина Сергеевича.

– Я уж подумала, что согласишься.

– Я пока не готова работать с большим количеством лю-

дей. Мне нужно время отдышаться, собраться с мыслями и понять, по какому принципу выстраивать наше с Тасей будущее.

Ответ полностью удовлетворяет Петровну, хотя я намеренно скрыла от неё самое важное: после продажи квартиры новые жильцы меня обязательно выпишут, а работник без прописки является проблемой. И пока я не придумала, что делать, нужно оставаться в этом доме. Сюда не придут органы опеки, чтобы спросить, почему вдруг дочь исчезла из сада, или Армен, который меня домогался. Закрытая территория, вход на которую контролируется охраной. В данный момент именно здесь я себя чувствую в безопасности.

– Вот и правильно, – поддакивает Петровна. – Судя по реакции Филиппа, Аронов предоставит тебе работу и позволит остаться. Сумму оплаты обговоришь с ним, у каждого индивидуальная. А теперь отдыхать. – Женщина указывает на дверь, которая ведёт в мой коридор. – Я закончу, а ты завтра раньше встанешь, чтобы приготовить завтрак Островскому.

– Спокойной ночи, – бегу по коридору, радуясь, что мне позволят остаться в этом доме, чтобы попробовать возродить из пепла свою уничтоженную жизнь.

***

– Доброе утро.

Оборачиваюсь на звук женского голоса и вижу перед собой красивую высокую блондинку за тридцать в ярко-алом халате.

– Здравствуйте. Я могу помочь?

– Вы новенькая? – Киваю. – Я Виктория, девушка Альберта.

– Простите, я вас ни разу не видела. Не знала…

– Как правило, я не завтракаю в этом доме, – опускает глаза, растерянно рассматривая помещение. – Не осталось, случайно, вчерашних десертов?

– Увы… Но у меня есть панна-котта, – указываю на формочки, заботливо выставленные на столе. Маленькая хитрость: если панна-котте дать настояться при комнатной температуре около часа, вкус раскрывается, а консистенция становится мягкой и нежной. – Соус на ваш выбор.

– Клубничный. – Женщина довольно улыбается, занимая место на высоком стуле у рабочей зоны. – И можно кофе по-венски?

Десерт для Островского готов, соус с цельными вишнями и кофе в кружке на столе, и, если я верно оценила этого человека, он никогда не опаздывает. И точно, как только стрелка часов оказывается на тридцати, слышатся шаги, и появляется Константин Сергеевич, занимая привычное место.

– Доброе утро, – приветствую мужчину, удостоившись лишь сухого кивка.

Я ему не нравлюсь, о чём свидетельствует предвзятое отношение и ярко выраженное недовольство на лице.

– Думал, ты уже уехала, – обращается к Виктории, пока та уминает десерт. – Обычно не задерживаешься.

– Не сегодня. Хотела насладиться десертом, который подавали вчера, но увы, получила лишь панна-котту, которая, кстати, невероятно вкусная, – тепло улыбается, указывая на меня ложечкой. – Вы волшебница, Лена!

– Спасибо, – улыбаюсь, но тут же опускаю глаза, когда Островский одёргивает шипением.

– Вон там, – Виктория привстаёт, чтобы увидеть стол напротив, – я вижу ещё одну порцию. Можно мне?

– Нельзя, – реакция мужчины незамедлительная, – это моя.

– Вы уже съели свою! – Виктория повышает голос, пытается переубедить Парето, выторговав последнюю порцию. – Поделитесь с другими, Константин Сергеевич.

– В этом доме панна-котту готовят только для меня, – отвечает спокойно, но убедительно, и женщина не решается продолжить спор. – И ещё кофе.

Оформляю вторую порцию, варю кофе и ставлю перед Островским.

– Спасибо, Лена. Это было невероятно вкусно, – расхваливает меня Виктория, не обращая внимания на острые взгляды Островского.

– Очень рада, что вам понравилось.

Виктория покидает кухню, а я, оставшись один на один с Парето, сразу ощущаю напряжение, которое расползается в пространстве.

– Приятного аппетита. Я вас оставлю.

Делаю шаг, но меня тут же останавливает властное:

– Сядь.

Ныряет в карман и достаёт плоскую коробочку, подталкивая ко мне по столу.

– Новый телефон. Номер твой, не знаю, сохранились ли контакты.

– Но я не просила…

– Это не подарок, а необходимость. Твоё мнение не учитывается. У каждого работника должен быть телефон, чтобы с ним можно было связаться при необходимости.

– Я даже пока не знаю, останусь ли здесь.

– Останешься, – произносит решительно, будто моё присутствие в этом доме зависит исключительно от желания Константина Сергеевича.

– Я верну вам деньги, – поднимаю коробочку со стола.

– Обязательно. Отработаешь.

Нервно сглатываю, сталкиваясь с ужасающей синевой, поглощающей мою волю и проникающей под кожу. И чтобы разорвать опасный контакт, вскакиваю, убирая грязную посуду после завтрака Виктории. Отворачиваюсь к мойке, занимая себя делом и стараясь не думать о присутствии Островского, а когда почти отвлекаюсь, он подходит сзади и, прижавшись к моей спине, кладёт тарелку в раковину. Секундное прикосновение, но меня прошибает насквозь тысячью зарядов, заставляя дёрнуться в сторону. Даже стоя к нему спиной, я слышу, как он улыбается, упиваясь тем эф-

фектом, что производит на меня.

– Спасибо за завтрак.

– Вам понравилось? – замираю с тарелкой в руках и почти не дышу.

– Нет.

Звук удаляющихся шагов и щелчок двери позволяют расслабиться, облокотившись на раковину. После каждого разговора с Парето я проживаю микроинсульт, который отдаётся тревожностью и непонятным желанием повторения.

– Доброе утро! – Петровна появляется настолько неожиданно, что я подскакиваю на месте, а тарелка выскальзывает из рук, разлетаясь по плитке множеством осколков. – Ты чего, Лен?

– Островский только что вышел. Думала, вернулся.

Сметаю остатки посуды, пока Лариса Петровна осматривает стол.

– Завтракал?

– Вы видели когда-нибудь, как люди готовы сойтись в схватке за панна-котту?

– Нет, – удивлённо смотрит, ожидая продолжения.

– А я почти, – смеюсь. – Виктория и Константин Сергеевич едва не схлестнулись в ожесточённой битве, выясняя, кому из них достанется добавка.

– Победил Островский?

– Есть сомнения?

Взрываемся хохотом, загибаясь посреди кухни. Уверена,

Петровна жалеет, что пропустила такое представление, когда выбрала лишние полчаса сна.

– Стоп. Он две порции съел?

– И два кофе выпил.

Женщина замолкает, хмурится, но затем улыбается и берёт меня за руку.

– Леночка, я официально передаю тебе право ежедневно готовить панна-котту для Островского. Пост сдал – пост принял.

– Но… – Попытка возразить пресекается цоканьем.

– Мою он всё равно не ест, да и кофе не пьёт. На моей памяти, он даже у Рудольфо не просил добавки, довольствуясь одной порцией.

– Думаю, здесь свою роль сыграл соревновательный момент. Островский съел вторую порцию исключительно назло Виктории. Она ему не нравится?

– Я тебе больше скажу – ему никто не нравится. Он из той категории людей, которые себя-то раз в год любят. Что говорить об остальных?

– А Константин Сергеевич женат был?

– Вдовец. Подробностей не знаю.

Неожиданно и страшно осознавать, что когда-то этот человек был женат и пережил большое горе. Значит, он способен привлечь женщину, построить отношения и заботится о ком-то? Чем дольше смотрю на него, тем больше берут сомнения, что Островский способен быть другим.

– А лет ему сколько?

– Сорок исполнилось первого января. Но мы не поздравляли, ненавидит праздники – любые. Я в курсе его возраста лишь по причине того, что недавно справляли Альберту Витальевичу юбилей, а он на пятнадцать лет старше Островского. Ты много им интересуешься, – с укоризной произносит Петровна.

– Просто мне интересно, как он стал… таким. Холодным, недружелюбным, чёрствым к себе и окружению.

– У всех своя история, но отчего-то каждый человек уверен, что несчастливее, чем он сам, вокруг быть никого не может. Кому-то необходимо рассказать свою историю миру, чтобы получить долгожданное сострадание или же примитивную жалость, а кому-то достаточно самого себя. Парето относится ко вторым.

– Может, ему просто некому выговориться?

– Может, – ставит передо мной кружку и усаживается напротив, чтобы приступить к завтраку. – Но мы об этом никогда не узнаем.

Через двадцать минут ворота откатываются, и несколько машин покидает территорию дома. Как поясняет Петровна, Аронов уехал по делам в город в сопровождении Островского и до вечера не вернётся. Готовим обед, попутно обговаривая вопросы, которые мне ещё неизвестны. Альберт Витальевич не огласил решение касательно меня, но поведение Островского и новый телефон, который он вручил

мне утром, говорят сами за себя. Кормлю Тасю и вывожу на улицу, чтобы прогуляться по территории под пристальными взглядами охраны. Дочка засиделась в четырёх стенах, имея из развлечений лишь телевизор, и по-хорошему ей необходимо общение с другими детьми, но возможности отдать её в сад на данный момент нет.

Обходим дом, замечая позади несколько одноэтажных одинаковых строений, стоящих плотно друг к другу. Не знаю, для какой цели они предназначены, но мне кажется, здания вполне обжиты. На небольшой площадке стоят массивные садовые качели с крышей, куда тут же радостно взбирается Тася и устраивается на мягкой подстилке. Вокруг множество невысоких ёлочек, расположившихся вдоль дорожек, которые покрыты мелким снежком. Свежий воздух – тихо и спокойно.

Дёргаюсь, услышав незнакомую мелодию, и не сразу понимаю, что звонит телефон в кармане формы. Достала из коробки и включила, оставив дальнейший просмотр на потом, когда Тася уснёт.

Поднимаю трубку, не успеваю сказать и слово, как слышу крик:

– Ленка! Наконец-то! Столько дней звоню! Что случилось? Куда вы пропали? И кто живёт в вашей квартире?

– Валя, привет. – Так рада слышать знакомый голос, что, пока соседка бросает в меня с десяток вопросов, сижу и улыбаюсь, посматривая на Тасю.

Вкратце рассказываю о своих злоключениях, не забывая упомянуть пропажу Ромы, приставания Армена и кражу кошелька.

– Лен, прости, я так не вовремя уехала. Сестра позвонила, у мамы резко здоровье ухудшилось: скорая, больница и несколько дней переживаний, которые закончились благополучно. Телефон сел ещё в поезде, зарядила не сразу.

– Ничего страшного. Ты не обязана, Валь. Кстати, я всё тебе верну до последнего рубля, не переживай.

– Да я вообще не о долге сейчас думаю! Где вы?

Открываю рот, чтобы рассказать, и понимаю, что сама плохо осознаю – а где? Ехали ночью, довольно долго, или же мне дорога показалась длинной из-за усталости. Точно за городом, но в каком направлении, не совсем понятно. А затем прихожу к выводу, что так, вероятно, даже к лучшему.

– Пока не скажу, – произношу уверенно. – Извини, не хочу. Нам с Тасей необходимо понять, как жить дальше в условиях отсутствия жилья и нашего папы. Рому видела?

– Не появлялся. Я даже ему позвонила, – усмехается, – когда утром увидела выходящими из вашей квартиры незнакомых людей, но телефон был выключен. Кстати, дня три назад двое мужчин приходили. Что интересно, искали тебя.

– Меня? – напрягаюсь, предполагая, что Рома куда-то влез. Мне не привыкать отдавать за мужа долги. – Наверное, снова занял денег и благополучно забыл, кому и сколько должен.

– Нет, Лен. Эти на привычных дружков Ромы не похожи. Солидные, серьёзные, тактичные – никакого хамства или нападок. Тебя по имени-отчеству называли, спрашивали, где работаешь, когда приходишь.

– А ты что?

– Сказала, что тебя не видела несколько дней, мужа тоже. Квартиру продали, куда переехали, не в курсе. Они в тот же день к новым жильцам заявились, выясняли, когда ты съехала, и даже договор смотрели, который им хозяин квартиры предъявил. Я в глазок наблюдала, – шепчет, словно страшной тайной делится.

– А дальше?

– Дальше толстый мужик кричать начал, один из тех двоих гаркнул, и сразу тихо стало. Вот так. Знаешь, Лен, они на бандитов похожи…

Господи, куда ввязался Рома? На миг становится страшно, и я прижимаю к себе Тасю, но затем, оглядевшись вокруг, успокаиваюсь: вряд ли кто-то рискнёт пробраться на территорию дома Аронова, да и для начала нужно догадаться, что мы находимся здесь.

– С новыми соседями познакомилась? Кто они?

– Пару дней приезжали, что-то делали, таскали коробки, а после прихода тех двух мужчин уехали и не вернулись. Квартира пустая.

Странно. Хотя если эти люди заполучили недвижимость обманным путём, к примеру опоив Рому и подсунув договор

на подпись, вполне вероятно, что испугались прихода неизвестных людей, которые задавали неудобные вопросы.

– Думаю, позже появятся.

– И что, ты ничего не собираешься делать? Есть завещание, заверенное нотариусом и составленное по закону. Ты же прекрасно понимаешь, что бабушка не могла подписать договор, а значит, это дело рук Ромы.

– А что я сделаю, Валь? Ну вот что? У них есть документы – это раз, выпроваживали меня из квартиры при поддержке полицейских – это два. Сама я юридически не подкована, в законах не разбираюсь, значит, необходимо нанимать адвоката, а на данный момент у меня одна задача – прокормить своего ребёнка и обеспечить условия, похожие на человеческие.

– Ты Роме звонила?

– Звонила. Телефон выключен.

Откровенная ложь меня не коробит, потому что не желаю говорить с человеком, который оставил своего ребёнка на улице, не позаботившись о его благополучии. Я проглочу, перетерплю, но Тася слишком мала, чтобы бороться с жизненными реалиями наравне со взрослыми.

– Мне пора, Валь. За деньги не переживай – всё верну.

– Я знаю. Звони, пожалуйста, хоть иногда.

Прощаюсь с Валей, избавляясь от новостей из прошлой жизни, возвращаться в которую нет никакого желания. Разговор с соседкой всколыхнул осевший осадок и паршивые

воспоминания, от которых я хотела бы избавиться. Не желаю возвращаться к мужу, который давно стал чужим, да и малооплачиваемый труд больше не интересует. Задумавшись о работе, набираю номер менеджера супермаркета, говорю, что пришлось уехать в срочном порядке, и приношу извинения за неудобства. Большего не объясняю, но с радостью получаю информацию, что за последнюю рабочую неделю мне положена выплата, которую могут отправить на карту. Радость оказывается кратковременной, потому как карта была в том самом кошельке, которого нет. Захожу в приложение банка и с огромным удивлением обнаруживаю небольшую сумму на карте, которой, как оказалось, не воспользовались. Заказываю перевыпуск и направляюсь с дочкой в дом.

Аронов возвращается поздно, отказывается от ужина. Делаю панна-котту, поставив формы в холодильник, и собираюсь покинуть кухню, когда помещение заполняет непонятный звук. Петровна снимает со стены белую трубку и слушает, а затем говорит, чтобы я отнесла два чёрных кофе в кабинет хозяина, у которого ко мне есть разговор.

Глава 6

Тихий стук, после которого решаюсь войти в кабинет, где расположились Аронов и Островский. Ненавязчивый запах алкоголя расползается по помещению, заставляя меня скривиться, что не остаётся незамеченным Парето. После Ромы я остро реагирую на малейшие признаки спиртного, стараясь держаться подальше от захмелевших мужчин. Но сейчас выбора нет по причине обязанностей и приказа хозяина явиться к нему.

– Добрый вечер. Ваш кофе, – выставляю кружки на стол, замечая, что рядом с Ароновым также находится бокал.

– Лена, я принял решение оставить вас в качестве повара, – начинает Альберт Витальевич, но я улавливаю лёгкую улыбку на губах Островского и понимаю, что оказалась права. Называет сумму, которую буду получать каждый месяц, и я готова визжать от радости.

– Это очень много, – склоняю голову, сложив руки на подоле.

– Часть я добавил за возможность утереть нос Шагану.

Мужчины переглядываются, и кабинет наполняется скупым мужским смехом. В этот момент не отрываю взгляда от Островского, который, поймав мой, сводит брови к переносице и становится серьёзным.

– Однозначно, это было самым положительным событием

вчерашнего вечера.

– Согласен, – кивает Аронов, – приятно, когда у тебя есть то, о чём другие только мечтают.

– Да. Приятно. – Произнося это, Константин Сергеевич ползает по мне взглядом, который приводит в замешательство.

Мужчины, словно сговорившись, пристально осматривают меня, а мне хочется провалиться на месте, лишь бы не чувствовать изучающих глаз на своём теле.

– Я могу идти? – нарушаю тишину, кажется отвлекая их от приятного занятия.

– Я ещё не закончил, – останавливает Аронов. – Для начала вы переезжаете.

– Куда? – Я только-только привела себя и Тасю в равновесие, успокоившись сама.

– За особняком есть несколько гостевых домов, видели? – Киваю. – В один из них. Они немного больше, чем ваша комната, и имеют дополнительные удобства, где вам с ребёнком будет комфортнее.

– Спасибо за вашу заботу, но нам достаточно того, что есть.

– Правда? – удивляется Аронов, открыв рот.

– Знаете, как сделать человека счастливым? Заберите у него всё, а через некоторое время верните обратно, ничего не прибавив. Можно сказать, вы вернули мне всё. Но главное, что у меня сейчас есть, – безопасность и уверенность в

завтрашнем дне. Большего не нужно.

Островский окидывает меня странным взглядом, словно удивлён каждому моему слову, ожидая иного. Да, иногда человеку для счастья нужно совсем немного: чистая постель, тишина и счастливая улыбка ребёнка.

– Вы переезжаете. Решено. – Последнее слово за Парето. – А с завтрашнего дня ваша дочь начнёт ходить в частный сад.

– Но…

– Это не обсуждается, – резко и зло выплёвывает каждое слово.

Я делаю попытку спорить с человеком, который возражение не принимает в любой форме, чем лишь нервирую его и настраиваю против себя.

– Гриша будет возить ребёнка в сад и забирать.

– Боюсь, у меня не хватит средств на частный детский садик, – собираюсь с силами и всё же привожу аргумент, как, мне кажется, вполне логичный. – Тася мешать не будет. Вы даже за пределами комнаты её не увидите. Обещаю.

– Дело не в этом, – мягко начинает Аронов, останавливая Островского, который, кажется, уже на грани и готов сорваться на крик. – Ребёнок не может сидеть в четырёх стенах в одиночестве, пока вы выполняете свою работу. В саду она будет с детьми, что предполагает общение и развитие, да и вы будете спокойны.

– Всё верно, Альберт Витальевич, но…

Островский подскакивает и оказывается передо мной, на-

висая:

– Завтра девочка идёт в сад. Что не ясно?

– Всё ясно, – соглашаюсь, не решаясь поднять глаза и встретиться с разъярённым синим взглядом.

– Сразу бы так, – шумно выдыхает, успокаиваясь, а меня знобит от тех эмоций, которые я испытываю рядом с этим жёстким мужчиной. – Жди меня в комнате. Сейчас приду. Будем переезжать.

Покидаю кабинет и бегу в комнату так быстро, как только могу, не желая контактировать с Островским ни сейчас, ни когда-либо ещё. Жду десять минут, полчаса, но он не появляется. Тася спит, а я собираю вещи, стараясь не потревожить хрупкий сон. Дверь резко открывается, являя Парето, но, как только замечает спящую дочку, мгновенно смягчается. Стою посреди комнаты, не решаясь спросить, опасаюсь вызвать гнев и без того недовольного мужчины. Молча берёт мои вещи, идёт к выходу, а я хватаю на руки Тасю.

Оказываемся за домом, где сегодня мы с Тасей весело болтали на качелях и рассматривали снег. Отдельный уютный коттедж раза в три больше уже привычной комнаты. Аронов прав, здесь просторно и светло, а места так много, что можно жить вчетвером. Островский ставит сумки возле двери, не переступая порог, и, собираясь уходить, бросает через плечо:

– Она должна быть готова к восьми.

Сразу понимаю, что она – Тася, которая завтра же отпра-

вится в сад, потому что он так решил. Укладываюсь за полночь, прижав к себе дочь, и не могу уснуть, съедаемая мыслями: по какой причине Аронов так обо мне заботится? Любому другому было бы плевать, как сложится жизнь женщины, которая пришла в его дом из ниоткуда, добавив проблем и лишних забот. Как правило, состоятельные люди мало обращают внимания на тех, кто обслуживает их комфортную жизнь, а часто даже не помнят, как их зовут. Но здесь всё иначе: начиная с того, что ко мне обращаются по имени, и заканчивая заботой о моём ребёнке.

Утром успеваю сбегать на кухню и приготовить завтрак Островскому, оставив для него панна-котту и кофе на столе. Собираю Тасю, которая удивлённо рассматривает наше новое жилище, носится как заведённая и с интересом разглядывает вещи.

– А мы теперь всегда здесь жить будем?

– Сейчас да, а дальше не знаю.

– Мам, – шепчет, пока я застёгиваю куртку, присев на корточки, – а давай никогда к папе не возвращаться? Здесь хорошо и нет чужих дядек, которые кричат.

– Если я буду ответственно работать, а Альберт Витальевич будет доволен, то мы останемся здесь.

– А кто это? – хмурит бровки, вспоминая незнакомое имя.

– Ему принадлежит этот дом.

– Я думала, что хозяин Костя.

– Костя? – Меня стремительно охватывает ужасом, когда

я слышу такое милое «Костя» из уст ребёнка. – Тасенька, давай договоримся, – беру её лицо в ладони, фокусируя внимание, – ты никогда не говоришь «Костя», ладно? Только Константин Сергеевич, если хочешь у него что-то спросись.

– А если я скажу Костя, он будет ругаться?

– Да. Очень сильно.

– Ладно, – вздыхает и идёт к выходу, – а мне больше нравится Костя…

Тащу Тасю на площадку перед домом, где стоит несколько машин. Гриша курит, выхаживая по территории, и, видимо, ждёт нас.

– Поехали? – замечает и идёт к машине.

– Гриш, я бы хотела с тобой поехать. Мне бы посмотреть, что за сад и будет ли там хорошо Тасе.

Ещё вчера обдумывала, каким образом увязаться за водителем, чтобы посмотреть на место, куда будут увозить каждый день мою дочь. Мне необходима уверенность, что дочка будет там, где озвучил Островский.

– Парето приказал только её, – кивает на Тасю, которая крутит головой в розовой шапке и внимательно следит за разговором.

– Кто такой Парето, мам?

– Никто, родная. Ты его не знаешь, – подмигиваю Грише, который сразу понимает, что сплоховал, сказав прозвище Островского при ребёнке. Дети подобны губке, которая чаще всего впитывает именно ту информацию, которую ты

желаешь от них скрыть.

Звуки нескольких голосов переключают наше внимание, и из дверей показываются Аронов и Островский. Удивлена и, раскрыв рот, наблюдаю, как Альберт Витальевич медленно идёт к автомобилю, опираясь на палочку. Он заметно хромает на левую ногу, но, кажется, уже достаточно привык к этому, как и мужчины из охраны. Впервые с момента приезда в этот дом я вижу Аронова в полный рост и не могу не смотреть, как тяжело ему даются передвижения. Островский, заметив мой неприкрытый интерес, вопросительно вскидывает бровь, отчего вмиг опускаю глаза.

– Спроси у него сама, – шипит Гриша, не желая попасть под яростный молот начальника.

– Доброе утро, – обращаю внимание на себя. – Константин Сергеевич, можно я сегодня отвезу Тасю с Гришей? Я хочу посмотреть на детский сад.

– Считаешь, он хуже, чем государственный? – прищуривается, поджимая губы и готовясь к нападению. Да почему он так реагирует на каждое моё высказывание?

– Нет, не в этом дело…

– Можно, Лена, – даёт добро Аронов. – Костя, она как мама желает убедиться в безопасности своего ребёнка, и только.

– Мам, а дядя говорит Костя! А мне ты сказала, что нельзя говорить Костя! – Неожиданный комментарий моего ребёнка уносит почву из-под ног. У Островского даже кадык дёр-

гается после двойного «Костя», которое так нравится Тасе.

– Дяде можно, – стараюсь говорить спокойно, но голос предательски дрожит. – А нам нельзя. Никому нельзя.

– Правильно – никому, – подтверждает Островский, опускаясь перед дочкой на корточки. – Но тебе я разрешаю, Таисия, – и мягко нажимает на кончик её носа пальцем, отчего мой ребёнок весело хохочет.

Его лицо напротив лица дочки, но она не пугается глубокого шрама, наоборот, смотрит с улыбкой.

– Спасибо, Костя, – шепчет и целует Островского в щёку.

Он отшатывается от неожиданности, и впервые я вижу его настолько ошарашенным, будто он не знает, что такое детская благодарность, которой всё равно, как ты выглядишь, важно лишь, что отдаёшь взамен.

– Вам пора, – кивает Грише, который мгновенно открывает дверь машины.

Забираемся с Тасей на заднее сиденье и увлечённо рассматриваем мелькающие мимо нас строения, обсуждая огромные дома. Это место похоже на маленький закрытый посёлок, где все постройки частные и обнесены высокими заборами, за которыми спрятались такие же влиятельные люди, как Аронов.

Через полчаса подъезжаем к саду, и директор водит меня по территории, подробно рассказывая, где и чем занимаются дети. Детей немного, но тем лучше. Оказывается, заявление было подано вчера с ксерокопией всех документов, ко-

торые остались у Островского. Место Таси оплачено на полгода вперёд, а это означает, что сумма, которую я должна Парето, значительно возросла, если учитывать купленный телефон. Мне не нравится, что теперь я его должница, но он был прав, когда говорил, что я обязана работать, не отвлекаясь на Тасю.

– Всё понравилось? – спрашивает Гриша, как только мы отъезжаем от сада и сворачиваем на дорогу обратно к дому.

– Да. Частный сад однозначно лучше государственного.

– Теперь твоя дочь – мой подопечный, за которого я отвечаю, – смеётся, понимая всю абсурдность ситуации.

– Ты, наверное, недоволен. Интереснее быть с шефом, обеспечивая его безопасность.

– Было интересно, – отводит взгляд. – До того самого момента, пока Илюху не застрелил какой-то придурок, покушавшийся на Аронова. Знаешь, как-то пропал интерес. Я лучше вон мелкую возить буду: оплата та же, а опасности ноль.

– И часто такие опасности бывают?

На секунду мелькает мысль: ни за какие бы деньги я не решилась бы отдать свою жизнь добровольно.

– Совсем нет. Я здесь полтора года. Разное, конечно, было: психи, которые в морду кидаются и по головам охраны лезут; идиоты, которые под машину бросаются; журналисты, которые умудрялись даже на территорию пробраться под видом обслуживающего персонала или работников доставки.

Но чтобы стрелок и впоследствии труп – не было. Последнее покушение на Аронова лет пять назад состоялось, он тогда ещё депутатом был. После инцидента, кстати, и получил проблемы с ногой.

– В него стреляли?

– Нет. Машина перевернулась несколько раз.

– Ох, – выдавливаю из себя.

Вероятно, шрам, который я заметила у Альберта Витальевича, получен именно тогда, значит ли это, что шрамы Островского появились по этой же причине?

– И так бывает… Поэтому уж лучше я личным телохранителем мелкой побуду, – усмехается и кивает, словно сам с собой ведёт беседу. – Не переживай: отвезу, заберу, доставлю.

– Я не об этом переживаю, а о том, сойдётся ли Тася с детьми. Она общительная, открытая, но новых людей принимает тяжело.

Говорю и сама же себе противоречу, потому что к Константину Сергеевичу она прониклась симпатией необычайно быстро, приняла и даже в щёку поцеловала. Детская душа загадочна и часто непонятна, маленькие тянутся к тем, кто, казалось бы, не вызывает у окружающих никакой симпатии, и отступают на шаг от тех, кому большинство симпатизирует. Как это работает – неясно, но факт остаётся фактом: Тасе пришёлся по душе Парето с его ледяным взглядом и устрашающим шрамом.

– Вот вернётся сегодня из сада и спросишь впечатления, но мне кажется, малой там понравится.

– Надеюсь.

Возвращаемся в дом Аронова, выхожу из машины, но Гриша не следует за мной, а разворачивается и уезжает. Наверное, между поездками в сад у него есть дополнительные задания.

Глава 7

Близятся выходные, и за несколько дней моё общение с Островским сократилось до минимума. С утра до его прихода стараюсь оставить тарелку с завтраком на столе, исчезнув за минуту до того, как отворится дверь на кухню. Собираю с утра Тасю и передаю Грише, который забирает ребёнка прямо у бокового входа. Так вероятность встретить Парето сокращается в несколько раз.

Моей девочке нравится новый сад, воспитатель и наличие огромного количества игр, которыми можно увлечься. Аронов молчит про сумму, внесённую за Тасю, да и Константин Сергеевич ни словом не обмолвился, что меня напрягает. Такие люди ничего и никогда не делают просто так, обязательно с выгодой для себя. Но какая выгода от меня такому влиятельному человеку, как Аронов? Я лишь женщина, попавшая в тяжёлые жизненные обстоятельства с ребёнком на руках, не имеющая за плечами денег, связей и даже собственного дома.

Уже привычно топчусь у ворот, ожидая, когда Гриша привезёт дочь из сада. Мороз, сыплет мелкий снежок, тонким покрывалом укладываясь на дорожки. Озираюсь, посматривая на камеры по периметру. Изначально я даже не обратила на них внимания, но когда более детально изучила территорию дома, обнаружила их больше тридцати. Интересно, где

находится пункт просмотра видео и ведётся ли запись круглосуточно? Как только я задала себе этот вопрос, поняла: напрягаюсь лишь от одной мысли, что кто-то за мной наблюдает. Хотя кому я нужна, ведь всё это лишь меры предосторожности для Аронова.

– Мам, привет! – Таська несётся, запрыгивая мне на руки. – А мы сегодня лепили животных из воздушного пластилина. Я сделала зайку с ушками и хвостиком. Воспитательница сказала, что у меня самый красивый зайчик из всех! – хвалится, стараясь быстрее всё выдать и проглатывая слова.

– Ты его забрала или оставила в саду?

– Мам, ну ты что? Он ведь высохнуть должен, и тогда можно играть. В понедельник придём и сделаем зоопарк из животных.

– Прости, не подумала.

– Теперь знаешь.

Опускаю Тасю, и она направляется вприпрыжку в сторону коттеджа, путь к которому выучила наизусть, как и прилегающую территорию, которая доступна для нас.

– Лен, – окликает Гриша, – воспитательница попросила… – осекается, потирая нос и не смотря в глаза.

– О чём? Говори.

– Попросила… чтобы одели ребёнка поприличнее, – прокашливается, словно говорит о чём-то настолько неприятном, что меня должно это поддеть. Но я осознаю, что тот ограниченный набор вещей, который есть у Таси на данный

момент, пополнить пока не представляется возможным. – В саду дети из состоятельных семей, и малая среди них значительно выделяется. Она не сказала, что это обязательно, просто опасается, как бы другие дети не стали клевать.

– Ничего страшного. Спасибо, что сказал, Гриша. Постараюсь исправить ситуацию.

Иного ответить не могу, не желая грузить постороннего человека незначительными проблемами. Пока я ничего не получала, а Петровна сказала, что расчёт обычно раз в две недели, я же отработала полторы. Проверяю Тасю, которая разделась и уже включила телевизор, чтобы посмотреть мультики. После сада она стандартно вымотана и спокойна, поэтому ложится рано и спит до самого утра не просыпаясь. Возвращаюсь, чтобы подготовиться к завтраку Островского, который заходит на кухню в семь тридцать, не разделяя дни недели на будни и выходные, когда звонит служебный телефон и Аронов приказывает явиться к нему в кабинет с двумя чашками чёрного кофе. Просьба сразу даёт понять, что компанию ему составляет Островский, которого мне удавалось избегать несколько дней.

Сварив кофе, выставляю на поднос кружки и иду к хозяину, приготовившись, что буду вновь дрожать под гнётом синих ледников.

– Входите. – Альберт Витальевич встречает улыбкой, которая меркнет в сравнении с придирчивым взглядом Островского.

– Ваш кофе, – выставляю кружку перед хозяином дома, на секунду замираю, ожидая приказа от Парето. Кивает в сторону журнального столика рядом.

– Это вам. – Аронов протягивает конверт. – Расчёт раз в две недели, но я подумал… лучше сейчас.

– Огромное спасибо, – прижимаю конверт к груди, словно это самое ценное для меня. Хотя так и есть, и теперь имеется возможность купить что-то дочери.

– Лучше, конечно, чтобы вы обзавелись картой.

– Была. Но украдена вместе с кошельком. Заказала перевыпуск и надеюсь, что через пару недель будет готова. – Аронов кивает, видимо, ждёт, когда я покину кабинет, но продолжаю: – Альберт Витальевич, можно я завтра поеду в город? Я быстро, только кое-что куплю Тасе. Гриша сказал, в саду просили приодеть её, она отличается от других детей. Правда, я не знаю, какой транспорт ходит отсюда и как добраться… но спрошу у Ларисы Петровны.

Аронов бросает взгляд на Парето, а затем переводит на меня. Молчит, будто последнее слово за Островским.

– Константин Сергеевич вас отвезёт. Но учтите, его терпение не бесконечно, поэтому постарайтесь всё сделать быстро.

А меня словно из ледяного душа окатили, заставив дрожать, потому как несколько часов рядом с Островским смерти подобны, а сброситься с моста куда лучший вариант в общей перспективе.

– Может, я сама? – перехожу на писк, возражая.

– Тебя не устраивает моё общество? – Парето поднимается, чтобы остановиться напротив, напрягая удушающей силой, которой я не способна сопротивляться.

– Не хочу вас утруждать своими проблемами. – Ответ находится сразу, но его, кажется, он не устраивает. – Вы очень занятой человек, а поездка займёт полдня, которые вы можете потратить на нечто более важное.

– Будь готова к девяти.

– Но…

– Не обсуждается, – цедит сквозь зубы, сверкая гневным взглядом.

– Буду готова, – быстро соглашаюсь, забираю поднос и оставляю мужчин.

Рассказываю Тасе, что завтра отправимся в город, купим ей вещи и игрушку, а ещё любимый йогурт, сладкие шарики и печенье с клюквой. Носится, придумывая, какой ещё запрос озвучить, и наконец засыпает.

Но мне не спится, поэтому я выхожу на улицу и направляюсь к качелям. Удобно устроившись, укутываюсь в старенькую куртку и наблюдаю, как падает снег, накрывая землю белым одеялом. Спокойно, умиротворённо и тихо. Глубоко втянув морозный воздух, задерживаю дыхание на секунду, а затем выпускаю облако пара в пустоту.

Слышу за спиной шаги, которые сопровождаются хрустом снега, и не оборачиваясь понимаю, что они принадлежат

Островскому. Из тысяч лиц и звуков я непременно узнаю его даже с закрытыми глазами и в состоянии полной глухоты, потому что его появление сопровождается мурашками по коже и истерикой каждой клеточки тела. Это не страх в классическом его понимании, когда сила и преимущество над тобой человека заставляют пригнуться и уступить, а нечто иное – завораживающее, встряхивающее каждый раз и даже, как бы парадоксально это ни звучало, вызывающее восхищение.

За то время, что нахожусь здесь, заметила, как все до единого охранники опускают голову перед Островским, не решаясь открыто смотреть в глаза, и сам Аронов, находясь в роли хозяина и работодателя, всегда отступает перед решениями начальника службы безопасности. Но их отношения скрывают нечто иное – тонкое и не известное никому, понятное лишь двоим, связанным неким событием из прошлого. Я бы сказала, что Аронов подобен провинившемуся, который не понимает, как искупить вину.

Константин Сергеевич проходит мимо меня не повернувшись и исчезает в соседнем коттедже, где сразу включается свет, а сквозь незашторенное окно чётко виден силуэт мужчины, стягивающего с плеч пальто, а следом пиджак. Не могу оторваться от представления, наблюдая за движениями Островского, но он, словно почувствовав мой интерес, подходит к окну и, опершись на подоконник, застывает в одной позе. Это не прямой взгляд на расстоянии метра без ощутимой преграды, но и он будоражит меня не меньше, заставляя

вздрогнуть и быстрым шагом пойти к дому. И лишь когда дверь за моей спиной закрывается, с облегчением выдыхаю. Он живёт рядом, в нескольких шагах, но раньше я не видела его. Или же просто не обращала внимания? Не имеет значения, сколько метров между нами, я чувствую его ледяное дыхание даже сквозь толщину стен.

***

– Мам, а ты купишь мне куклу?

– Куплю.

– А пластилин, много цветов?

– Куплю.

– А машину?

– Зачем машина?

– Мам, ну ты чего? Для куклы!

И точно, как я не могу понять, что для куклы необходимо много дополнительных элементов. Улыбаюсь, радуясь вместе с Тасей, которая бесперебойно болтает, предвкушая поездку в город. Если в садике множество игр и развлечений, то здесь ей совсем нечем заняться.

Островский ждёт в машине, откинувшись на сиденье и постукивая по рулю. Открываю дверь и замечаю детское кресло, по-видимому новое, недавно купленное. Неужели для меня так расстарался, что удивительно и совершенно не укладывается в голове. Пристёгиваю Тасю, которая болтает ногами и осматривается в машине. Обхожу автомобиль с другой стороны, чтобы сесть рядом с дочкой, но, открыв

дверь, слышу властное:

– На переднее.

Вот же чёрт! Мысленно издаю протяжный стон, не желая находиться слишком близко к Парето, но приходится подчиниться и выполнить требование. Около получаса в тишине и напряжении, только Тася спит в детском кресле.

– Можете оставить нас в торговом центре и заняться своими делами. Мы недолго. Я только возьму Тасе всё необходимое, и можно обратно.

– А себе?

– Я обойдусь, главное – она.

Возможно, Островский не понимает, что есть моменты, когда нужно выбрать: потратить деньги на сладкое или лекарства для бабули; купить игрушку или ботинки на зиму; накормить ребёнка или позволить себе лишнюю вещь. Некоторым людям вообще не приходится выбирать, но я им не завидую, вероятно, они даже не подозревают, а могут ли пожертвовать чем-то незначительным, лишив себя привычного комфорта ради действительно важного.

– Купи что-нибудь себе. Обязательно, – не унимается, а мне непонятно его желание навязать покупку. Мне кажется, он всегда смотрит сквозь меня, как на пустое место, не заслуживающее его концентрации. – Куртка тонкая, совсем не зимняя, – кивает на старый пуховичок, – обувь убогая, про джинсы могу сказать то же самое.

В любой другой ситуации я бы приняла это как оскорбле-

ние, но не сейчас и не от него. Смирилась с положением вещей и невозможностью приобретения нового каждый сезон, донашивая одежду, приобретённую ранее.

– Я подумаю.

– В конверте было достаточно. Или нет?

– Достаточно, – подтверждаю и вспоминаю, как вчера радовалась, пересчитывая деньги. – Но я не могу себе позволить тратить всё и сразу, не думая наперёд. У меня есть проблемы: я должна вам за телефон, Альберту Витальевичу за сад и соседке за похороны бабули.

– Какой соседке? – напрягается, понижая голос.

– Вале. В тот момент, когда умерла бабушка, накопленной мною суммы не хватало, а Рома отказался помочь. Пришлось обратиться к ней.

– А бабушка чья была?

– Мужа.

– То есть родственник его, но досматривала ты и хоронила тоже ты?

– Именно так. Он даже на похороны не пришёл… Единственный родной человек, а он так… – Отчего именно сейчас становится особенно больно от мысли, что мы для Ромы давно перестали быть близкими. – А мне пришлось всё устраивать, договариваться, платить…

– Смотрю я на тебя, Лена, смотрю и всё больше понимаю, что ты диван.

– Кто?! – забываюсь, ошеломлённая сравнением, и непо-

нимающе пялюсь на Островского.

– Если ты будешь постоянно себе отказывать в желаемом ради других, то станешь диваном: удобным и мягким диваном. Ты хочешь быть диваном? Если нет, тогда учись быть немного эгоистом и начни любить себя.

– Как вы?

– Как я не надо. Не лучший пример эгоистичности и худший любви к себе.

– Заметно.

– Каким образом?

– Возникает ощущение, что вы всё разом потеряли, а когда вам это самое всё вернули, эйфории вы не испытали.

– Потери, Лена, бывают не только вещественные. Есть худшие – духовные. Когда теряются чистые помыслы, искренние желания и хорошее поведение, и людям, потерявшим всё это, всегда дерьмово. Такие потери практически невосполнимы, незаменяемы новой порцией хороших людей, которые пришли в твою жизнь, потому что, разочаровавшись, ты всегда и во всём ищешь худшее и, как правило, находишь его.

– И во мне вы это нашли?

– Пока нет. – Въезжаем на подземную парковку, где полумрак скрывает лицо Островского, выделяя глаза. – Но, как я уже сказал, если постараться, отыскать можно в любом.

– А можно просто не искать и жить счастливо.

– Вариант «жить», как видишь, я использую, а вот «жить

счастливо» мне уже никогда не грозит.

– Всегда есть шанс всё исправить, если, конечно, вам не всё равно.

Парето глушит машину, и мы остаёмся практически в темноте. Он припарковался в углу, куда с трудом достаёт освещение.

– Сдаётся мне, мнение, которое сложилось у меня о тебе изначально, нуждается в корректировке. Ты не так глупа, – усмехается, но улыбка больше смахивает на оскал, который не сулит мне ничего хорошего.

– Мнение, что все блондинки глупы, ошибочно по своей природе. Тот факт, что я мало говорю, не означает, что я лишена ума. Просто умею вовремя заткнуться.

– Не умеешь. Умела бы, и весь путь в город мы провели молча. А всего-то и стоило ответить согласием на предложение обновить свой гардероб.

Островский открывает дверь и первым выходит из машины. Следую его примеру, чтобы разбудить Тасю, которая сладко сопит в кресле.

– Тасенька, просыпайся, – трясу её за плечо, но она не сразу реагирует.

– Приехали? – трёт глаза, осматриваясь. – Мам, уже ночь?

– Нет. Мы на парковке, а тут темно. Пойдём.

Тащу сонную дочку за руку к лифту, а когда выходим на первом этаже, сон испаряется, и детские глазёнки бегают по витринам магазинов.

– Там игрушки! – тычет пальчиком в пёструю витрину, где выставлены наборы с куклами.

– Я вижу. Сначала одежда, затем всё остальное.

В магазине детских вещей проводим много времени, выбирая платья, куртку и новые сапожки. Парето нарезает круги у входа, но к нам не приближается, а затем и вовсе исчезает из поля зрения, оставив нас вдвоём. Поднимаемся на два этажа выше, где множество детских магазинов, и ныряем в один из них, рассматривая ассортимент. У Таси глаза разбегаются, и она несколько раз меняет запрос. Разноцветный пластилин, раскраски, карандаши и фломастеры, а ещё пупс. Понимаю, что она хочет набор с несколькими куклами, который стоит невероятно много, аккуратно отказываю, понимая, что мне ещё необходимо скопить сумму для возврата долга. Покидаем магазин, и только в этот момент осознаю, что огромный торговый центр впечатляет масштабами, и где искать Островского, я не представляю, а его номера у меня нет. Кручусь, осматриваясь и вылавливая из толпы лица, которые не похожи на того, кто мне нужен.

– Всё? – Константин Сергеевич возникает словно из ниоткуда, а я отшатываюсь в сторону от неожиданности.

– Вы ушли, а я не могу позвонить. Нет номера. Как вы нас нашли?

– Это просто. Ты значительно выделяешься на фоне хорошо одетых людей, – бросается словами и, огибая меня, уверенно идёт к лифту.

В его словах нет ни капли лжи, потому как рядом с вылизанным до противного лоска Островским я смотрюсь как старая, потёртая игрушка, пролежавшая на чердаке двадцать лет. Вхожу следом в лифт и собираюсь нажать на кнопку, когда он отталкивает мою ладонь и жмёт на нужную ему цифру. На этом этаже брендовые магазины одежды.

– Зачем мы здесь?

– Час назад ты убеждала меня, что умеешь вовремя заткнуться. Сделай одолжение, примени свою способность.

Островский придирчиво рассматривает вывески, а затем вталкивает меня в один из бутиков.

– Нужна одежда для неё, – указывает на меня пальцем подбежавшему консультанту.

– Что конкретно?

– А что есть?

Девушка срывается с места, быстро снимая с вешалок варианты, и идёт к нам, приглашая в кабинку. Парето стаскивает с меня куртку, забирает сумку и кивает в сторону примерочной. Гора вещей пестрит ценниками со множеством нулей. Такие я себе позволить не могу, даже если потрачу все деньги, что вчера отдал Аронов, но, кажется, как бы я ни старалась, Островскому плевать на мои аргументы.

Примеряю половину, понимая, что остальное мне никогда не пригодится, потому как работа на кухне не требует ношения делового костюма или же вечернего платья. Откладываю брюки, прямые джинсы и пару тёплых кофточек.

– Это, – показываю продавцу и ловлю реакцию Островского, который, развалившись на диване, пьёт кофе, а Тася жуёт шоколадку.

– Там было три вечерних платья.

– И ни одно из них мне никогда не понадобится. Я не приемлю бессмысленной траты денег.

– Иди и примерь. Это не обсуждается, – рычит, не позволяя возразить.

Возвращаюсь в примерочную, натягиваю тёмно-зелёное платье, настолько облегающее, что каждый шаг даётся с трудом.

– Тася, тебе нравится? – спрашивает у дочери, как только я появляюсь перед ними.

– Нет, Костя.

– Другое, – показывает, что они ждут следующий вариант.

Красное мне нравится больше, да и к моим светлым волосам и серым глазам оно идеально подходит, но я совершенно не представляю, куда бы могла отправиться в таком наряде. Издаю смешок, представляя, как утром встречаю Парето на кухне в подобном виде. При моём появлении дочка и Островский обмениваются взглядами и выдают почти синхронное:

– Нет.

Третье и, слава богу, последнее – чёрное, с косым вырезом и интересной драпировкой в виде нескольких складок на талии. Сдержанное, но в то же время сексуальное и под-

чёркивающее мою фигуру.

– Это, – произносит Костя, как только я появляюсь из примерочной. – Запакуйте нам всё.

Открываю рот, но тут же его закрываю, понимая, что бронепоезд по имени Константин Сергеевич остановить мне не под силу. Он всё решил, мои поправки не принимаются. Он не просит меня оплатить покупки, лишь забирает пакеты из рук консультанта и идёт на выход. Заводит в следующий магазин и требует выбрать ботинки и заодно туфли-лодочки на высоком каблуке, уточняя, что они должны сочетаться с купленным платьем. Не сопротивляюсь, выполняя приказы и надевая то, на что Парето указывает пальцем, смирившись с отсутствием права голоса.

Несколько часов, проведённых за примеркой, вымотали меня и дочку, которая засыпает сразу, как только пристёгиваю её в кресле. Выезжаем с парковки, и Островский едет уже знакомым маршрутом за город.

– Довольна покупками?

– Нет. Я не планировала столько покупать, более того, не планировала, что поездка в торговый центр загонит меня в ещё бóльшие долги.

– Считай то, что я тебе купил, благодарностью за услугу.

– Вряд ли я способна вам помочь хоть в чём-то – мы живём на разных уровнях. Скорее я обращусь к вам за помощью, чем вы меня о ней попросите.

– Правда обратишься? – Наша беседа его забавляет, и

мужчина не позволяет поставить точку, продолжая задавать вопросы.

– Никогда! – выплёвываю в сердцах.

– В жизни всё случается, Лена. Даже то, что мы опрометчиво называем словом «никогда».

Замолкаю после слов Островского, равнодушно рассматривая картинку за окном. Тася дремлет, причмокивая губами, и крутится в кресле, дёргая ремень. Ворота открываются, пропуская автомобиль на территорию, а в голове крутится вопрос, который нестерпимо хочется задать Парето.

– Вы утверждаете, что всё случается в жизни, – разрываю тишину словами, а Островский медленно поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. – Означает ли это, что вы противоречили сами себе, когда сказали, что «жить счастливо» вам никогда не грозит?

– В подобного рода вещи верят оптимисты, гадалки и женщины, я же имею цель, и случайности на пути к ней – помеха, от которой избавлюсь не задумываясь. И не важно, что под этим подразумевается – проблема или человек.

– А от ребёнка тоже бы избавились? – неосознанно смотрю на Тасю, которая, открыв глаза, вслушивается в разговор.

– Ты умеешь прикидываться дурой?

– Нет.

– Жаль. – Островский толкает дверь, но задерживается, чтобы бросить через плечо: – Эта способность тебе сейчас очень пригодилась бы.

Забираю пакеты, оставив тот, в котором находится вечернее платье и туфли. Мне всё больше кажется, что покупка этих вещей – насмешка со стороны Островского, неприятная и болезненная, а беседа в машине подтверждает мои выводы. Пока мне непонятен смысл сегодняшней поездки, общения и приобретений, но уверена: если стану помехой на пути Парето, он не задумываясь от меня избавится.

Глава 8

Наступает следующая неделя, которая даётся намного легче с повседневными обязанностями, завтраками для Островского и кофе для хозяина по вечерам.

Аронов ведёт довольно закрытый образ жизни и после насыщенного дня в городе предпочитает оставаться в кабинете один или же в компании Парето. Я ещё ни разу не была на остальных этажах, сосредоточившись на кухне и коттедже. Теперь становится понятно, что Островский – наш сосед, каждое утро он первый, кого я вижу, а каждый вечер последний, кто попадается мне навстречу.

– Петровна, а Константин Сергеевич всегда жил в коттедже?

– Нет, переехал неделю назад. До этого размещался на втором этаже в небольшой спальне, но, видимо, ему захотелось уединения, поэтому перебрался подальше от дома.

Или поближе ко мне? Мысль, которая меня неожиданно посещает, сама по себе абсурдна и невозможна, но переезд Парето совпал с моим заселением в коттедж. Возможно ли, что я причастна к переменам в его образе жизни?

– А своего жилья у него нет?

– Есть, конечно. В городе. Иногда он остаётся там, но чаще приезжает вместе с Альбертом Витальевичем сюда для обсуждения дел. У меня иногда складывается впечатление,

что он никогда не спит… – бурчит Петровна, разделывая мясо и нарезая овощи.

– Почему?

– Пройди по коридорам дома в любое время ночи – и ты обязательно встретишь его – бодрого и свежего. Словно ему отдых вообще не требуется, а подпитывается он неизвестной энергией. Да и сердечный приступ можно заработать, когда вот такое лицо выскакивает неожиданно из темноты, – проводит пальцем по правой щеке, имитируя шрам Парето. – Страшный до жути, – передёргивает плечами и вздрагивает.

– А мне не страшно. Я почему-то всегда, словно заворожённая, сосредотачиваюсь на его глазах. Невероятный цвет…

– Лена, я снова слышу в твоём голосе восхищение, – недовольно цокает она и качает головой. – Знаешь, ты единственный человек на моей памяти, который не применяет к описанию Островского слова «ужасный», «страшный», «чудовище». Как правило, люди не смотрят ему в глаза, потому что их взгляд прикован к шраму, который вызывает отвращение.

– И у вас?

– И у меня. Но с годами меньше. Наверное, я просто привыкла.

– Он всё же чудовище – согласна, но чудовищность эта проявляется в его действиях, циничности ко всему живому и неприемлемости любого другого мнения, кроме его собственного. А вот Тася, как ни странно, с первого дня проник-

лась к нему симпатией, и Константин Сергеевич даже разрешил ей называть его Костя. – Мне часто вспоминается его реакция на благодарность ребёнка, словно то, что было адресовано мужчине, непривычно и особенно.

– Да ладно?! – Не сдержавшись, Петровна даже присвистывает. – Может, твоя дочь придумала?

– Нет. Разрешение было дано в присутствии свидетелей, которыми являлись я и Альберт Витальевич. Всё официально и запротоколировано. Если услышите, как она называет Парето Костей, не ругайте – он сам позволил.

Ещё несколько часов Петровна удивляется рассказанному и не перестаёт повторять, что подобное Островскому не свойственно в принципе, а наслушавшись ужасающей информации о нём, я прихожу к выводу, что день, который мы втроём провели в торговом центре, был особенным во всех смыслах. Находясь в одной машине с Парето, я не испытывала животного страха, который сопровождает меня на территории дома. Наоборот, все его высказывания, пусть и неприятные, были адресованы мне с какой-то целью. Вот только говорить так, чтобы в каждом слове не слышался приказ, он не умеет, но и просто общаться способен.

Петровну вызывает Аронов, и она отсутствует около получаса. Претензий ко мне быть не может, потому что выполняю всё, что приказывают, не перебирая работу. Лишь по выходным Тася шумит во дворе, когда катает снежки и лепит снеговика. Но коттедж далеко от дома, да и Гриша в этот раз

участвовал в забавах наравне с ребёнком, развлекая дочку.

Лариса Петровна врывается на кухню и сразу хватается за блокнот, что-то записывая.

– Что-то случилось? – осторожно начинаю издалека.

– А? Ничего. В субботу большой приём в честь открытия какого-то там фонда, который помогает кому-то чем-то, – равнодушно машет рукой, – я не запоминаю такие нюансы.

– Сколько гостей?

– Много. Около семидесяти.

– Ох…

– Так, выдохни, – сдавливает мои плечи, успокаивая. – Это не полноценный банкет, а фуршет. Соответственно, гости передвигаются, общаются и едят стоя. Наша задача – лёгкие закуски, которые я беру на себя, и десерт.

– А что готовить? – перебираю различные варианты сладостей в мини-формате. – Творожные шарики подойдут, а ещё мини-эклеры, тарталетки с разными начинками, профитроли, мармелад в горьком шоколаде, бисквитное канапе с малиной, желе из манго, мусс из варёной сгущёнки с китайской грушей, мини-тосты с ежевикой, медовые птифуры, несколько видов трайфлов…

– Леночка, остановись! – хохочет Лариса Петровна. – У них точно что-нибудь слипнется от такого количества сладкого.

– Главное, чтобы хватило. А то как после прошлого ужина, Виктория хотела с утра что-нибудь сладкое, а в итоге при-

шлось сражаться с Островским за панна-котту.

– Всё успеем, и всего хватит. Пошли делать ревизию.

Практически до вечера формируем меню и записываем недостающие составляющие, чтобы в пятницу сделать заказ, но Петровна настаивает, что некоторые продукты она должна посмотреть и выбрать сама. Поэтому, проснувшись, бегу на кухню, чтобы отправиться в город с водителем в компании управляющей.

Дорога из посёлка одна, и когда мы проезжаем мимо сада, обращаю внимание на машину охраны, за рулём которой Гриша. Знаю, что именно ему поручено доставлять Тасю в сад, но не подозревала, что он остаётся у ворот учреждения весь день, ожидая дочку. Он ведь в курсе режима, и совсем необязательно находиться здесь, и всё же автомобиль припаркован вплотную к забору, а крыша припорошена снежком. Возвращаясь через несколько часов, целенаправленно выискиваю взглядом чёрный джип, который стоит на том же месте. Делаю для себя отметку обязательно спросить у охранника, по какой причине остаётся возле сада.

Когда Гриша приезжает с Тасей, отвожу его в сторону под видом просьбы о помощи и сразу задаю вопрос:

– Гриш, а ты почему стоишь около сада весь день? Я была уверена, что, высадив утром Тасю, ты едешь в город к Аронову.

– Лен, у меня есть приказ Островского находиться там весь день. Он непосредственный начальник, и от того, на-

сколько хорошо я исполняю приказы, зависит мой заработок. Мне сказали – сделал. А зачем и почему нужно именно так, не моя забота.

И вроде Гриша даёт ответ уверенно, чеканя каждое слово, всё же закрадываются сомнения в его откровенности.

– Хочешь знать больше – спроси у Парето.

– Смешно, Гриш, – недовольно прыскаю, прекрасно понимая, что эффективнее долбиться головой о стену – есть шанс её пробить, – Островский же непробиваем.

Веду Тасю в коттедж, чтобы переодеть и заинтересовать игрушками, которые мы купили в прошлые выходные. Заметила, что дочка стала спокойнее, не просыпаясь по ночам и не капризничая. Проживание в этом доме нам обеим пошло на пользу, позволив почувствовать безопасность и защиту, но придёт время, когда мы с Тасей пойдём дальше, оставив позади этот период жизни.

Каждый человек, являющийся в нашу жизнь, учит нас чему-то, направляет и, если требуется, исправляет, чтобы следующий шаг мы сделали обдуманно, зная, куда ступать. Случайности не случайны, и всё, что дано, – бесценный опыт, который мы сможем применить впоследствии. Не знаю, по какой причине именно эти люди возникли на моём пути, но верю, что каждому из них суждено повлиять на моё будущее, оставив в нём след.

Субботнее утро начинается рано для меня и Петровны. Завтрак для Островского готов, мы же обсуждаем вечерний

фуршет и меню, состоящее из множества пунктов. Появление Парето не отрывает от поставленной задачи, мы лишь отходим в сторону, чтобы не мешать своей болтовнёй, но звонок телефона отвлекает. Никак не могу привыкнуть к его наличию. Раньше звонки поступали от Армена, менеджера супермаркета и Ромы, теперь же лишь Валя набирает меня раз в неделю, чтобы узнать о новостях и поделиться своими.

– Привет, – радуюсь её звонку, – ты чего в такую рань не спишь?

– Слушай, вопрос есть. – Настороженный голос соседки мгновенно напрягает.

Выхожу в коридор, прикрыв за собой дверь, чтобы никто меня не слышал.

– Давай.

– Уже неделю замечаю, что во дворе припаркован чёрный тонированный джип. Стоит на одном месте – напротив дверей нашего подъезда. Думала, что к кому-то родня приехала или к какой-то соседке мужик, но несколько дней назад обратила внимание, что в машине постоянно сидят два здоровенных мужика. Утром подъезжает вторая машина, двое из джипа выходят, а на их место садятся другие – и так каждый день, своего рода сутки через сутки. Вот прямо сейчас меняются, наблюдаю из окна.

– И?

– Что «и»? Лен, они выслеживают кого-то, понимаешь? Я вот думаю, не Рому ли твоего. Приходили же к тебе пару раз

требовать его долги, может, и эти по тому же вопросу?

– А на наш этаж они поднимались?

– Нет. Точно. У дверей квартиры я их не видела.

– Помнишь, ты говорила, что двое к тебе приходили. Не они?

– Не они.

– Валь, у нас тридцатиэтажный дом, в котором несколько тысяч жильцов, поэтому ждать они могут кого угодно. Успокойся и не обращай внимания, уверена, ты зря паникуешь. А люди, которые в нашей квартире живут, приехали?

– Нет, так и не появлялись. Председателю ТСЖ номер не оставили, контактов никаких, даже фамилия неизвестна, потому как квартира по-прежнему оформлена на бабушку Люду. Лен, может, подумаешь о том, чтобы оспорить сделку в суде? Я узнавала у знакомой: можно через суд признать сделку недействительной, если имеются сомнения в её законности. А в твоём случае сомнений целый мешок наберётся: начиная с вопроса, как парализованный человек мог поставить на договоре подпись, и заканчивая ситуацией с твоим выселением.

– Права ты, Валя, права. Но пока не имею возможности и средств для начала дела. Нужна консультация специалиста, просчёт рисков и возможность успеха в суде. В общем… не до этого мне пока.

Куча долгов, которые на мне повисли мёртвым грузом, не даёт двигаться дальше. Сначала рассчитаюсь с Валей, а даль-

ше уже Парето и Аронов.

– С долгом не тороплю, просто знай. Как сможешь. Мой с вахты вернётся скоро, да и так не голодаем с мелким.

– Спасибо тебе. Мне пора, извини, много работы.

– Звони.

Иду обратно, обдумывая подозрения соседки. Странно, что Валя сразу же сделала предположение об ожидающих у подъезда мужчинах в отношении Ромы, не рассмотрев иных вариантов. Он, конечно же, не подарок, но и винить его во всём не стоит.

– Проблемы? – Петровна встречает вопросом, а меня удивляет, что Островский ещё не ушёл.

– Ещё кофе, – слышу за спиной твёрдый голос и исполняю приказ незамедлительно, выставляя перед Парето напиток и вторую порцию панна-котты.

– Так что, проблемы? – Женщина придвигается ближе, переходя на шёпот.

– Нет. Валя звонила, соседка. По сути, она единственная, кому интересна наша с Тасей судьба и я как человек. Номера остальных людей можно удалить из контактов.

– И что, кроме неё, никто не звонил? А начальник твой бывший?

– Тот, который меня лапал своими ручищами и просил оказать услуги сексуального характера за комнату? – Вмиг по коже проносятся тошнотворные прикосновения Армена, и, словно наяву, чувствую его гадкий язык. Вздрагиваю, сбра-

сывая внезапное наваждение.

– Да. Согласна. Я бы тоже не была в восторге от такого общения. Но ты красивая, притягиваешь взгляд, вот и не удержался. Знал, что по доброй воле не согласишься, решил с другой стороны зайти.

– Что движет мужчиной, который вопреки желанию женщины берёт её силой?

– Вожделение. – Синхронно оборачиваемся на звук голоса Островского, который не спеша пьёт кофе, не сводя с меня взгляда. – Знаешь, как рождается вожделение? – Сделав над собой усилие, отрицательно мотаю головой из стороны в сторону. – Мы вожделеем то, что наши глаза видят каждый день.

Время будто останавливается на долю секунды, когда я, затаив дыхание, смотрю в бескрайнюю синеву, явственно понимая: что бы он сейчас ни пытался донести, речь идёт не об Армене и его грязном предложении – Константин Сергеевич говорит о себе.

Опасно. Тонко. На грани. Чувствую кожей, как воздух сгущается, а обстановка искрит, накаляя и без того неустойчивый баланс между нами, но Парето резко поднимается и, не допив кофе, покидает кухню. Кажется, что с его уходом даже света в помещении стало больше и кислород наполнил лёгкие, даря облегчение.

– Чего это он? – Петровна удивлённо моргает, гипнотизируя закрывшуюся за Парето дверь.

– Понятия не имею, – отворачиваюсь к столу, раскладывая составляющие для десерта в нужном порядке, и дрожащими руками помешиваю горячий шоколад, желая, чтобы Парето после приёма хотя бы на несколько дней остался в городе.

Глава 9

– Мы прекрасно справились, Лена. Всё успели, оформили, остальное не наша забота. Фуршет обслуживают официанты. Пойдём, что-то покажу. – Петровна тянет меня за руку, увлекая в свою комнату, откуда прекрасно видны подъезжающие автомобили.

Вереница дорогих машин останавливается у входа, являя мужчин в смокингах и женщин в потрясающих вечерних платьях. Меха и украшения, дополняющие образ этих дам, стоят наверняка целое состояние.

Из очередного лимузина появляется высокий, красивый мужчина, резким движением головы откидывает пепельную прядь волос и идёт к входу, не заботясь о своей спутнице, шагающей следом.

– Это Ладыгин, – шепчет Петровна, хотя здесь мы вдвоём и вряд ли кто-то нас услышит. – Телеведущий, общественный деятель и просто неприятный человек, – кривится.

– Неприятный?

– Невероятно. Заносчивый, самовлюблённый индюк, который вечно всем недоволен: закуски не такие, пирожные слишком сладкие, а в шампанском мало пузырьков, – закатывает глаза, вероятно припоминая неприятные моменты. – После каждого такого приёма он составляет Аронову список претензий и настоятельно просит их устранить. Завтра

нас ждёт очередной, но не расстраивайся, если твои десерты придутся ему не по вкусу. Это не тот человек, к мнению которого необходимо прислушаться.

– Правда?

– Это слова Аронова, – тихонько хихикает, зажимая рот ладонью, и становится понятно, что Альберт Витальевич тоже не в восторге от такого гостя.

– Зачем же тогда он его приглашает?

– Ладыгин – человек известный, узнаваемый и, несмотря на его отвратительные манеры, необходим Аронову для продвижения его проектов.

– Ясно. А это кто? – прилипаю к окну, засмотревшись на грациозную блондинку в ярко-алом платье.

На плечи накинуто белое меховое манто, которое она небрежным движением спускает по плечам, открывая глубокое декольте со значительной грудью. Идеальная причёска и красная помада довершают образ, и в этот момент я немного завидую, желая хотя бы раз оказаться в подобном наряде.

– Янина Гронская, фотомодель. Снимается для модных журналов, участвует в показах и выставках современных художников. Частый гость на подобных мероприятиях.

– А как она относится к деятельности Аронова?

– Никак. Такие… дамы, – прокашливается Петровна, – зачастую сопровождают влиятельных мужчин, являясь своего рода прекрасным дополнением и показателем статуса. Гронская – женщина дорогая, и не каждый может похвастаться

её расположением, но сегодня она, похоже, одна, – всматриваемся и не видим, чтобы из машины показался кто-то ещё. – Значит, снова одинока. Такие мероприятия – прекрасная возможность заинтересовать статусного покровителя.

– Она ищет мужа?

– Лена, такие замуж не выходят. Они, словно пчёлки, перелетают с цветка на цветок, наслаждаясь жизнью и ища новых впечатлений. А вот и Виктория. – Женщина Аронова тоже в вечернем платье, но выглядит изысканно и тонко по сравнению с бросающейся в глаза Гронской.

– Значит, сегодня останется с Ароновым?

– Да. Отложи ей сладостей, а то завтра утром вновь будут драться с Островским за панна-котту.

Теперь уже вместе хохочем, но, следуя совету Петровны, возвращаюсь на кухню и откладываю для Виктории профитроли и птифуры нескольких видов. Две порции панна-котты для Парето приготовлены и оставлены застывать до утра. Проверяю наличие вишни для соуса, когда за спиной с громким хлопком закрывается дверь, но я не оборачиваюсь, уверенная, что вернулась Петровна.

– Почему ты ещё не готова? – подскакиваю на месте и, обернувшись, сталкиваюсь с Островским.

– Всё готово, Константин Сергеевич. Мы всё сделали, оформили, даже завтрак для вас…

– Почему ты не в платье?

– Каком?..

– Неделю назад мы купили тебе платье, помнишь? – Киваю. – Так вот, сейчас ты должна быть в нём и топать туда, – указывает на дверь, которая ведёт в большой хозяйский холл.

– Зачем? – нервно сглатываю, не понимая, чего добивается Парето. Отдельные предложения лишены смысла, и в моей голове не складывается картинка. – Я ведь работаю на кухне, а там есть официанты. Я там не нужна.

– Я что, тебе не сказал?

– Что именно?

– Лена, прямо сейчас ты направляешься в коттедж, надеваешь платье, туфли и идёшь со мной на приём.

Медленно поворачиваю голову, утыкаясь взглядом в толстую двустворчатую дверь, за которой слышатся приглушённые голоса, музыка и звон бокалов. Солнечное сплетение горит огнём от неожиданной новости и перспективы провести вечер среди незнакомых людей.

– Я не хочу, – мотаю головой, отступая назад. – И зачем? Я же никто, просто прислуга.

– Я не спрашивал твоего мнения, соответственно, ответа «нет» быть не может. Приказываю – ты выполняешь. Принцип понятен? – Неуверенно киваю. – У тебя полчаса на сборы. Время пошло, – рычит, и я, словно проснувшись, срываюсь с места в направлении выхода из дома, едва не сбив Ларису Петровну, которая провожает меня сочувственным взглядом.

Уже дойдя до коттеджа, вспоминаю, что неделю назад пакет с платьем остался в машине Островского. Я принципиально его не взяла, посчитав приобретение насмешкой, но уже тогда он знал, что мне всё же придётся его надеть. Вхожу и наблюдаю Тасю сидящей на полу в окружении незнакомых мне игрушек.

– Мам, смотри, – машет куклой в одной руке и каким-то блестящим лоскутом ткани в другой.

Опускаюсь перед ней, перебирая кукол, одежду для них и множество аксессуаров. Это те самые дорогие куклы, которые так хотела дочка.

– Тасенька, а ты где это взяла?

– Мне Костя принёс.

– Костя? Когда?

– Ещё светло было, – указывает на окно, за которым темноту освещают уличные фонари. – Он пришёл и сказал, что купил для меня. Я же такие хотела. – В магазине игрушек Островского с нами не было, и о желании Таси он знать не мог. – А ещё тебе вон то принёс, – показывает на пакет в углу, и я узнаю логотип магазина, в котором мы купили платье.

– Ты ему спасибо сказала?

– Да. Много раз, мам. А потом Костя сделал так, – стучит пальчиком по пухлой щёчке, – и я его поцеловала. Он улыбался, – хихикает, смешно сжимаясь, будто поделилась самым сокровенным секретом. – Костя хороший.

– Тась, а почему он хороший?

– Он добрый, не кричит, и от него не пахнет, как от папы. А ещё он мне кукол купил.

– А ты скучаешь по папе? – задаю вопрос, который крутится в голове не один день.

– Нет, мам. Давай будем жить здесь всегда?

И я не удивлена ответом ребёнка, который последние два года скорее боялся папу, чем испытывал к нему нежные чувства.

– А тебе не скучно? По будням ты в садике, а все выходные одна, пока я работаю.

– У меня есть мультики, пластилин, краски, а теперь вот, – крутит в руках куклу, – и они есть. Я тебя слушаюсь и веду себя хорошо. Хорошо ведь?

– Хорошо, – целую светлую макушку, прижимая к себе Тасю. – Ты у меня умница. Я сейчас уйду ненадолго с Костей, а тебя уложит спать Лариса Петровна, хорошо?

– Да. Если с Костей, то иди.

Островский странно воздействует на моего ребёнка, вызывая в Тасе тотальное доверие. Но не угрозами и жёсткими приказами, а заботой и хорошим отношением. Зачем ему это? Мы лишь временный момент в жизни этого дома и людей, которые появились на нашем с дочкой пути.

Закрываюсь в ванной и быстро привожу себя в порядок, насколько это возможно в рамках отведённого мне времени. Надеваю платье, распускаю светлые волосы по плечам, не имея вариантов самостоятельно сделать причёску, и наношу

лёгкий макияж, подчеркнув серые глаза стрелками и выделив губы персиковым блеском. Отражение в зеркале меня не удовлетворяет, даёт понять, что, какое бы брендовое платье я ни надела, никогда не стану одной из тех девушек, которые сейчас расхаживают по холлу дома Аронова. Вот только ослушаться Островского нет возможности, и мне придётся подчиниться указаниям.

– Какая ты красивая! – Тася с открытым ртом осматривает меня снизу вверх. – Мамочка, ты принцесса!

– Чуть-чуть, – улыбаюсь.

– А принцессе нужен принц!

– У меня был принц – папа. А теперь его нет.

– Значит, нам нужен новый принц! – взвизгивает и кружится по комнате. – А пусть твоим принцем будет Костя!

Ну да, Островский скорее злая мачеха, которая не моргнув подсунет отравленное яблоко, а затем с удовольствием будет упиваться моими предсмертными хрипами.

– Я спрошу у него, – соскакиваю с темы, которая мне не нравится даже в варианте дочери. – Веди себя хорошо, ладно? Лариса Петровна позже придёт и почитает тебе сказку.

– Пока, мам. – Тася машет ручкой и вновь концентрирует внимание на новых игрушках.

Иду обратно, и, чем ближе дом, тем сильнее тело потряхивает, а ладони холодеют. Прошу Петровну через час проверить Тасю, надеясь, что максимум через полтора смогу тихо улизнуть с банкета, на котором мне не место. Несколько раз

мою руки на кухне и вытираю полотенцем, тут же забывая, вымыла ли я их, и повторяю действие.

– Лен, ты кого-то оперировать собралась? Пятый раз моешь руки.

– А? Да… – растерянно застываю посреди помещения, не решаясь пойти в холл.

Есть ли надежда, что Парето забыл обо мне и вовсю занят гостями и обеспечением безопасности Аронова?

– Я сказал тридцать минут. Прошло сорок пять.

Не забыл. И об этом мне сейчас сигнализируют яростный потемневший взгляд и перекошенное лицо Островского. Когда он взбешён, шрам, пересекающий правую щёку, становится темнее, заметно выделяясь.

Молча прохожу мимо него и направляюсь к двери, замирая перед ней и не решаясь открыть. Может, это всего лишь очередная насмешка Парето, желающего унизить меня более низким положением, и прямо сейчас он рассмеётся мне в лицо, упиваясь моей растерянностью и обидой. Но нет, Островский отворяет передо мной дверь и подталкивает в холл, где много света, приятно пахнет и ненавязчивая инструментальная музыка разливается среди неспешно прохаживающихся состоятельных людей.

Константин Сергеевич успевает схватить бокал с шампанским у проходящего рядом с нами официанта и вручает мне.

– Я не пью.

– Пить не обязательно, Лена. Просто держи в руках, нето-

ропливо прохаживайся и делай вид, что тебе интересно. Можешь улыбнуться?

Натягиваю дежурную улыбку, со стороны себя не вижу, но по реакции Островского понимаю, что выглядит неправдоподобно и наигранно.

– И так сойдёт. Для убедительности пообщайся с кем-то из гостей, расспроси, чем занимаются, и смотри по сторонам, вдруг увидишь кого-то знакомого.

Очередная колкость слетает с губ Островского. Кого я могу здесь знать?

– Не умею общаться с такими людьми. И что говорить, если они начнут интересоваться, кто я такая?

– Просто отвечай, что ты со мной, и вопросы отпадут сами собой.

– Константин Сергеевич, так зачем я здесь? – Парето делает шаг в сторону, но успеваю схватить его под локоть, останавливая и обращая на себя внимание. – Если вам было необходимо женское сопровождение, вы с лёгкостью могли найти кого-то более подходящего из вашего круга. На роль прекрасного дополнения я не гожусь.

– Знаешь, Лена, – наклоняется к моему уху, – мы так привыкаем к своему отражению в зеркале, что даже не представляем, насколько прекрасны в глазах других людей. Как ты понимаешь, я не о себе. Уродство и я неразрывны. – Улыбка с болью во взгляде и желанием опровержения его слов настолько явная, что я почти готова шептать слова утешения.

Он смирился со своим отражением в зеркале, не испытывая иллюзий и не ожидая понимания.

– Мы так привыкаем к своему отражению в зеркале, что даже не представляем, насколько прекрасны в глазах других людей, – возвращаю его же слова, сказанные минутой назад, и вижу растерянность, которая сменяется язвительной улыбкой.

– Хорошая попытка, Лена, я бы даже сказал успешная, если бы не одно но: каждый, на кого я смотрю в этом зале, опускает глаза, чтобы не лицезреть мою «прекрасную» физиономию или же чтобы не показывать явного отвращения. Так что заканчивай с комплиментами и развлекайся. Вперёд.

Подталкивает меня в спину, направляя в другой конец зала, где я замечаю выход в соседнее помещение, и смешивается с толпой, пропадая из вида.

Глава 10

За всё то время, что я работаю в этом доме, холл – единственное, что мне было позволено рассмотреть. Практически каждый вечер я готовлю кофе, выставляю на небольшой круглый поднос и иду в кабинет Аронова, где всегда компанию ему составляет Островский. И так как не только по внешнему периметру, но и внутри дома висят камеры, не позволяю себе задерживаться на хозяйской территории, быстро пересекая холл и возвращаясь на кухню.

Но сейчас тот самый момент, когда я на законных основаниях могу с открытым ртом прохаживаться по комнатам и не стесняясь осматривать каждый уголок. Соседний зал оказывается огромной гостиной с мягкими диванчиками на двоих, обитыми шёлком, на которых устроились преимущественно парочки; столиками с напитками и закусками, приготовленными мной и Петровной; резным камином, рядом с которым стоит Альберт Витальевич, разговаривая с Викторией. Она цепляет меня взглядом – мельком и продолжает беседу с Ароновым, но затем возвращается ко мне, распахивая глаза от удивления. Мне понятны её эмоции, и я лишь пожимаю плечами, что даёт понять – я здесь не по собственной воле. Она что-то шепчет хозяину, и он, повернувшись, пробегает по мне глазами, кажется не удивившись. Он в курсе, и моё присутствие здесь согласовано с ним.

Двигаюсь дальше, протискиваясь между людьми, и попадаю в комнату, которая погружена в полумрак, и лишь конусные лампы над бильярдными столами освещают присутствующих здесь мужчин. Алкоголь и смех, разговоры о делах и финансах для меня пустой звук. Задерживаюсь ненадолго, наблюдая за игрой. Лишь однажды Рома брал меня с собой в бильярдный клуб, где мы в компании друзей отмечали день рождения его коллеги. Муж даже пытался научить меня держать правильно кий и попадать по треугольнику из разноцветных шаров, но увы – это не моя игра.

– Нравится бильярд? – Рядом возникает Виктория, вырывая из приятных воспоминаний.

– Нравится, – подтверждаю, – но играть, увы, не умею. С наслаждением наблюдаю за людьми, которые в этом профи.

– Всему можно научиться.

– Меня учили, но, видимо, я плохая ученица, потому что даже по куче шаров попасть не смогла, не говоря уже об одном, который нужно загнать в определённую лузу.

– Меня Альберт научил, – улыбается, отпивая из бокала шампанское. – Иногда мы спускаемся сюда и разыгрываем партию на двоих. Нужно и тебя научить.

– Нет-нет, в обычные дни мне запрещено появляться в этой части дома. Только сегодня можно.

– Я была слегка удивлена, когда увидела тебя среди гостей.

– Это не моя прихоть, – оправдываюсь, услышав в голосе Виктории нотки возмущения. – Константин Сергеевич при-

казал надеть платье и стать гостьей. Я лишь подчиняюсь, и только.

– Островский… – произносит на выдохе и ухмыляется, словно поняла то, что я увидеть не способна. – Почти всегда он совершает действия, которые непонятны и нелогичны, кажутся лишними и бессмысленными. Но только видятся таковыми, потому что в итоге, когда картинка складывается, подобно пазлу из трёх тысяч фрагментов, понимаешь всю сложность многоходового плана. Он из тех людей, которые никогда ничего не делают просто так, для галочки или же примитивного удовлетворения. И если сейчас ты стоишь здесь в дорогом платье с бокалом в руке – ты уже часть его игры.

– А можно выйти из игры?

– Нет, Лена. – Блондинка заливисто смеётся, привлекая к нам внимание мужчин. – Войти в игру и выйти из неё ты можешь только с разрешения Парето.

– Я бы не хотела участвовать в игре, правил которой не знаю.

– Правила он создаёт сам. Спроси его о них.

– И вряд ли получу ответ, – разочарованно вздыхаю, провожая взглядом Островского, который беседует с каким-то мужчиной в другом конце зала. Чувствует, что я смотрю на него, и оборачивается, застыв на секунду, а затем возвращает внимание собеседнику. – Он всегда был таким? – задаю вопрос Виктории, не отрываясь от Парето.

– Умным – да, обезображенным – нет.

– Вы его знали до того, как он стал…

– Нет. Видела на фотографиях. Мы с Альбертом познакомились четыре года назад на одном из приёмов. Знаешь, я ведь из провинции, окончила журфак и приехала покорять большой город. Довольно быстро нашла работу на одном из телеканалов и поскакала вверх по карьерной лестнице. Одно время даже вела утреннюю передачу, являясь основным ведущим. Может, видела «Доброе утро в большом городе»?

– Нет, увы. Последнюю пару лет редко смотрела телевизор.

– Ладно, не важно, – тепло улыбается. – Затем мне доверили пятничное шоу, идею которого я разработала сама и теперь являюсь его режиссёром. На его презентации и познакомились с Альбертом. И с Островским, конечно же. Он тогда вообще только рычал на всех, заставляя опускать глаза в пол.

– Откуда эти шрамы? Я видела и у Альберта Витальевича подобный.

Вика делает несколько жадных глотков, опустошая бокал, и ставит на поднос проходящего мимо официанта, заменяя новым.

– У Кости жена была Надя и сын Никита. Не его, но он мальчика как своего воспитывал с трёх лет и считал родным. Островский же довольно состоятельный человек, а работа у Альберта так, для души, можно сказать. И бизнес имеется,

и капитал немалый, но он никогда не останавливался, стремился приумножить в разы то, что имел. Так закрутился, что не заметил, как мальчик с плохой компанией связался, и в итоге умер от передозировки наркотиков, а Надя, не смирившись с утратой сына, покончила с собой. Островский в этот момент не в городе был, Альберт её нашёл, но поздно было. Позвонил Косте, тот прилетел ближайшим рейсом, мчались из аэропорта как ошалелые… – Виктория залпом выпивает шампанское, а я, кажется, не дышу, ожидая продолжения истории. – Водитель не справился с управлением, и их вынесло с трассы, перевернув автомобиль несколько раз. Парень за рулём погиб на месте, Альберт получил множественные переломы – с трудом врачи собрали, а Костя серьёзные травмы. На похороны он, конечно же, не попал, пролежав месяц на больничной койке.

Каждое слово Вики откликается во мне горечью и сочувствием к человеку, который лишился всего в один момент. Даже не знаю, через что мне пришлось бы пройти, потеряй я Тасю. После рассказа девушки иначе смотрю на сурового человека, который продолжает разговор в другом конце комнаты, и отчасти понимаю, как он стал таким, каким встретился на моём пути несколько недель назад.

– Через пару лет Альберт избавился от множества шрамов, прибегнув к помощи пластической хирургии. Остался лишь самый глубокий, часть его ты видела, а вот Островский избавляться от них не пожелал. Мне кажется, это его личное

напоминание, которое не позволяет разорвать связь с прошлым и пойти дальше, построив что-то новое. Многие помнят его другим, но с обезображенным лицом он тот самый Парето, перед которым все тушуются.

– Я не считаю его безобразным, – говорю открыто, не стесняясь своего мнения, чем противоречу, вероятно, общепринятому. – И они тоже, – киваю в сторону Островского, к которому подплывают две женщины.

– Это чайки, – зло усмехается Вика.

– Кто?..

– Так я называю девушек, которые обхаживают состоятельных мужчин в надежде на привилегии и деньги. Чего только не сделаешь ради сытой жизни, даже Островскому будешь улыбаться. Вероятно, все уже заняты, и они пошли по остаточным вариантам.

– А Альберта Витальевича тоже такие обхаживают?

– Ещё как! – взвизгивает, повышая голос и обращая на нас внимание всех присутствующих, заставляя повернуться даже Островского. – Несмотря на то что ему за пятьдесят, поверь, он пользуется популярностью. К тому же вдовец, дети взрослые – идеальный вариант.

– А почему вы не поженитесь?

Улыбка сползает с лица девушки, являя мне женщину, стыдливо опускающую в пол глаза.

– Он не предлагал. А напрашиваться самой не по мне. Не желаю быть похожей на одну из этих чаек.

– Простите, если мой вопрос был неприятным.

– Нормально всё, – берёт следующий бокал с подноса официанта. – Ещё пара бокалов, и настроение взлетит до небес. Кстати, я ещё не пробовала твои десерты. Вот чёрт, – смотрит на пустые подставки, – и когда успели всё слопать?

– Я вам там оставила немного. На завтрак, – шепчу, придвинувшись ближе. – В холодильнике, левая дверца.

– Вот это я понимаю предусмотрительность! – Звонкий смех вызывает и мою улыбку. – Спасибо. Почему не пьёшь?

– Не хочу. – В руке тот же самый бокал, который мне вручил Островский.

– Ты слишком зажата, сделай пару глотков. Не обязательно, как я, – намекает, что пьёт далеко не первый и, предполагаю, не последний, – но немного расслабишься, и будет легче общаться.

– Я не знаю, о чём с ними говорить, – обвожу взглядом людей вокруг – незнакомые лица, не расположенные к диалогу со мной.

– Со мной же общаешься. Кстати, – внимательно меня осматривает оценивающим взглядом, – прекрасно выглядишь и вписываешься в обстановку.

– Хочется верить, что скоро Константин Сергеевич позволит мне уйти на кухню, которая привычнее и роднее.

В который раз, пробежавшись по лицам людей, осознаю всю комичность ситуации. Чужой, непривычный мир отталкивает, совершенно не привлекая. Ощущаю себя белой во-

роной, ярко выделяющейся среди общей массы чёрных и знакомых друг другу. Кажется, что все смотрят на меня, выискивая недочёты и огрехи, на которые стремительно укажут, не простив ошибку.

Следую совету Виктории и делаю пару глотков шампанского, отмечая приятный вкус и лёгкость напитка.

– Уже лучше, – кивает она на бокал. – А если допьёшь до дна, то все присутствующие покажутся тебе очень приятными людьми, – подмигивает, но Вику окликает какая-то девушка, и она оставляет меня, удалившись.

Островского уже нет там, где он находился ещё несколько минут назад, и я иду в следующий зал на поиски. Внимание привлекает компания мужчин, а точнее, один, который стоит ко мне спиной. Не вижу лица, но всем существом отмечаю что-то знакомое, а когда он поворачивается, отвечая кому-то, теряю дар речи, потому что передо мной Рома. Только сейчас это жгучий брюнет с карими глазами, густой аккуратной щетиной, модной стрижкой и в дорогом костюме. Зажмуриваюсь на несколько секунд, а затем открываю, чтобы вновь увидеть своего мужа, который спокойно стоит посреди большой комнаты, громко общаясь с мужчинами.

Обман зрения? Ошибка? Нет и ещё раз нет: невозможно не узнать того, с кем провёл восемь лет. В порыве эмоций делаю шаг, желая подойти к мужчине, но резко останавливаюсь, когда слышу:

– Антон Олегович, поговорить нужно.

И якобы Рома привычно откликается на это имя, удаляясь в компании неизвестного мужчины в комнату с бильярдом, куда направляюсь и я, пока меня не перехватывает чья-то рука, разворачивая в другую сторону.

– Лена, отомри уже.

Фокусируюсь на лице передо мной, различая Парето, который смотрит на меня с явной тревогой.

– Мне туда… надо… – указываю на дверь, делаю шаг, но мужчина слишком крепко меня держит, не ослабляя хватку.

– Что ты увидела, Лена? Или кого. Кого, Лена? – трясёт меня в попытке расшевелить, а я, словно чумная, не могу собраться и дать адекватный ответ.

– Рому. Только это не Рома, а какой-то мужчина, который очень похож на моего мужа.

– Кто из них?

– Тот, – кручу головой, но не вижу мужчину, которого приняла за Романа. – Его позвали по имени, и он ушёл.

– Как позвали?

– Антон Олегович.

– Уверена? – не унимается Островский, стискивая всё сильнее и оттесняя меня в сторону балкона, на котором мы оказываемся через несколько секунд. – Лена, ты не ошиблась?

– Как можно не узнать того, с кем жил в одной квартире и спал в одной постели? Даже если его переоденут в женщину, всё равно узнаю.

Головная боль возникает из ниоткуда, и я тянусь пальцами к правому виску, массируя и мечтая принять лошадиную дозу обезболивающего. Дрожу, но не сразу понимаю, что стою рядом с Островским на балконе в довольно открытом платье при минусовой температуре. Он снимает пиджак и накидывает на мои плечи небрежным движением, стягивая спереди. Становится теплее, но внутри бушуют эмоции, а лицо Ромы маячит перед глазами, не отпуская.

– Вы знаете этого человека? – поднимаю глаза и жду хоть каких-то объяснений.

– Воронов Антон Олегович, правая рука Зарецкого, нашего мэра. Знаешь такого?

– Нет, – пожимаю плечами, уверенная, что даже такой фамилии никогда не слышала. – Давно не смотрела телевизор, а если кто-то и обсуждал новости, не вслушивалась.

– Ну что же ты, Лена. Сильных мира сего нужно знать в лицо или хотя бы по фамилии. Воронов работает на мэра давно – жёсткий, хитрый и бездушный.

– Как вы? – вырывается неосознанно, и через секунду на лице Островского появляется довольная улыбка. – Я много о вас слышала, – оправдываюсь, – от других людей.

– Всё, что ты обо мне слышала, – неправда. Я намного хуже.

– Казаться и быть – вещи разные.

Мне кажется или наша перепалка доставляет ему наслаждение? Привычная напряжённость схлынула, и Парето в

состоянии полной расслабленности стоит напротив, гипнотизируя потемневшей синевой. Пара минут тишины, похожих на вечность, и он протягивает мне полный бокал, взявшийся из ниоткуда.

– Пей. До дна.

– Я не хочу, – отнекиваюсь, но всё же беру бокал.

– Выпей и немного расслабься.

Прикасаюсь губами, а Островский подталкивает пальцем длинную ножку, заставляя меня делать большие глотки. Колючие пузырьки приятно щекочут ноздри, и я морщусь, получая довольную улыбку мужчины. На секунду кажется, что его эмоция искренняя и настоящая и у нас вполне бы мог получиться человеческий диалог.

– Я быстро пьянею даже от слабоалкогольных напитков. Больше нельзя, – отдаю пустой фужер, закутываясь в его пиджак, улавливая едва ощутимый аромат женских духов. Наверное, одна из чаек всё же получила доступ к его телу, чем-то заинтересовав.

Даже не знаю, почему меня задевает этот момент, но хочется сказать, что все эти девушки смотрят на него исключительно как на толстую пачку купюр.

– Больше и не дам. А теперь вернёмся в зал, и, если Воронов подойдёт к тебе, не нужно бросаться на него и выяснять подробности того, что тебе привиделось. Договорились?

– Мне не привиделось. Это Рома, только другой и незнакомый мне.

– Вот именно. Незнакомый. Будь паинькой, Лена. Ты же приветливая, воспитанная девушка и при знакомстве должна соблюсти элементарные нормы приличия.

Согласно киваю, и Островский стягивает с меня пиджак. Мгновенно становится зябко, и, пока я не околела, возвращаемся к гостям. На балконе был полумрак, и теперь яркий свет бьёт по глазам.

– Константин Сергеевич, позволите один снимок? – Молоденькая девушка тянет за собой фотографа, который уже направляет на Парето объектив.

– Позволю, – спокойное согласие, и его ладонь ложится на мою талию, притягивая к себе.

Собираюсь возмутиться, но вовремя вспоминаю, что в случае Островского это бессмысленно, и жду, что произойдёт дальше. Застываем в такой позе, пока раздаётся несколько щелчков, а затем девушка расплывается в благодарностях и переключает своё внимание на следующего гостя.

– Зачем вы это сделали? – говорю почти шёпотом.

– Не мог отказать себе в удовольствии быть запечатлённым с красивой женщиной.

– Здесь таких много, – осматриваюсь и нахожу в толпе двух девиц, которые полчаса назад вились около Парето.

– Ошибаешься, – бросает через плечо, удаляясь от меня.

Глава 11

Бесцельно брожу среди приглашённых с бокалом в руке, из которого не сделала ни глотка. Того, что я выпила, достаточно, о чём свидетельствует лёгкость в теле и желание улыбаться всем подряд. Островский был прав – расслабилась, но продолжать не стоит. Ищу глазами Викторию как единственного возможного собеседника, и не замечаю, как рядом возникает Гронская.

– И кто же ты такая? – придирчиво осматривает меня, неприятно цокая. – Впервые вижу в наших кругах. Платье из старой коллекции, макияж наносила, вероятно, самостоятельно, о причёске и вовсе молчу. Милая, рядом с такими мужчинами нужно выглядеть идеально, иначе обязательно найдётся та, что оставит тебя позади.

– Меня зовут Лена. Приятно познакомиться, – пропускаю импульсивную тираду и протягиваю ей ладонь. Отшатывается будто от прокажённой.

– Не слышала, что я сказала?

– Слышала, но меня мало волнует мнение постороннего человека. Выгляжу я прекрасно, чувствую себя, кстати, так же. Считаю неэтичным в ответ высказывать своё мнение тому, кто в нём не нуждается, да и на фоне множества людей выглядит дёшево и пошло.

Точно знаю, что сейчас это говорят два бокала шампан-

ского во мне, потому как в любом другом случае я вряд ли решилась бы на настолько резкие высказывания. Но мало того, что Островский втолкнул меня в этот холл вопреки моему согласию, так и ещё какая-то мадам будет откровенно плевать в лицо. Обида душит, заставляя злиться и отвечать в той же манере.

– Ч-что? – Гронская теряется, а затем хмурится, отчего на лбу образуется глубокая складка, и поджимает губы. Вероятно, до неё только сейчас дошёл смысл сказанных мною слов.

– Не вижу причин продолжать разговор, – круто разворачиваюсь и ухожу, оставив блондинку наедине с размышлениями.

Викторию не нахожу, но вижу Островского, к которому подплывает Гронская, виляя бёдрами. По-хозяйски кладёт ладонь ему на плечо, нагло вклиниваясь в разговор нескольких мужчин, но мгновенно убирает руку под неприязненным взглядом Парето. Жест пришёлся ему не по вкусу, о чём свидетельствует сделанный в сторону шаг, подальше от блондинки. Судя по надутым губкам Янины, их связывают близкие отношения, а вот постоянные или разовые, неясно. Тут же одёргиваю себя, напоминая, что мне нет никакого дела до Парето и его связей, но взгляд, словно приклеенный, возвращается к парочке. Константину Сергеевичу плевать на выпады Гронской, которая ведёт себя слишком вызывающе, и, недослушав её, он разворачивается и уходит, оставив в недоумении.

– Я вовремя вернулась, – слышу рядом голос Виктории. – А то бы пропустила, как Островский обломал Янку.

– Между ними что-то есть? – даже не замечаю, как задаю вопрос, который меня гложет.

– Было. Давно. Но поверь, это разовая акция. Видимо, Гронская настолько в отчаянии, что решила пройтись по прошлым связям в надежде к кому-нибудь прилипнуть. Сдаёт позиции. – Вика ехидно цокает, получая наслаждение от увиденного. – А раньше была нарасхват. О, смотри, поползла к Альберту.

Провожаем взглядом Янину, которая, подойдя к Аронову, что-то говорит, а затем наигранно громко смеётся, привлекая всеобщее внимание. Краем глаза смотрю на спокойную Викторию, которую, кажется, не тревожит представление, и завидую её выдержке. Быть частью этой жизни и бросаться на каждого, кто посмеет подойти к твоему мужчине, безрассудно и глупо, что автоматически ставит вровень с Гронской.

Таскаюсь за Викой, как привязанная, слушая истории о присутствующих: интересные, криминальные, а порой и шокирующие. Гости по одному покидают мероприятие, исчезая незаметно или же с шумом и овациями. Оказывается, официальная часть состоялась до моего появления и некоторые покинули дом Аронова ещё раньше.

– Добрый вечер. – Обернувшись, сталкиваюсь с Вороновым, которого приняла за Рому, но сейчас, когда слышу низкий хриплый голос, убеждаюсь, что это не мой муж.

И всё же похож невероятно, даже конституция тела идентична, но холёный вид и показной лоск, который ему, несомненно, к лицу, убеждают – другой человек. Буря внутри быстро стихает, рассеивая сомнения и позволяя быть вежливой.

– Добрый.

– Антон Воронов. Помощник нашего всеми любимого мэра и просто хороший человек. – Показная искренность настораживает, и мне уже не хочется продолжать беседу.

Что-то в манерах этого человека напрягает и вызывает опасение, которое неприятно щекочет внутри острыми иголочками, и я обдумываю, как следующей фразой закончить разговор.

– Я Лена.

– Просто Лена и всё?

– А нужно добавить ещё что-то?

– Я часто бываю на подобного рода мероприятиях, но вас, Лена, вижу впервые. Всё новое и привлекательное в наших кругах сразу бросается в глаза, вызывая интерес. Так с кем вы здесь, Лена?

– Я…

– Со мной. – Не вижу Островского, но кожей чувствую, что он за моей спиной.

Вряд ли настроен доброжелательно в отношении Воронова, потому что последний делает шаг назад и прячет руки в карманы. Ощущаю себя зажатой между двух огней, где ма-

лейшая искра спровоцирует пожар. Дело не во мне, между ними нечто иное, скрытое от посторонних глаз и понятное лишь двоим.

– Прошу прощения, Константин Сергеевич. Даже не мог предположить, что такая прекрасная особа может иметь отношение к вам.

Сказанная любому другому человеку, эта фраза казалась бы безобидной, но Воронов бьёт точно в цель, задевая Парето.

– Её отношение к вам было бы не менее удивительным. Нам пора.

Островский направляет меня, придерживая за локоть, и ведёт к заветной двери, которая скроет нас от гостей. Оказавшись на кухне, впервые за несколько часов могу ровно дышать.

– Я могу быть свободна? – готова сорваться с места, чтобы унести ноги в коттедж и, обняв Тасю, крепко уснуть.

– Теперь да.

– Я справилась с той задачей, которая была на меня возложена?

– Нет.

В этом весь Островский. В его голове свой идеал, к которому никто не смог приблизиться.

Собираюсь уйти, но вижу, как Петровна зашивается на кухне, и предлагаю помочь. Не обращаю внимания на платье и высокие каблуки, разбирая подставки и бокалы. Но-

ги нещадно гудят после нескольких активных часов, а виски́ ощутимо пульсируют. Почти закончив с делами, отправляю отдыхать Петровну, договорившись, что завтрак на ней, и спустя полчаса собираюсь покинуть кухню, когда раздаётся сигнал внутреннего телефона.

– Слушаю.

– Виски принеси. Квадратная бутылка с чёрной этикеткой. Тебе всё равно по пути.

Подхожу к коттеджу Парето и останавливаюсь перед дверью, не решаясь постучать, но, как только поднимаю руку, она отворяется сама, являя мне Константина Сергеевича. Островский без галстука, пара верхних пуговиц расстёгнута, что придаёт ему домашний вид. Молча протягиваю напиток, но он отходит в сторону, показывая, чтобы я вошла внутрь. Приглушённый свет создаёт уютный полумрак после ослепительных огней большого приёма.

– Можно я пойду? – ставлю бутылку на стеклянный столик, где уже стоит одна такая пустая. – Устала.

– Глоток виски?

– Нет, спасибо. Двух бокалов шампанского достаточно, а это, – указываю на янтарный напиток, – слишком крепко для меня. Мне кажется, и вам достаточно.

– В бутылке оставалась пара глотков, – отодвигает пустую, открывая принесённую мною, и наливает в стакан. – Скажи мне, Лена, сильно похож Воронов на твоего мужа?

– Как две капли воды: фигура, походка, лицо. Моя уве-

ренность рассеялась, как только он со мной заговорил. К тому же сразу видно, что мужчина ухоженный и к себе относится с заботой. Вряд ли бы Рома так комфортно чувствовал себя в строгом костюме и бабочке, которую всегда называл удавкой, да и компаний, тем более таких многочисленных, не любил.

– И где же ты нашла такого принца? – Вопрос с издёвкой и усмешка, свойственная Островскому. Оседает в кресло напротив, прихватив бокал.

– Есть женщины, которым повезло, в них всё притягивает взгляд: лицо, фигура, жесты. Папы называют их принцессами, а мамы подают пример женственности и элегантности модными нарядами и загадочной улыбкой. А есть такие, как я, которым никогда не говорили комплименты, а первые свидания они уверенно променяли на первый заработок и выросли задумчивыми, скромными, без модных нарядов и кокетливых улыбок. Таких редко зовут на свидания.

– А он позвал, значит?

– Позвал. Был обходительным и внимательным. – С горечью вспоминаю, как начиналась наша с Ромой история, и слёзы появляются неизвестно откуда, затуманивая взгляд. – Первые несколько лет ведь всё хорошо было, правильно. Бабуля меня приняла как родную, Рома работал в СТО, обеспечивая семью, рождению Таси был рад безумно.

– А потом?

– А потом всё поломалось: резко, неожиданно и больно.

Стал задерживаться с друзьями по пятницам, но очень быстро вечер пятницы перешёл в выходные, а дальше в ежедневное употребление спиртного. Я старалась, честно, – смотрю на Парето, словно он тот самый человек, перед которым обязана оправдаться. – Но моя помощь была ему не нужна.

– Знаешь, психологи утверждают, если в семье начинает пить женщина, то мужчина обязан ей помочь, потому что сама она не справится. Если начинает пить мужчина – никто не поможет, если сам этого не захочет. Твои старания были бессмысленны.

– В тот момент мне казалось, что я смогу вернуть Рому к прежней жизни, да и бабушка была на моей стороне. Но когда она замолчала, и мои слова перестали иметь вес.

– А если бы твой муж пришёл к тебе трезвым, адекватным, с предложением всё вернуть, согласилась бы? – Островский резко подаётся вперёд, оказываясь в опасной близости.

– Нет. Вот здесь, – прикладываю ладонь к левой стороне груди, – пусто. Он по-прежнему отец Таси, но лишь один этот факт не перекроет сказанного и сделанного за последние несколько лет.

– Вот только когда увидела Воронова, разволновалась.

– Всё то время, что я нахожусь здесь, мне не даёт покоя вопрос – почему? Почему я осталась с ребёнком на улице, лишившись крыши над головой? Почему он не пришёл на похороны единственного родного человека? Почему выкинул нас из своей жизни, как ненужный хлам? Почему?.. –

Чувствую, как по щеке скатывается одинокая слеза, но Островский успевает подхватить солёную каплю пальцем. – Вам бы не было интересно?

– Есть вопросы, которые я больше не задаю. «Почему?» – один из них. И тебе не стоит. Ответ тебе будет неинтересен. Люди лгут и выкручиваются, когда их загоняют в угол, и, как правило, правду ты никогда не узнаешь.

– Я поняла… – растерянно смотрю в синие глаза. – Когда вы говорили о душевных потерях, вы имели в виду веру в людей, да? В обещания и ответы на вопросы?

– В том числе.

– А я верю.

– Это ненадолго, Лена. Вероятно, степень твоего разочарования ещё не достигла критического предела, когда каждое слово сквозит фальшью, и ты скорее примешь ложь, чем убедишь себя в обратном. Так проще и привычнее.

– Я не умею врать.

– Я вижу. – Кривая усмешка отражается на лице Островского. – Вижу, как распахиваются твои глаза, когда ты удивлена; вижу неподдельный страх, сковывающий твоё тело; вижу злость, которая отражается бесовскими огоньками в серебристой глубине. Вижу. Даже тогда, когда не смотрю. Даже то, что ты прячешь от посторонних глаз в надежде сохранить лишь для себя.

Константин Сергеевич слишком близко, и его колени касаются моих, а синева будто душу вытягивает из меня, со-

средоточив внимание на каждом слове. Становится душно, а желание отстраниться и покинуть коттедж нестерпимо жжёт грудную клетку. Диалог взглядов затягивается, и я осторожно поднимаюсь, выворачиваясь из плена мужской ауры.

– Я пойду. Уже поздно.

Подхожу к двери, нажимаю на ручку, понимая, что дверь заперта. Проворачиваю внутреннюю защёлку, когда чувствую за спиной Парето, а повернувшись, отхожу к стене. Он упирается руками о стену по бокам от моей головы и склоняется, оказавшись в нескольких сантиметрах от лица.

– Бежишь. Что, так противно?

Мы оба знаем, о чём он спрашивает, но Парето подобен детектору лжи, который мгновенно распознает обман.

– Нет.

Отступает на шаг, расстёгивая сначала запонки, а затем пуговицы на рубашке и стягивает её по плечам, чтобы откинуть в сторону. Вся его грудь испещрена глубокими шрамами, а плечи покрыты множеством мелких, но заметных.

– А так?

Отрицательно мотаю головой, потому что не могу выдавить и слова, шокированная представлением. Неосознанно тяну к нему ладонь, но вовремя вспоминаю, кто передо мной, и одёргиваю саму себя, дабы не совершить непоправимую ошибку.

– Потрогай, если хочешь. *Если можешь.*

И я трогаю. Неровные, грубые шрамы, будто кожу стяги-

вали с силой наспех, рвали края и снова соединяли, оставляя уродливые, тугие рубцы, превратившиеся в нечто ужасное и неприятное. Но то, к чему я прикасаюсь, не вызывает отвращения или желания убрать руку, наоборот, плавно веду по изогнутым рубцам, ощущая кончиками пальцев плотные бугорки, похожие на волны. А когда добираюсь до области сердца, расправляю пальцы, чувствуя, как отдаётся в ладонь каждый тяжёлый удар, а горячая кожа обжигает мою.

Минута, которая переворачивает мой мир и заставляет прочувствовать мужчину, который позволил приблизиться, открывшись, а подняв голову, встречаюсь со взглядом, от которого ноги подкашиваются. То, как он смотрит – с надеждой и тоской, – вызывает желание приблизиться и заключить грозного мужчину в объятия.

И всё же я помню, кто передо мной, поэтому совершаю попытку отстраниться, но Островский делает шаг первым и прижимает внушительным телом к стене. Надсадно дышит, находясь в жалких сантиметрах от моих губ. От него пахнет алкоголем – дорогим, благородным, с ощутимыми нотками лайма. От Ромы всегда несло омерзительным пойлом, вызывающим тошноту.

Секунда, две, три… Бесконечное тиканье в застывших стрелках кажется вечностью, когда Парето прикасается сухими губами к моим, неторопливо завоёвывая территорию. Я на грани обморока от осознания, что он меня целует. Мужские ладони ложатся на талию и ползут по спине, прижима-

ясь плотнее, и вот уже он действует смелее, заигрывая с моим языком и проникая в рот глубже. Отвечаю, не в силах прервать затягивающее мгновение, позволяю попробовать меня и в то же время нахожусь словно в бреду. Отрывается от моих губ, позволив сделать полный вдох и паузу, которая так необходима. Его пальцы гуляют по моему лицу, очерчивая скулы, губы и спускаясь по шее к декольте. Мурашки возникают на месте тёплых дорожек, которые оставляют его прикосновения, и превращаются в мелкую дрожь.

Будто Островский застыл в ожидании, но моего разрешения не требуется, а отказ он не потерпит, настояв на своём. А затем понимаю: меня здесь быть не должно и лишь волей случая я та, что оказалась в этот вечер рядом с ним. Решаю не я – только он.

Глава 12

Бродит пустым взглядом по моему лицу, пальцами оглаживая спину, резко наводит фокус, встряхивая головой, и впивается в мои губы. Покусывает и тут же зализывает мягкую кожу, врывается в мой рот, проталкивается языком и отступает, проводя языком по самому краю. Жадно и страстно присваивает, подавляя остатки моей воли, и прижимает вплотную, позволяя почувствовать своё возбуждение.

От мысли, что я могу вызывать желание у Островского, голова идёт кругом, а руки, взметнувшись вверх, оплетают мужскую шею. Зарываюсь пальцами в густые волосы и позволяю себе тонуть в нём, откидывая голову назад и подставляя шею под горячие губы.

Молния платья ползёт вниз, и через секунду кусок ткани падает к ногам. Меня берёт в плен смущение: старенькое, застиранное нижнее бельё, давно потерявшее первоначальный цвет, должно его шокировать. На миг отстраняюсь, но Парето подхватывает меня на руки и несёт на кровать, укладывая поперёк. Расталкивает мои бёдра и, вклинившись между ног, нависает сверху. Грубо стягивает мои волосы на затылке и грязно целует, вытворяя у меня во рту экстремальные кульбиты так, что я едва успеваю отвечать. Застёжка бюстгальтера расходится, и Островский оставляет мои губы, чтобы припасть к груди. Посасывает острые вершинки, ощути-

мо прикусывает и тут же слегка дует, вызывая умопомрачительные ощущения. Каждое касание – разряд, каждый укус – маленькая смерть.

Действие алкоголя давно нейтрализовано работой на кухне, но сейчас чувствую себя пьяной и плывущей по волнам давно забытых ощущений. Женщине противопоказано длительное одиночество, в котором она вянет, сгибаясь под тяжестью жизненных проблем, ежедневных забот и тягостных мыслей. Моменты забытья помогают не сойти с ума, а если этот момент сводит с ума жадными поцелуями и крепкими объятиями, необходимо поддаться искушению.

Большие ладони пропадают, и я открываю глаза, чтобы увидеть Островского, который стоит на коленях между моих ног. Сводит их вместе и, обхватив лодыжки, поднимает, чтобы стянуть бельё и вернуть в исходное положение. А затем встаёт, чтобы раздеться самому, представив мне себя обнажённого. Жадно скольжу взглядом по его телу – сильное, упругое, подтянутое. Если бы не шрамы, покрывающие торс, я бы сказала, что Константин Сергеевич идеален.

Моё внимание притягивает мужской орган, по которому Парето одним движением раскатывает презерватив, и его значительные размеры. Вновь нависает надо мной, завладев губами и возвращая в состояние морока, который позволяет делать с моим телом всё, что взбредёт ему в голову. Сейчас, когда тяжесть спускается к низу живота в ожидании разрядки, сама тянусь к нему, не выпуская губы из плена и утопая

в прошивающих насквозь эмоциях.

– В глаза. – Голос не повысил, но по телу проходит дрожь, призывая подчиниться.

Подаётся бёдрами вперёд, проникая членом медленно, короткими рывками, растягивая и подстраивая под себя. Входит до основания и замирает, позволяя прочувствовать его и привыкнуть к размеру, но я чувствую пульсацию внутри лона, призывающую к действию. Веду ладонями по его плечам, чтобы сомкнуть на шее, но Островский опережает и, закинув мои руки над головой, сплетает наши пальцы и начинает плавно двигаться. Выходит полностью, оставляя противную пустоту, и врывается членом до основания, вызывая мои стоны. Глаза закатываются от волн удовольствия, но не смею ослушаться и смотрю в его глаза. А потом понимаю: ему плевать на любую из эмоций, которая отразится на моём лице, не потерпит Константин Сергеевич лишь одной – отвращения.

Он, как и любой другой человек, желает той самой правды, в которую, по его словам, не верит, а в моём случае – правда в глазах. Если человек противен, скрыть подобное трудно, а в момент получения удовольствия невозможно.

Именно поэтому, вбиваясь в моё тело усиленными толчками, он не выпускает из вида моё лицо, упиваясь тем блаженством, что отражается на нём. Обхватываю его торс ногами, упираясь пятками в поясницу, и выгибаюсь, позволяя проникать члену глубже. Глаза всё же закрываются, когда

я бурно кончаю под ним и трясусь, словно в агонии, сжимая тугими стенками толстый орган. Он позволяет мне насладиться сладкой эйфорией, а затем поднимает, усаживая на себя сверху, и быстрыми толчками врывается снизу. Подстраиваюсь под его темп, упираюсь ладонями в плечи Островского и насаживаюсь на его член, подскакивая выше и резче, пока он не кончает, заглушив короткий стон глубоким поцелуем.

После второго оргазма, не менее сильного, чем предыдущий, не могу отдышаться, пока сердце лупит по рёбрам, медленно успокаиваясь. В этот короткий момент, пока тела, покрытые испариной, остывают, оставляю нежные прикосновения на его губах, радуясь взаимности. Это было настолько незабываемо и горячо, что внутри меня ликуют тысячи барабанов, вознося на пик блаженства.

Спустя несколько минут Островский снимает меня с себя, осторожно перемещая на кровать, и резко поднимается, направляясь в душ. Лишь бросает через плечо жёсткое:

– Ты свободна.

Дверь за ним закрывается, а я остаюсь в полном недоумении. Стыд и сожаление окатывают с ног до головы, возвращая на землю и рассеивая в пыль волшебство, которое витало в воздухе ещё несколько минут назад. Посадка жёсткая, но ожидаемая. Ничего другого Островский себе позволить не может. Ничего другого я не жду. Понимаю это так явственно, что молча поднимаюсь с постели, одеваюсь и вы-

хожу, чтобы через минуту оказаться в своём коттедже.

Тася свернулась калачиком и сладко сопит, поэтому почти бесшумно снимаю платье и проскальзываю в ванную. И там, стоя под потоком горячей воды, избавляюсь от следов, оставшихся после его пальцев и губ. Не сразу поняла, что Парето не использует парфюм, а терпкий запах – его собственный, и я пропитана им насквозь, до самых костей, до самого сердца…

Забираюсь на кровать, прижав Тасю, в руке которой одна из новых кукол. Сегодня моя девочка безмерно счастлива, получив заветный подарок от человека, который не способен на проявление нежности. Зачем мы Островскому? Расположение и доверие Таси зачем?

Уже засыпая, уговариваю себя, что всё произошедшее сегодня – сон, а завтра, встретив новый день, я вновь окажусь прислугой, а Островским тем, перед кем все опускают головы.

***

– Мам. – Шёпот возле уха вырывает из сна. – Ты опоздаешь.

– Не опоздаю, – прижимаю к себе и утыкаюсь носом в светлые волосы дочки. – Сегодня завтрак на Ларисе Петровне, а мне можно подольше поспать.

– Значит, можно обниматься? – Глазёнки загораются предвкушением.

– Можно.

Тася укутывается в мои объятия, и мы обе сосредотачиваемся на мультиках, которые мелькают в телевизоре. Слишком долго мы не оставались наедине, наслаждаясь тишиной и теплом друг друга. Мой ребёнок всё понимает, даже больше, чем ей положено, но моменты, когда я просто мама, невероятно важны.

События вчерашней ночи врываются неожиданно, когда я, повернув голову, вижу платье, небрежно брошенное на спинку стула.

Перед глазами лицо Островского и голодный взгляд, пожирающий похотью. Горячие губы. Длинные пальцы, впивающиеся в кожу. Мои стоны. Влажные тела. Ритмичные движения. Мои ладони, сжимающие его плечи. Болезненные укусы. Запах секса. Оргазм, срывающий все запреты. Испепеляющий поцелуй. Сухое «ты свободна». Тишина, в которой сгорает вожделение.

Но, несмотря на неприятный осадок, оставшийся после близости с Парето, я чувствую себя немного счастливее, как женщина, которой так долго не хватало тепла. Желанная, привлекательная, сексуальная – вчера мне была дарована возможность поднять голову, расправить плечи и просто жить, не думая ни о чём. Потрясающие минуты, которые сгорели с рассветом, возвращая меня в статус прислуги для всех, включая Островского.

Насладившись утром, всё же поднимаюсь, не позволяя себе задерживаться надолго, и иду на кухню, где уже вовсю хо-

зяйничает Петровна, избавляясь от остатков вчерашнего вечера. На столе порция панна-котты и остывший кофе.

– Не съел? – киваю на тарелку, приготовленную для Островского.

– Уехал рано утром, ещё все спали. Гриша сказал. Они сегодня с Альбертом Витальевичем улетают в Пермь, по делам, предположительно на неделю, а там как получится. Там какое-то собрание у них, или конференция, или что-то подобное. Не разбираюсь в подобных нюансах. – Петровна равнодушно пожимает плечами, продолжая натирать бокалы.

Островский оставит нас на неделю. Эта мысль грустью отдаётся внутри. Словно бежит от произошедшего вчера, увеличивая расстояние, но я вовремя вспоминаю, что Островский вряд ли способен на подобные чувства, к тому же я одна из тех, кто просто оказался под рукой, удовлетворив его потребность, и на лучшее отношение претендовать не имею права. Никто. Пустое место.

– А Виктория приходила на завтрак?

– О да! Слопала всё, что ты оставила для неё, и вторую порцию панна-котты. Хорошо, что он не пришёл, а то влетело бы и мне, и ей по первое число. Даже тот факт, что она женщина Аронова, не обезопасит от рыка Парето.

– А когда они улетают?

– После обеда. Мы с тобой, кстати, сегодня должны убрать комнату хозяина. Не любит он, когда чужие в его спальне находятся.

– Знаете, странно всё-таки, Лариса Петровна, – несмело начинаю, чтобы выяснить нюансы, которые интересуют давно. – Вы и управляющая, и повар, и горничная, когда нужно. Как один человек способен совмещать такое количество обязанностей и выполнять их на отлично?

Женщина отставляет в сторону бокал и садится напротив, перебирая в руках полотенце. Улыбка сползает с лица, а уголки губ нервно дёргаются.

– Когда я ушла из ресторана, рассчитывала на спокойную жизнь, тихие вечера и редкие встречи с подругами. Пенсии бы вполне хватало на самое необходимое, а подработать всегда можно выпечкой на заказ или обслуживанием банкетов по запросу. Первый внук родился, и счастью не было предела. Ровно до того момента, пока у ребёнка не обнаружилась серьёзная болезнь. И понеслось: операция, вторая, реабилитация, дорогие лекарства, лучшие врачи, массажи, поддерживающая терапия. Мой зять зарабатывал очень хорошо, но не настолько, чтобы вытянуть всё это в одиночку. Дочка не имела возможности выйти на работу, постоянно находясь рядом с внуком. В тот самый момент появилась подруга с предложением работать на Аронова, дала мне отличные рекомендации, представила хозяину. Мы обсудили с ним условия работы, но я настояла, что возьму на себя любую работу, которая появится. Изначально пришла в статусе управляющей, дальше взяла часть работы на кухне, обязанности с Рудольфо мы разделили. Катя была личной горничной хозяи-

на, занималась уборкой в здании охраны и выполняла множество мелких поручений. А после её ухода комнату хозяина стала убирать я, за дополнительную плату, как ты понимаешь. Зимой в этом доме немноголюдно, как ты могла заметить, за редким исключением приёмов и вечеров, но здесь я прибегаю к помощи агентств, обслуживающих подобные мероприятия. Летом, когда приезжают дети Аронова в компании друзей, нанимаю ещё пару человек по контракту на ограниченный период, а осенью вновь остаюсь одна. К тому же только этой зимой Альберт Витальевич в большинстве своём находится здесь, обычно несколько дней в неделю остаётся в городе, а с ним Островский и часть охраны.

– Я всё поняла. Простите за бестактный вопрос.

– Вполне логичный, на мой взгляд.

– Вам хватает?

– Сейчас вполне. Внук в состоянии ремиссии, но я работаю в привычном режиме, чтобы скопить нужную сумму, если случится рецидив. Мне шестьдесят, силы уходят, и работать в полном объёме становится всё труднее, но пока есть возможность, я останусь в этом доме.

В глазах щиплет от эмоций после рассказа Петровны, подхожу к ней и молча обнимаю, поддерживая эту замечательную женщину. Стоим так несколько минут, пока каждая думает о своём, не желая повторения худших жизненных моментов.

– Хорошая ты, Лена, отзывчивая, открытая, добрая, – за-

ботливо гладит меня по спине, как, возможно, сделала бы мама. – Никому не позволяй выжечь то светлое, что живёт внутри. Не подпускай близко людей, которые могут искалечить твою жизнь. Особенно таких, как Парето.

Освобождаюсь из объятий, недоумённо уставившись на Петровну. Желаю скрыть то, что случилось вчера, вернувшись в прежнее состояние страха перед Константином Сергеевичем, но, вероятно, он был прав – я не умею врать.

– Он не плохой, – оправдываю Островского скорее в первую очередь перед самой собой.

– Он потерянный. Мечется из угла в угол в закрытой комнате, и нет покоя его уставшей душе. Взгляд пустой, безжизненный, остекленевший, не живой вовсе. Но вчера впервые за долгое время он был другим – заинтересованным, и этот самый интерес вызвала ты. Знаешь, всё, к чему прикладывает руку Парето, в итоге погибает. Это неизбежно. Просто помни об этом.

Петровна встаёт и уходит, оставляя меня наедине с душевными терзаниями и неверием в слова. Невозможно, чтобы человек прогнил до предела, до самого дна, откуда уже не вернуться. Циничность Островского – лишь показная ширма, за которой скрывается человек, спрятанный ото всех. Погрузившись в собственные размышления, не слышу шагов и резко дёргаюсь от произнесённого знакомым голосом:

– Сделай кофе.

Не оборачиваясь, выполняю приказ дрожащими пальца-

ми, чувствуя, что Парето следит за каждым моим движением. Я словно рыбка в аквариуме, которой некуда спрятаться, а пространство просматривается насквозь, не позволяя скрыться от любопытных глаз. Наливаю напиток в кружку, а когда поднимаю вместе с блюдцем, по кухне разносится глухое дребезжание, выдавая мою нервозность. Не поднимая головы, выставляю перед ним кофе, тут же направляясь на выход, но дорогу мне преграждает Петровна.

– Надо приготовить Альберту Витальевичу завтрак по-английски. Без фасоли, он её терпеть не может.

И мне приходится остаться наедине с Парето, неспешно попивающим кофе и облизывающим меня взглядом. Чувствую его каждой клеточкой, которая вопит об опасности и критической близости мужчины. На автомате совершаю положенные по правилам движения, выкладывая на тарелку бекон, яйца, грибы, тосты, колбаски, масло, джем и помидоры. В дополнение чай с молоком, который так нравится Аронову. Петровна входит в тот самый момент, когда я нахожусь в шаге от желаемой свободы, собираясь покинуть кухню, и перехватывает поднос, исчезая в дверях. Мне лишь остаётся ускользнуть в противоположном направлении, избавившись, наконец, от компании Островского, но он вырастает на моём пути непроходимой преградой.

Словно провинившись, стою, опустив голову, и исследую его начищенные до блеска туфли, которые стоят целое состояние. Вновь отчётливо слышу холодное «ты свободна»,

брошенное невпопад, рассеянно, словно я одна из тех чаек, о которых так презрительно отзывалась вчера Виктория. И несмотря на то что инициатива исходила от Островского, меня сковывает стыд, не позволяющий посмотреть в лицо тому, чьи ласки заставляли ночью стонать в беспамятстве.

Минута, две, пять… Бесконечное количество, вырывающее из пространства и заставляющее дрожать в полуобморочном состоянии. Тошнотворная тишина, в которой исчезают мой мысленный стон и гулкое дыхание Парето, не оставляющего надежду прочесть на моём лице всю правду, которую я не способна скрыть.

– Самолёт через два часа, – нарушает он тягостное молчание, заполняя тишину долгожданными звуками. – О дате возвращения сообщу позднее Ларисе Петровне.

– Я поняла, Константин Сергеевич.

Тяжёлый вздох, и Островский уходит, и только сейчас решаюсь поднять голову, чтобы проводить взглядом широкую спину, которая под тканью тоже обезображена шрамами.

Через час, когда несколько машин выезжает с территории, Петровна даёт команду подняться в комнату Аронова. Берём всё необходимое и поднимаемся на второй. Ступаю несмело, словно нарушаю запрет, вторгаясь на запрещённую территорию. Широкий коридор второго этажа светлый, просторный. Пестрит многочисленными дверьми, одну из которых Петровна уверенно открывает, пропуская меня вперёд.

Спальня Аронова отделана в серебристых тонах и воспри-

нимается как сдержанная, простая и мужская. Большая кровать с мягким изголовьем застелена стальным покрывалом; множество мебели, создающей уют; массивный стол, заваленный бумагами, хотя по большей части хозяин работает в кабинете.

– На тебе гардеробная. – Петровна указывает на двустворчатую дверь.

Открываю её и застываю в дверях, потому что передо мной пространство в половину спальни, заполненное мужскими вещами. Я видела такое лишь в фильмах, всегда удивляясь, с какой целью людям такое количество вещей. Оформлена деревом – сдержанно и лаконично, создаётся ощущение, что здесь нет ничего лишнего. Всё рассортировано: костюмы, одежда спортивная и домашняя, обувь, ремни, галстуки, носки в отдельном ящике, а также часы и очки.

– Забери корзину с грязным бельём! – кричит Петровна из спальни, и я выношу тканевую корзину в спальню. – Завтра сдам в химчистку.

– А что нужно делать? – уточняю, совершенно не понимая, какого рода уборка требуется в таких помещениях.

– Разложить всё по своим местам, то есть по необходимым отделениям. Можешь открывать каждый ящик, чтобы в следующий раз уже понимать, что где лежит.

Согласно киваю, начиная по порядку выдвигать ящики и наводить порядок в тех местах, где он нарушен. У Аронова большая коллекция часов, которая занимает два яру-

са, и каждый предмет вставлен в специальный паз, множество очков в ячейках и навскидку штук сто галстуков, каждый из которых аккуратно скручен и помещён в кармашек. Удивительно, сколько одному мужчине необходимо одежды, но Аронов – человек публичный и обязан соответствовать. Быстро сообразив, по какому принципу разложены вещи, сортирую их по порядку. Последний ящик застревает на половине, не желая выдвигаться. Что-то в глубине, около стенки, мешает, а когда ныряю туда рукой, достаю конверт.

В нём фотографии – много. Напечатанные снимки, увесистая стопка. Несколько секунд отчаянной борьбы с любопытством, и я решаюсь заглянуть внутрь. На них изображено множество людей: весёлые компании, женщины, мужчины, дети. Останавливаюсь на одном, заглядываясь на мужчину, как мне кажется, очень знакомого, а присмотревшись, понимаю, что это… Островский. На фото ему около тридцати, на заднем фоне море и пальмы. Рядом женщина с длинными рыжими волосами и мальчик лет десяти, а у Парето такой счастливый и беззаботный вид, что сердце бьётся чаще. Это другой Константин Сергеевич – его больше не существует, он остался в прошлой жизни и иной параллельной вселенной, из которой нет возможности вернуться. Непохожий на себя настоящего, со смыслом и теплотой в глазах, смотрит на свою спутницу с обожанием. Вероятно, это и есть его жена Надя, а мальчик Никита – семья, которой он лишился. Рядом Аронов – здоровый, сильный, жизнерадостный и стройная

блондинка, похожая на Викторию. Или же Вика скорее подобие женщины на фотографии? Покойная жена Альберта Витальевича обнимает его, положив голову на плечо. Три человека, изображённых на фото, уже покинули этот мир, а снимки – лишь тёплое воспоминание о жизни, которой больше не будет. Перебираю картинки, на которых множество лиц и разных мест дают понять, что когда-то Островский был компанейским и гостеприимным. Где все эти люди теперь? Он один в своём мире, и лишь Аронов, который знает Парето давно, до сих пор рядом. Или же горе сближает, и они как никто другой понимают друг друга? Улыбаюсь сама себе, наслаждаясь тем Островским, которого мне никогда не суждено познать…

– Лен, ты закончила? – Вопрос настолько резкий, что я подскакиваю на месте, боясь быть пойманной.

Заталкиваю конверт на место, закрываю ящик, в котором порядок, и удаляюсь из гардеробной.

– Да. Сделала. А что там? – указываю на идентичную дверь рядом.

Петровна мнётся, прикусывая губы, словно решается на что-то.

– Ладно, – выдыхает. – Посмотри. Но только один раз, – поднимает палец, а меня уже съедает любопытство. – И больше никогда не открывай.

Часто киваю, напоминая себе Тасю, которая согласна на всё, лишь бы добиться желаемого, и осторожно открываю

дверь. Такая же по размерам гардеробная, но оформленная в ярких цветах – женская. Вещи упакованы в прозрачные одёжные мешки и аккуратно развешены: идеальный порядок, который не нарушался уже много лет.

– Это чьё? – заглядываюсь на дорогие вечерние платья.

– Покойной жены Аронова.

– А зачем он это хранит?

Петровна лишь пожимает плечами, вероятно не имея ответа на мой вопрос.

– Сказал не трогать.

– А как Вика к этому относится?

– А ты как бы отнеслась?

– Не очень, – морщусь.

– Вот и она так же, но спорить с ним бесполезно, да и отношения у них гостевые. Всё же хозяин этого дома он.

– Лариса Петровна, а почему Альберт Витальевич не сделает ей предложение?

Женщина оглядывается по сторонам, будто нас кто-то может услышать, и заходит в гардеробную, закрывая двери.

– Я как-то набралась смелости и спросила, а он ответил: «Через десять лет мне будет шестьдесят четыре, а Вике сорок три. Не уверен, что хромой и старый смогу стать достойным конкурентом мужчинам, которые будут её настойчиво добиваться». Вот так, – разводит руками и тянет меня за собой в спальню. – Так что дело в нём.

– Он же понимает, что в какой-то момент Виктория захо-

чет семью и поставит его перед фактом – выбор сделать придётся.

– Скорее всего, выбор он сделает не в её пользу, и девушка просто уйдёт сама.

– Самое гадкое, что может сделать мужчина, – поставить женщину в такие условия, при которых она оставит его сама. Либо определись, либо скажи человеку, что он тебе не нужен.

– Права ты, конечно, но пусть разбираются сами.

Оборачиваюсь, чтобы напоследок окинуть взглядом гардеробную. Островский не пожелал избавляться от шрамов, каждый день в отражении напоминая себе о прошлой жизни, Аронов же хранит своё прошлое в этих вещах. Оба на крючке, застыли на стрелках часов, которые для них больше не идут, и есть только одна сила, способная сдвинуть их с места, – любовь.

Глава 13

Дни летят быстро для обитателей дома и одновременно медленно для меня в ожидании возвращения Островского. Болезненная необходимость лицезреть его каждый день отдаётся тоской и желанием утонуть в опасной синеве. Воспоминания нашей близости нагло врываются в сны, словно на повторе, и я просыпаюсь со стойким чувством стыда.

Теперь для него я одна из тех, кто с лёгкостью уступил напору и капитулировал без сопротивления, позволяя присвоить своё тело. Не знаю, что на этот счёт думает сам Парето, но, вероятнее всего, теперь я лишь пустое место, не заслуживающее даже его взгляда. Он любит сложности, а моя простота не прибавляет очков, делая лишь интересом на одну ночь.

Я всё время прокручиваю тот самый вечер, начиная от приказа появиться на празднике и заканчивая просьбой принести спиртное. Точный расчёт или простая случайность свела нас в его коттедже? Возможно, Островский, являясь великолепным стратегом, с лёгкостью просчитал моё поведение и точно знал, что вечер закончится сексом. Одёргиваю сама себя, запрещая изводить многочисленными предположениями, потому что в отношении Константина Сергеевича ни одно из них не сработает. Я вижу частное, он же, в свою очередь, нацелен на общее.

– Лен, я в город с Гришей. Поедешь? И Тася прогуляется хоть где-то, кроме сада и дома.

Сегодня уже суббота, выходной, поэтому дочка бегает по двору, катает снежки и резвится в снегу. Петровна молчит, не предупреждая о приезде хозяина, а заодно и Островского.

– Мы едем. Десять минут, и выйдем.

Снимаю форму, переодеваясь в джинсы и свитер. Хватаю Тасю и иду к машине, в которой уже сидят Гриша и Петровна.

– Поедем в торговый центр. Мне кое-что купить нужно. Через пару недель собираюсь к дочери на несколько дней, внукам подарки обещала привезти.

– Вы уедете?

– Дня на четыре, не больше. Приёмов не предвидится, поэтому ты легко справишься сама.

На кухне сама-то я справлюсь без особых усилий, но без Петровны я фактически один на один с Островским. Аронов не счёт, на кухне он никогда не появляется, вызывая кого-то из нас с помощью внутренней связи. Исключение составляют моменты, когда, принеся кофе, я попадаю на обоих мужчин сразу и Альберт Витальевич старается завязать разговор, выясняя подробности моей жизни под пристальным взглядом Парето.

Въезжаем на парковку огромного центра под визги Таси, которая всю дорогу не умолкала, умоляя отвести её в детский городок. В саду она общается с детьми, играет, рез-

вится, выходные же для неё проходят слишком спокойно, не позволяя избавиться от накопленной энергии. Петровна с Гришей отправляются на второй этаж, а мы поднимаемся на четвёртый, и сразу на выходе из лифта Тася срывается с места в направлении детского городка. Смеюсь, с трудом удерживая дочку, и ускоряю шаг. Сажусь напротив входа, со стороны присматривая за Тасей, которая через десять минут знакомится с какой-то девочкой её возраста и эмоционально о чём-то беседует. Радуюсь, что мой ребёнок общительный и открытый новым людям, и вспоминаю себя в детском доме: тихая, зажатая девочка с огромными серыми глазами, которая дёргалась от каждого шороха и с трудом заводила знакомства. Дети открыто называли меня странной, сторонились и не брали в компании, потому что я отказывалась участвовать в шалостях, предпочитая тратить силы на книги. Со временем я просто привыкла к одиночеству и тишине, изредка составляла компанию Елене Николаевне, старшему воспитателю, когда требовалось выполнить монотонную и кропотливую работу.

– Мам, смотри! – кричит Тася и исчезает в бассейне с цветными шариками.

– Осторожно! – пытаюсь перекричать детский визг и возгласы предостережения других родителей.

Не знаю, сколько у нас есть времени, пока Лариса Петровна занимается покупкой подарков, но дочка, кажется, старается оббежать всё и сразу.

– Какая приятная встреча, Лена!

Поворачиваю голову и резко отшатываюсь в сторону, когда мужчина без одобрения усаживается рядом, подвигая меня на лавочке.

– Добрый день.

Передо мной Воронов, только совсем другой: джинсы, свободный свитер и кроссовки. Сейчас он мне кажется ещё больше похожим на Рому, отчего внутри сворачивается неприятный комок. Поразительная схожесть с мужем не позволяет спокойно реагировать на его появление.

– Не помните меня? Антон Олегович. Мы встречались с вами неделю назад в доме Аронова. – При упоминании хозяина Воронов поджимает губы, но тут же расплывается в улыбке, которая мне не кажется искренней.

– Помню.

– Константин Сергеевич так быстро увёл вас, что многие не успели представиться вам.

– Многие? Их было много?

– Конечно! Например, мэр – Зарецкий Анатолий Владимирович. Новое лицо в наших кругах привлекает внимание, тем более такое выразительное, – произносит с причмокиванием, умилённо закатывая глаза, чем вызывает ещё бóльшую неприязнь.

– Простите, не предполагала, что моё появление произведёт такой фурор. Планировала остаться незамеченной среди нескольких десятков гостей.

– Прийти в компании Парето и остаться незамеченной? – Громкий смех привлекает к нам внимание окружающих, приковывая ненужные взгляды.

Мне хочется забрать Тасю и уйти, чтобы избавиться от компании этого человека. Короткая беседа между ним и Островским на приёме дала понять, что отношения мужчин напряженные. В любом случае нужно отвечать коротко и сухо, чтобы Воронов сам понял, что пора удалиться.

– Не вижу ничего выдающегося, – пожимаю плечами, выискивая глазами дочку среди множества детей. – Большинство мужчин были в компании привлекательных девушек, но их появление вас не удивило.

– Лена, а вы давно знакомы с Островским?

– Недавно, – размытый ответ, который не даёт Воронову никакой конкретной информации.

– А вы знаете, почему он получил прозвище Парето? – наклоняется, оказываясь так близко, что в нос врезается приторный запах парфюма.

– Знаете, Антон Олегович, я привыкла обращаться к людям по имени.

– Так вот, Лена, – словно не слышит меня, продолжая. – Константин Сергеевич Островский – человек умный, хитрый и скользкий. Его способность просчитать игру от начала до конца и достичь поставленной цели феноменальна. При этом он не гнушается никакими средствами для достижения этой самой цели, ступая по головам и оставляя после

себя уничтоженные жизни – в физическом или же моральном смысле, неважно. Он никогда не тратит время впустую, не совершает действий, неспособных привести к результату, и достигает цели, изменяя переменные с выгодой для себя. Мой непосредственный начальник, Зарецкий Анатолий Владимирович, однажды выдвинул предположение, что Константин Сергеевич руководствуется законом Парето, известного социолога восемнадцатого века, и чётко соблюдает правила, грамотно распределяя затраченные усилия. Вот так и закрепилось за ним прозвище, хотя сейчас уже никто не вспомнит, откуда и почему оно появилось. Если вам интересны детали, прочтите.

Всё, что поведал мне Воронов, было сказано Викторией на приёме. В том, что Островский невероятно умён, сомнений нет, а его точка зрения в вопросе достижения необходимого результата посредством устранения препятствий мне известна. Только Воронов всё это говорит с нажимом, ядовито, смакуя каждое слово и наблюдая за моей реакцией.

– Зачем вы всё это мне рассказываете?

– Чтобы вы понимали, Лена, кто такой Островский и чем вам может грозить связь с ним.

Вспыхиваю, словно спичка, желаю возмутиться, но вовремя вспоминаю, что лишь выдам себя, вступив в полемику с Вороновым.

– А с чего вы взяли, что у нас связь? Разве не может мужчина провести время с женщиной, не связывая отношения

постелью?

– Такому, как Островский, в отношении вас надеяться не на что. – Противный смех окутывает, вызывая приступ тошноты. – Ну правда, кто посмотрит на это? – с нажимом проводит пальцем по щеке, указывая на шрам Парето. – Скажу по секрету, – переходит на шёпот, – тело у него в таких же шрамах. Зрелище омерзительное.

Слова Воронова никак не сочетаются с впечатлениями, полученными неделю назад, когда я, прикасаясь к неровным отметинам, не испытывала отвращения. Вероятно, я неправильная, и то, что в людях вызывает отторжение, меня манит.

– Есть люди, прекрасные лицом, но ужасные внутри. И это куда страшнее шрамов на теле, потому что гниль остаётся гнилью, каким бы дорогим парфюмом ни старались залить тошнотворный запах.

После моих слов Воронов угрожающе щурится, но через секунду возвращает натянутую улыбку, видимо всё ещё желая вызвать мою симпатию.

– А я-то думал, что Константин Сергеевич просто купил симпатичную куколку для постельных утех. Каюсь. Ошибся. Таких, как Парето, возбуждают ум и острый язычок, а когда в дополнение к мозгам идёт красота, экземпляр становится бесценным.

– Просто некоторые умеют тщательно выбирать, другие же соглашаются на первый попавшийся вариант.

– Всё-таки вас связывает нечто большее, чем простое об-

щение, не так ли?

– Я этого не говорила.

Только сейчас замечаю, что Воронов настолько близко, что, кажется, одно движение – и я буду вдавлена в мужское тело. Трудно дышать, хочется избавиться от его общества, и я выглядываю Гришу и Петровну, которые оказались бы как нельзя кстати.

– Я умею читать между строк, Лена. – Его рокочущий голос оплетает, будто толстые канаты, обездвиживая. Это похоже на какой-то гипноз, вызывающий желание слушать собеседника и поддакивать. – Зачем вам Островский, который использует вас и выбросит, как и всех, кто попадается на его пути? Рядом есть кандидатуры интереснее и выгоднее.

– Это вы сейчас на себя намекаете?

– Прямо говорю, – не разрывая взгляда, тянется губами, но я успеваю упереться в его грудь ладонями, уворачиваясь.

Я зажата между лавочкой и колонной, не имея шансов вырваться, а Воронов напирает всей массой, зажимая меня всё больше. Открываю рот, чтобы закричать и позвать на помощь, когда рядом раздаётся:

– Руки убрал от неё.

В этот момент мужское тело исчезает, и я получаю долгожданную свободу. Гриша хватает Воронова за шиворот, оттаскивая от меня на несколько метров на глазах у изумлённой Петровны, которая застыла с пакетами в руках.

– Я помощник мэра! Ты даже прикасаться ко мне не име-

ешь права, – рычит на Гришу, которому, кажется, плевать на слова Воронова.

– А ты к ней, – указывает на меня.

– Парето своих шавок и к ней приставил, – довольно улыбается, поправляя одежду. – Херово работаешь, малец. Оставляешь подопечную без присмотра. А если с ней что-нибудь случится?

– Скорее с тобой. – Охранник щёлкает пальцами и сжимает кулаки.

Показательный жест и воинственный вид пугают даже меня. Я всегда видела парня расслабленным и улыбающимся, но сейчас понимаю: в случае опасности Гриша готов к любому развитию событий. Неожиданно появляются два мордоворота, которые оттесняют Воронова, останавливаясь перед Гришей. Молчание и острые взгляды, направленные друг на друга, не сулят ничего хорошего, но Воронов кивком отзывает своих парней и удаляется.

Охранник провожает троицу взглядом и потом обращает внимание на меня. Только после того как Воронов удаляется, расслабляюсь и понимаю, что тело потряхивает, медленно избавляясь от напряжения.

– Откуда этот Шакал взялся?

– К-кто?

– Если Островского называют Парето, то Воронова – Шакалом. А Константин Сергеевич просто Шакалёнком. – Гриша зло усмехается. – Хитрый, трусливый, ходит за мэром по

пятам, надеясь, что получит кусок с большого стола. – Впитываем с Петровной каждое слово, молча слушая Гришу. – Это не мои слова. Сама знаешь кого.

– Знаю.

– А где Тася, Лен?

Вскакиваю, выискивая глазами дочку, и с облегчением выдыхаю, когда вижу её в цветном домике в компании девочки.

– Останемся ещё? – Петровна ставит пакеты на лавочку, усаживаясь.

– Нет. Поехали домой.

Попытка забрать Тасю осложняется желанием ребёнка ещё порезвиться, и я обещаю купить домик к куклам, подаренным Костей. Выбираем нужную игрушку в магазине, и довольная дочка сама мчится к машине, чтобы побыстрее оказаться в коттедже. Хочу сказать Грише, чтобы заехал в банк для получения карты, но вовремя вспоминаю, что мои документы по сей день остаются у Парето.

Дорога погружает в мысли, и я анализирую слова Воронова, не понимая цели, с которой завязался разговор. Островский заставил пойти на приём, чтобы привлечь внимание – ко мне или к себе? Его и так все знают, вряд ли он решится избавиться от шрамов или станет мягче. Значит, ко мне. Я никто, прислуга, которую привели с улицы, но интерес Воронова живой, настоящий. Он настойчиво предлагал мне себя, всячески унижая Островского в моих глазах и го-

воря про него ужасные вещи. И, если бы я не была знакома с убеждениями Парето, каждое слово Воронова откликнулось бы во мне сомнением и, скорее всего, страхом. Но, несмотря на всё сказанное, Островского я по-прежнему воспринимаю по-особому. Невероятный коктейль из страха, возбуждения, предвкушения и сомнений бурлит внутри, притягивая к Константину Сергеевичу.

Я однозначно тронулась умом, если желание прикоснуться к этому мужчине и чувствовать его истинно мужской запах сильнее чувства самосохранения. Несмотря на резкие слова и обиду, пришедшую после них, всё больше склоняюсь к мнению, что сказаны они были с другим подтекстом, просто я слишком плохо знаю Островского, чтобы делать сиюминутные выводы. И сомневаюсь, что его вообще кто-то знает.

Глава 14

– Хозяин приехал. – Комментарий Гриши заставляет сердце мчаться на бешеной скорости, выламывая рёбра изнутри.

Аронов вернулся, соответственно, в компании Островского. Всю неделю убеждала себя в нормальности ситуации, делая акцент на том, что мы оба взрослые люди и сами решаем, с кем и когда заниматься сексом. Но сейчас, на пороге дома, тело вновь охватывает дрожь, а чувство стыда разрастается до гигантских размеров. Решимость тает с каждым шагом, а когда я вижу на кухне Островского, и вовсе разлетается в пыль.

– Приготовь ужин.

Приветствие отсутствует в привычной манере мужчины, и я ловлю себя на мысли, что соскучилась по этим коротким фразам-приказам, с которыми он обращается ко всем без исключения.

– Панна-котта будет застывать два-три часа, но я могу другой десерт, быстрее…

– Лена, ужин. Нормальную еду.

Переставляю тарелки и бокалы, чтобы занять руки, но Парето подходит сзади, упирается ладонями в столешницу передо мной, заключая в капкан.

– Что пожелаете, Константин Сергеевич?

– На твой выбор. Что быстрее.

Пара минут тяжёлого дыхания над моей головой, и Островский отходит. Слышу, как отодвигается стул, и понимаю, что вновь придётся готовить под прицелом синих глаз.

Решаю сделать карбонару с беконом и сливками, чтобы сытное блюдо удовлетворило голод мужчины, а приступая к процессу, почти отключаюсь от мысли, что Парето за моей спиной. Он не собирается уходить, ожидая еду и получая удовлетворение от моего смущения. Через полчаса подаю ужин, не решаясь поднять голову и поймать на себе осуждающий взгляд, а как только Парето приступает к еде, спешу покинуть кухню, не спрашивая разрешения.

Иду в коттедж, где Тася с энтузиазмом занимается новым приобретением – домом для кукол. Помогаю разобраться с мелкими деталями и креплениями, включаюсь в игру, но мысленно обращена к Островскому, на которого так и не решилась посмотреть. Мне кажется, как только я попаду в плен губительной синевы, отступление станет невозможным, а правда, которая крупными буквами начертана на моём лице, будет понята мужчиной. Необходимо держаться на расстоянии от того, кто может стать моей фатальной ошибкой.

Дочка безумно рада новым игрушкам и моему присутствию – активная, улыбающаяся, окрылённая. Сейчас я вижу её такой чаще и радуюсь, что мой ребёнок перестал дёргаться от громких звуков и голосов, без напряжения воспринимая людей. Не знаю, сколько ещё продлится наша размерен-

ная жизнь, но к её окончанию я пока не готова.

Периодически посматриваю в окно, а точнее, на вход соседнего коттеджа, ожидая возвращения Островского. И когда он исчезает за дверью своего жилища, спешу на кухню, чтобы приготовить завтрак. Петровна ушла отдыхать, а дом погрузился в тишину. Провозившись на кухне больше часа, почти на цыпочках спешу проскользнуть мимо соседа, но, когда до двери остаётся несколько шагов, слышу металлический голос за спиной:

– Зайди.

Останавливаюсь, закрываю глаза и делаю несколько глубоких вдохов, а затем исполняю приказ, направляясь к Парето. Отходит, освобождая проём и пропуская меня внутрь. Дверь за мной закрывается с характерным щелчком блокировки ручки.

Попалась. Западня. Так отчаянно бежала от него, а оказалось, это движение по кругу.

Стою не шевелясь, ожидая дальнейших действий Островского, который замер за моей спиной. Стягивает с меня куртку и бросает на кресло. Сжимаю и разжимаю пальцы, приготовившись к любому развитию событий. Парето делает несколько шагов, оказавшись передо мной, а затем поддевает пальцами мой подбородок и тянет вверх. Смотрю куда угодно, но только не в глаза, а он выжидает и, поймав мой взгляд, сокращает дистанцию между нашими лицами.

– И всё-таки противно?

Не тот вопрос, который я ожидала. Не найдясь с ответом, отрицательно качаю головой, а затем произношу:

– Стыдно.

– Не трать попусту силы на чувство вины. Всё, что мы делаем за закрытыми дверями, – наше личное дело.

– Я была уверена, что вы меня презираете.

– За что? – удивлённо вскидывает бровь.

– За то, что согласилась на секс без особого сопротивления. В ваших глазах я доступная и сговорчивая. Возможно, вы решили, что переспала с вами с выгодой для себя или рассчитывая на покровительство, как те девушки, которые пожирали вас глазами на приёме.

– И что же ты видела в их глазах?

– Вожделение.

– Нет, Лена, вожделение вожделению рознь, и то, что ты видела в глазах этих женщин, лишь жажда наживы и стремление к сытой, обеспеченной жизни. Как правило, им всё равно, перед кем раздвигать ноги и под кем стонать. У них, кстати, есть цель, а средство – они сами. Банально, но в большинстве случаев срабатывает.

– Но не с вами.

Его пальцы нежно поглаживают скулы, а затем перемещаются на мои губы, приоткрывая их.

– Не со мной.

– А что сработает?

Вопрос остаётся без ответа, потому что Островский на-

брасывается на мой рот, нагло присваивая. Никакой нежности, он не осторожничает, проникая глубоко, с жадностью орудуя языком и сталкиваясь с моим. И я уже мало что понимаю, сгорая от желания повторить разрывающее наслаждение и почувствовать его в себе. Зарываюсь пальцами в тёмные волосы, отвечая на поцелуй, и прижимаюсь к горячему телу, обжигающему сквозь одежду. Непослушные пальцы едва справляются с преградой в виде мелких пуговиц рубашки, а когда наконец расстёгиваю её, чувствую под ладонью знакомые шрамы. Они манят меня, приглашая очертить и вспомнить каждый, словно, не прикоснись я к ним, тронусь умом.

Островский слегка толкает меня, а как только упираюсь лопатками в стену, молния на форме движется вниз, а следом по ногам сползают трусики. Отрывается на секунду от моих губ, чтобы зубами разорвать пакетик с презервативом и одним движением раскатать по члену. Подхватывает меня под попу, а я понятливо оплетаю его ногами, чтобы через секунду ощутить в себе толстый орган. Толчки жёсткие, резкие, нетерпеливые. Сегодня осторожным он не будет, имея меня в привычном для него темпе.

Откликаюсь на каждое движение бёдрами стоном, не сдерживая звуки, рвущиеся наружу. Всё, что я для себя определила, оказалось ошибочным. Ни одно убеждение относительно Парето не срабатывает, потому что он сам определяет, что конкретно является верным. Последняя мысль гаснет

в сознании, когда тело пробивает разрядом, и я бурно кончаю на его члене. Он же позволяет мне насладиться минутой агонии и идёт к столику с зеркалом. Вероятно, все коттеджи обставлены по общему принципу, потому что в моём имеется такой же.

Опрокидывает меня на столик и рывком входит сзади, отчего выгибаюсь и ощущаю член глубже. Под новым углом всё чувствуется ярче, а каждое проникновение вызывает взрыв, растекаясь по телу. С трудом поднимаю глаза, чтобы поймать взгляд Островского в зеркале и оказаться в капкане похоти. На его шее выступают вены, лоб усеян бисеринками пота, челюсти плотно сжаты, когда он таранит меня членом и набирает обороты, переходя на запредельную скорость. Перед глазами рассыпаются искры, ослепляя яркими вспышками, а по телу растекается безумие, когда мы кончаем одновременно, сплетённые телами и взглядами в отражении.

Парето замедляется, совершая ещё несколько коротких толчков, и упирается лбом между моих лопаток, но не спешит выйти из меня, продолжая пульсировать. И сейчас мне ни грамма не стыдно, потому что невероятные ощущения, которые дарит Константин Сергеевич, выжигают все имеющиеся сомнения. Вероятно, я схожу с ума, если, стоя с его членом внутри, уже желаю повторения. Островский ласково оглаживает мои бёдра, а затем выходит, оставляя неприятную пустоту.

– Ты…

– Свободна, – заканчиваю за него. – Я знаю.

И сейчас слова не кажутся оскорбительными – привычное поведение Парето.

– Ты сегодня имела удовольствие общаться с Вороновым, – говорит, одновременно избавляясь от презерватива, который отправляется в мусорку.

Гриша или Лариса Петровна успели поделиться неприятным инцидентом, произошедшим в торговом центре. Застёгивает ширинку и падает в кресло, притягивая бокал с виски. Я даже не заметила напитка, который, вероятно, стоит здесь со времени приёма.

– Это он со мной общался. Разрешения не спросил.

Подхватываю трусики, надеваю под внимательным взглядом Островского и застёгиваю молнию на форме, готовая покинуть коттедж.

– Что говорил?

– Старался всячески вас очернить.

– И как, получилось?

– Он не сказал ничего нового. Хотя нет, сказал: происхождение вашего прозвища. Вкратце. Более подробно советовал прочесть самóй.

– Прочла? – Островский улыбается, отпивая виски из бокала.

– Да. Вам определённо подходит. – Парето слегка дёргает лицом, одаривая меня вопросительным взглядом и ожидая продолжения. Неужели ему и правда интересно, к каким

выводам я пришла? – Если суммировать: цель оправдывает средства, в случае же, когда достижение цели становится невозможным или появляются преграды на пути к её достижению, изменениям подвергаются сами средства. И так до тех пор, пока не будет найден оптимальный вариант на пути к желаемому. Вы из тех людей, кто способен просчитать несколько вариантов, проанализировав каждый, и найти верный в зависимости от сложностей, возникающих в процессе. Уверена, вы ни разу не отступили от задуманного, используя все имеющиеся возможности, но думаю, что кто-то из средств всё же пострадал.

Островский вскидывает взгляд, играя тугими желваками, и я понимаю, что права. Из всего сказанного он отреагировал именно на последнее предложение, что означает – пострадавшие были.

– Всё так, Лена, но цель оправдывает средства только в том случае, если на финише тебя ждёт джекпот или же эта самая цель – залог твоей жизни. Во всех остальных вариациях затраченные усилия не принесут ничего, кроме пустоты, разочарования и осознания собственной никчёмности – именно это и ломает людей. И тебя сломало. – Теперь я замолкаю, ожидая пояснений Парето. – Ты терпела мужа-алкоголика, вкалывала на нескольких работах и ухаживала за чужим родственником. Такой была твоя цель?

– Я лишь хотела, чтобы у моего ребёнка были крыша над головой и обеспеченная жизнь. Такая цель подойдёт?

– Сейчас ты живёшь в отдельном коттедже, получаешь приличную зарплату и затрачиваешь в десять раз меньше усилий. Чувствуешь разницу?

– Да.

– Вот что я называю рациональным распределением сил. Вывод: минимум грамотно приложенных усилий приводят к более эффективному результату.

– В моём случае это вышло случайно, – пожимаю плечами, возвращаясь в тот день, когда сидела на вокзале, не зная, куда двигаться дальше. – Просто Лариса Петровна разглядела во мне человека, который нуждался в помощи. За меня всё сделали, я лишь согласилась на предложенный вариант.

Островский поднимается и не спеша подходит. Заправляет мне за ухо выпавшую прядь, одаривая тёплым взглядом, который я вижу впервые, и прикасается к моим губам, оставляя невесомый поцелуй.

– Иногда всё не то, чем кажется.

– Это вы о себе?

В ответ Парето лишь ухмыляется и со свистом выдыхает.

– Иди. Я привык спать один, а тебе нужно к дочери.

Вновь безропотно подчиняюсь и, схватив куртку, накидываю на плечи, чтобы добежать до соседнего коттеджа, а когда открываю дверь, слышу негромкое:

– Жду тебя завтра.

Не оборачиваясь, выскакиваю на улицу, втягивая ртом морозный воздух. Сегодня страх перед ним окончательно

рассеялся, и теперь я знаю, что неделю назад было начало нашей с ним связи. Вопрос лишь в том, что каждого из нас ждёт в конце. Предчувствую, я вновь окажусь в роли проигравшей, а в этом случае новой боли не избежать.

Глава 15

Утром, глядя на себя в зеркало, вновь испытываю стыд, но сейчас имеющий меньший размах, чем неделю назад. Островский прав: когда два взрослых человека делают то, что устраивает их обоих, какая разница, что подумают остальные. Но остальные не знают, чему я бесконечно рада, потому как любой в этом доме будет уверен, что через постель Парето выторговываю для себя более выгодные условия. Расплачиваться своим телом, получая взамен желаемое, стало настолько привычно для этого мира, что, кажется, искренние чувства и притяжение к человеку вызовут скорее настороженность, чем радость.

Не могу объяснить самой себе, что именно так манит меня в Константине Сергеевиче, подавляя волю. Стоит попасть в плен мрачной синевы, как ноги подкашиваются, а желание сдаться ему захватывает от макушки до пяток. Его эмоции скупо проявляются во время секса, в остальных же случаях он мало похож на человека, способного к жалости и состраданию. Но стоит отдать ему должное: оба раза он был нежен и ласков, насколько вообще способен к данным проявлениям.

Тася уезжает с Гришей, а мой день начинается на кухне. Сегодня приедет клининговая служба, в обязанности которой входит уборка всех помещений, кроме спальни Аронова. Петровна руководит девушками, направляя в комнаты,

а напоследок отправляет двоих в коттедж Островского, предупреждая, чтобы они не передвигали предметы и не прикасались к его личным вещам. В своём уборку сделаю сама, не желая присутствия незнакомых людей.

Ближе к вечеру в доме начинается переполох, а охрана, рассевшись по машинам, покидает территорию.

– Что-то случилось? – прилипнув с Петровной к окну, наблюдаем, как следом выезжает Парето.

– Альберт Витальевич дома. Даже не могу предположить, что произошло.

И когда ворота за автомобилем Островского закрываются, возвращаемся к привычным делам.

– Я всё спросить хотела, – начинаю издалека, потому что Петровна имеет право не отвечать на мои вопросы. – Тот охранник, которого убили… Виновного нашли?

Женщина медленно поднимает глаза, в которых застыла растерянность, а спустя минуту начинает неуверенно говорить:

– Его даже опознали по камерам, по горячим следам найти не удалось. Разослали ориентировки по городу и близлежащим населённым пунктам, но увы, словно в воду канул. Ты по новостям не видела?

– Нет. Я давно телевизор не смотрела, а когда и случались такие моменты, например, в кафе, Тася выпрашивала мультики.

– А листовки, расклеенные на улицах, не видела? – инте-

ресуется Петровна, внимательно наблюдая за моей реакцией.

– Некогда было смотреть по сторонам. Утром бежала на работу, в обед проведать бабулю, вечером домой и на подработку. Мне кажется, я даже в зеркало по несколько дней не смотрела, потому что времени не было. Так промелькнула последняя пара лет, – затихаю, не желая больше никогда возвращаться к жизни, в которой существовала. Лучше этот дом, закрытая территория и рычание Парето, чем всё то, что было у меня ранее.

– Почему не ушла?

– Некуда было идти, – пожимаю плечами, вспоминая свои метания рядом с Ромой. – Жилья нет, снимать дорого, родных нет, из друзей только соседка, да и бабушке требовался уход. Зареклась, что, как только её не станет, найду возможность разъехаться с Ромой, но судьба всё решила за меня.

– Всегда так плохо было? – Петровна отставляет посуду и усаживается на стул, приготовившись к беседе.

– Нет. Сначала всё было хорошо, мирно, как у людей, а потом… Просто две жизни сошлись на нескольких квадратных метрах и в силу обстоятельств остаются рядом. Чужие, далёкие и совершенно ненужные друг другу люди, мечтающие разойтись в разных направлениях. Уверена, Рома тоже хотел избавиться от моего присутствия, просто знал, что бабуля завещала квартиру мне, а значит, после её смерти я имею право указать ему на дверь. Вот и провернул аферу с продажей, не оставив мне выхода.

– И времени подыскать жильё не дал? – удивляется Петровна, а я только сейчас понимаю, что не вдавалась в подробности своей ситуации до сегодняшнего дня.

Снова и снова перемалывала события того дня, когда мы с Тасей остались на улице, и пыталась понять, почему Рома так поступил. Я понимаю, что ему было плевать на меня, но к дочке должны же были остаться хоть какие-нибудь чувства?

– Нет. Пришли новые хозяева, ткнули в лицо бумагами и с помощью полиции помогли покинуть квартиру. Я бы хотела посмотреть в глаза Ромы и спросить, почему он избавился от дочки, не подумав, в каких условиях окажется его ребёнок.

– Был уверен, что ты как мама обязательно позаботишься о Тасе и сделаешь всё возможное, чтобы дочка жила в нормальных условиях.

– Я пыталась, но если бы не вы в тот вечер на вокзале… – Отчего-то к горлу подкатывает ком, а глаза затуманивает влагой, и мне хочется сжать Петровну в объятиях, чтобы она понимала, что сделала для нас с дочерью, но как только делаю шаг, в окно бьёт свет фар, переключая моё внимание. – Гриша с Тасей приехали. Пойду заберу.

Выскакиваю на улицу, но навстречу мне идёт Островский с Тасей на руках, которая ему что-то рассказывает, активно жестикулируя и заикаясь. Дочка взбудоражена, что замечаю сразу. Парето ставит ребёнка передо мной, но не уходит.

– Мам, а меня Гриша испачкал, – показывает пальчиком на большое пятно, которое расплылось по нежно-розовой

ткани в области груди. – Оно красное, – нажимает пальцем, а затем показывает мне красную фалангу.

По какой-то причине я сразу понимаю, что это кровь, и поднимаю голову, чтобы получить ответ от Островского. Он молчит, вероятно не желая давать разъяснения в присутствии Таси.

– Ничего страшного, постираем, – произношу хрипло, стараясь не выдать волнения, от которого раздаются глухие удары в висках, и я слышу собственную речь словно из-за толстой преграды. – А Гриша где?

– Костя ему сказал на другой машине ехать: белой, с красным крестиком. Такая к бабуле часто приезжала. Там тётя его сразу отдыхать положила.

– Отдыхать? – понимаю, что Тася имеет в виду носилки в скорой, а это значит, Грише требуется помощь врачей.

– Да. Он, когда меня сжал крепко-крепко, – обхватывает себя руками, показывая, – разговаривал не как обычно и шатался в разные стороны. Посадил меня в кресло и дверь закрыл. А потом Костя приехал и меня забрал.

– Понятно, – сжимаю маленькие ладошки в пушистых варежках.

– Лена, зайди в дом и куртку мне отдай. – Островский кивает на Тасю.

– Зачем?

– Так нужно, Лена, – говорит с нажимом и поднимает меня за локоть, направляя в дом.

Раздеваю Тасю и отдаю вещь Парето, ища в его глазах ответ на множество вопросов. Меня трясёт от мысли, что дочка могла пострадать, поэтому желаю знать все нюансы произошедшего. Мужчина молча разворачивается, оставляя меня в неведении, но я не унимаюсь:

– Что…

– Позже, – отрезает. – Проверю Гришу и вернусь.

Тася тянет меня на кухню, где Петровна тут же выставляет перед ней тарелку с супом, который ребёнок с жадностью уплетает. Она не поняла, что произошло, да и мне пока не всё известно, но главное – дочка в хорошем настроении рассказывает, как прошёл день в саду. Через время Тася всё же возвращается к случившемуся, вызывая недоумение Ларисы Петровны, которой сразу даю понять, что в присутствии ребёнка эту тему обсуждать не буду. Пока управляющая отвлекает Тасю расспросами об играх в саду, готовлю панна-котту для Островского на завтра, занимая руки в ожидании его возвращения.

Попрощавшись с Петровной, отправляемся в коттедж, а проходя мимо соседнего, отмечаю, что в окнах темно. Не вернулся, значит, с Гришей всё намного серьёзнее, чем показалось моему ребёнку. Искупав Тасю, укладываю в кровать, и под мультики она быстро засыпает, размеренно посапывая. Мне же не спится, и я то и дело посматриваю в окно, ожидая своего соседа. Ближе к полуночи на дорожке появляется силуэт, в котором я точно определяю Парето, и, не успев от-

крыть дверь, получаю сообщение, в котором всего одно слово: «жду».

Мне кажется, я ещё никогда настолько быстро не преодолевала расстояния, потому что через минуту врываюсь к Островскому, застывая на пороге.

– Дверь закрой. Садись, – указывает на кресло рядом, придвигая ко мне бокал с виски. – Выпей.

– Не хочу.

– Выпей, – говорит с нажимом, не оставляя мне шанса отказаться.

Делаю пару глотков, и в горле жжёт от крепкого алкоголя. Скривившись, отодвигаю бокал и зажимаю рот ладонью. Чувствую, как внутри разливается приятное тепло, обволакивая внутренности. Островский сверлит меня взглядом ещё некоторое время, видимо оценивая, готова ли я к принятию информации.

– Позавчера, когда Гриша вступился за тебя и сцепился с Вороновым, фактически поставил на себе мишень. У Шакала слишком ранимое самолюбие, чтобы позволить кому-либо так борзо разговаривать, да ещё и в присутствии своей охраны. Методы у него грязные и топорные, по старинке, хотя сам довольно молод. Играть тонко навыков не хватает, поэтому наказывает силой. Люди Воронова ждали, когда Гриша из машины выйдет, а вышел он за Тасей. Успел среагировать и закрыть ребёнка, получив две пули в спину.

– Он…

– Жить будет, не переживай. Жизненно важные органы не задеты, а мясо заживёт, – произносит будничным тоном, словно ничего серьёзного не произошло.

– Всё из-за меня, – всхлипываю, закрывая лицо ладонями.

– Брось, Лена, ты так скучно живёшь, что даже приличными врагами не обзавелась.

– Но ведь Гриша пострадал по моей вине. Оттащил Воронова, который лез своими противными губами и предлагал себя, словно товар в магазине.

– Предлагал себя? – Островский напрягается. – С этого места поподробнее.

– Уверял, что вы используете меня и избавитесь, как и от множества других, а он более выгодная кандидатура во всех смыслах.

– Сука-а-а. – Парето запрокидывает голову назад и завидисто смеётся. Проходит немало времени, прежде чем смех мужчины сходит на нет, и он вновь становится серьёзным. – И как, понравился предложенный товар?

– Нет.

– Отчего же? Он копия твоего мужа, а так как ты до сих пор за ним замужем, значит, данный тип мужчин в твоём вкусе.

– Уже нет.

Сталкиваемся в немом диалоге взглядами. Пространство между нами трещит по швам, потому что я только что дала понять Константину Сергеевичу, кому симпатизирую на са-

мом деле.

– Почему не развелась? – недоверчиво прищуривается, отпивая виски из бокала.

– Не до того было: каждый день работала допоздна, а затем и вовсе оказалась на улице.

– А потом, когда сюда попала?

– Вы в первый же день забрали у меня все документы, – напоминаю ему, хотя сомневаюсь, что Островский может о чём-то забыть. – Даже новую карту не могу получить, потому что отдала вам паспорт.

– Карту?

– Да, кошелёк украли вместе с ней, но через приложение можно заказать перевыпуск. Что я и сделала. Мне пришло оповещение из банка, что можно забрать. На неё перевели расчёт из супермаркета, да и Альберт Витальевич говорил, что зарплата в конверте не выход.

– Помню-помню…

Парето поднимается и отходит к окну, уставившись в одну точку, и замирает на несколько минут. Опасаюсь отвлечь, потому что чувствую, что именно в этот момент он принимает важное решение, которое коснётся и меня в том числе. Трудно сказать, как работает огромный механизм в его голове, но однозначно ни я, ни кто-либо другой и близко не способен предположить, в какую сторону направлены его мысли.

– Девочка в сад больше ходить не будет…

– Спасибо, – складываю ладони вместе. – Я и сама хотела вам это предложить…

– Я не закончил, – обрывает меня, окинув жёстким взглядом. – Ребёнок не может находиться в одиночестве, пока ты работаешь, поэтому наймём няню. Завтра займусь этим вопросом, и уже послезавтра она приступит к своим обязанностям.

– Я не могу позволить себе няню.

– Лена, я не спрашиваю у тебя – констатирую факт. Это понятно? – Киваю, соглашаясь, что мои возражения не имеют силы. – Няню выберу лично, соответственно, для тебя это гарант благонадёжности и профессионализма. Документы скоро отдам, карту заберу сам, когда буду в городе.

– А что делать мне?

– Неукоснительно выполнять указания и не задавать лишних вопросов. А теперь иди.

– Но вы же…

– *Неукоснительно,* Лена. Это означает не пререкаться, не возражать, не спрашивать. – Подходит и, накинув на мои плечи куртку, подталкивает к двери. Широко открывает, и, уже стоя на пороге, вздрагиваю от прикосновения горячих губ на шее. – Иди.

Глава 16

Как и обещал Островский, уже через день в доме появилась профессиональная няня. Женщина лет сорока со строгим взглядом, прикрытым очками, и в форме, похожей на мою. Немногословная, сдержанная и предельно тактичная, она не понравилась Тасе сразу. После их первого дня вместе пришлось целый вечер объяснять дочке, что это распоряжение Кости, с которым мы обязаны согласиться. Я не в том положении, чтобы отказываться от предложенных привилегий, которые оплачивает Парето. По какой причине он это делает, вероятно, я никогда не узнаю, а изъедать себя вопросами без вероятных ответов себе дороже.

До конца недели Тася занята с Ираидой Валентиновной – няней, поэтому я спокойно выполняю свою работу, уверенная, что мой ребёнок под присмотром и в безопасности. Дочка каждый вечер открыто говорит, что женщина ей не нравится, постоянно одёргивает и делает замечания, но мне лишь остаётся уговаривать Тасю смириться с положением вещей.

В субботу возвращается Гриша, левую руку которого поддерживает бандаж-косынка, и Тася проносится мимо меня и няни, чтобы с радостными визгами обнять его. Прошло слишком мало времени, чтобы он полностью восстановился, но, несмотря на болезненные ощущения, мужчина поднима-

ет ребёнка одной рукой и обнимает. Дочка как заведённая рассказывает всё, что пропустил охранник, пока находился в больнице, не забывая упомянуть нелюбимую няню.

– Гриш, поставь её. Тебе же больно, – прошу, замечая, как он кривится, когда Тася слишком активно раскачивает ножками.

– Всё нормально, Лен. Знаешь, я даже соскучился по её болтовне, – тепло улыбается, тут же заслужив поцелуй в щёку. – У меня два племянника, пацаны, не слишком разговорчивые и ручные, так что её щебетание мне нравится. Я уже привык, что каждое утро и вечер Тася рассказывает мне занимательные истории про её кукол или же новую серию мультфильма.

– О, тебе повезло! – смеюсь, снимая дочку с рук Гриши. – Целый день ты бы такое не вытерпел.

– Легко! Мне почему-то кажется, что нам бы не было скучно. Да, Таисия?

– Да, – скачет вокруг большого мужчины, а затем резко останавливается и охает. – Гриша, а может, ты будешь моей няней?

– Тася! – одёргиваю дочь. – Гриша не может быть няней, потому что у него другая должность, и в его обязанности не входит целый день проводить с балованным ребёнком.

– Я не балованная, – бурчит себе под нос. – Я просто не хочу гулять с Иридой Валентиновной, – обиженно надувает губы, отворачиваясь от нас.

– Ираидой – так правильно. Не притворяйся, пожалуйста, что не можешь выговорить имя няни. Ты уже достаточно чётко произносишь даже самые сложные слова. А теперь беги за дом и веди себя, пожалуйста, прилично, чтобы мне не было стыдно за тебя.

Поправляю шапку с большим помпоном, которую Тася опять стащила набок, и отправляю к няне, оставшись наедине с Гришей.

– Ты прости, пожалуйста, что так получилось, – не решаюсь смотреть в глаза охранника. – Константин Сергеевич объяснил, что тебе досталось из-за меня, точнее, по причине твоего вмешательства в недавний конфликт с Вороновым.

– Если бы не вмешался, досталось бы больше. Но уже от Парето.

– И за Тасю спасибо, – шепчу трясущимися губами, пока по щекам скатываются солёные капли.

Много раз, прокручивая страшную ситуацию в голове, с ужасом представляла, что Гриша не успел бы среагировать и я потеряла бы дочку. Не знаю, как отблагодарить этого человека и возможна ли вообще в таких случаях ощутимая благодарность.

– Знаешь, я ведь в тот момент только о мелкой думал. Не сохрани я её, меня бы Парето на месте пристрелил. Разбираться бы не стал.

– Гриш, ты не обязан…

– Обязан. – Его голос становится увереннее и жёстче. –

Мы знаем, на что соглашаемся. Каждый пункт детально прописан в договоре, который мы подписываем с открытыми глазами. Главное, Тася не поняла, что случилось, и не успела испугаться, а я через неделю буду здоров и полон сил.

– Ещё раз спасибо.

Благодарность, которая томилась внутри, наконец вырвалась, достигнув цели. Опасалась, что Гриша будет обвинять меня в случившемся, но он, кажется, вполне спокоен и настроен доброжелательно. Радует, что он свободно со мной общается, в то время как другие охранники обходят стороной, потупив взгляд и сдержанно приветствуя. Первые недели в этом доме каждый из них открыто улыбался и даже позволял делать мне комплименты, но в какой-то момент мужчины дистанцировались, и сейчас я удостаиваюсь лишь односложных фраз.

Вряд ли это из-за связи с Островским, потому что мы оба не заинтересованы в огласке и открытости. Я не желаю афишировать наши отношения по причине их недолговечности, он не признает, что связался с прислугой. К тому же после последнего разговора остаться наедине не получилось, а приглашения зайти в соседний коттедж я не получала. Разочарование сменилось радостью, когда я поняла, что, закончив эту связь в зародыше, спасу себя от болезненных надежд и разочарования. Такие, как Парето, способны лишь уничтожать, оставляя после себя выжженный полигон, а чтобы возродить в этой пустоте что-либо новое, понадобится не один

год.

До вечера кручусь на кухне, занимаясь делами, которые на меня оставила Петровна. Она вчера уехала к внукам, но прежде убедила, что я вполне могу остаться на несколько дней за старшую. Своего рода испытание, насколько я свыклась со своими обязанностями и способна уследить за жизнью в этом доме. Приёмов в ближайшее время не предвидится, но и на этот случай инструкции Ларисой Петровной оставлены.

Возвращаюсь к Тасе, когда опустилась ночь, замечая, что в соседнем коттедже горит свет, а в окне виднеется Островский, который разговаривает по телефону, шагами измеряя пространство. Он взбудоражен, брови сошлись к переносице, а на лице отпечаток злости. Практически всю неделю я почти не видела его, уезжающего рано и возвращающегося за полночь. Лишних вопросов не задавала, опасаясь ещё больше разозлить мужчину не в настроении, но и узнать, в чём дело, не представилось возможным, потому как обратиться я могу лишь к Грише, который вернулся только сегодня. Остальные охранники на контакт не идут, а примитивная беседа о погоде и природе вводит мужчин в ступор, и они стараются ретироваться.

Тася уже спит, за что спасибо Ираиде Валентиновне. Няня придумывает для дочки множество игр и занятий, после которых она вмиг отключается до самого утра. Несколько раз подхожу к окну, чтобы взглянуть на соседний коттедж. Пой-

ти сама не имею возможности, чтобы не попасть под горячую руку Парето, но увидеть его хочется до невозможности.

Разум твердит, что Константин Сергеевич не тот, к кому я имею право испытывать хоть какие-то чувства, но человек становится зависимым, когда глупое сердце уже выбрало того, кому распахнёт свои двери. Здесь не срабатывают негативное мнение окружающих, слухи и тёмное прошлое человека, потому что по факту ты уже глух к доводам всех, вместе взятых, зацикленный на одном человеке. Вот и я гипнотизирую окно напротив, желая выхватить хотя бы его силуэт, когда телефон в кармане вибрирует и на экране высвечивается «жду». И я, словно мотылёк, который стремится к свету, накидываю куртку на плечи, окинув взглядом спящую Тасю, и отправляюсь к тому, кто в итоге опалит мои крылья неистовым жаром.

Вхожу не постучавшись, наблюдая Парето в кресле с бокалом в руке. Расслабленная поза обманчива, челюсти сжаты, а крупный кадык дёргается, выдавая нервозность. В этом доме я больше месяца, но с таким Островским мне посчастливилось не встречаться. До сегодняшнего дня. Именно поэтому замираю, оставляя его без приветствия, и жду дальнейших указаний.

– Куртку сними. – Послушно вешаю верхнюю одежду и не успеваю открыть рот, как в спину прилетает: – Сюда иди.

Островский хлопает себя по колену, приглашая устроиться, и, как только опускаюсь на него, обхватывает руками,

прижимая к груди. Его густой запах обволакивает, дразнит рецепторы, волнуя, а я не сдерживаюсь и жадно втягиваю горьковатый аромат мужчины. Не останавливает, откинувшись головой на спинку кресла и подставляя под мои губы шею. Молчание как знак согласия, и вот я уже оставляю на коже влажные дорожки, приближаясь к груди, но мужская ладонь резко стягивает мои волосы на затылке, отрывая от приятного занятия, и Парето впивается в мой рот. Развязный, требовательный поцелуй, которому я подчиняюсь, вовлекаясь в танцы языком и губами.

Вгрызается в мой рот, увлекая в развратную игру, а резкость движений и пальцы, до боли сжимающие моё бедро, кричат о том, что сегодня гнев Парето выльется в бешеный секс. Когда злость смешивается с возбуждением, в итоге получается нечто незабываемое, оставляющее воспоминания и желание повторения.

Но я больше не поддаюсь стеснению, поэтому так же яростно отвечаю, обхватив ладонями его лицо, и меняю положение, оказавшись сверху на мужчине. Островский ведёт ладонями по бёдрам, поднимает форму к животу и сжимает ягодицы, заставляя двигаться на нём. Сквозь ткань чувствую твёрдый член и усиливаю давление, получая в ответ шипение. Он сам затеял эту игру, и сам же недоволен её развитием, будучи возбуждённым до предела. Форма откинута в сторону, туда же отправляется и лиф, а пальцы Островского обхватывают грудь, переминая между фалангами сос-

ки, которые в ответ на его ласки становятся тугими и острыми. Тело мгновенно реагирует на прикосновения мужчины, а неудовлетворённость закручивается тугой спиралью между ног, желая его внутри.

Парето, словно обезумевший, глубоко проникает в мой рот, затягивая во властный поцелуй, спускается на подбородок, ощутимо прикусывая, скользит по шее, а затем втягивает попеременно соски, отпускает и дует, вызывая дрожь в теле. Мне нравится то, что он творит со мной, умело подстраивая под себя и не забывая удовлетворить мои потребности.

Остановившись, поднимает меня под бёдра и, быстро расстегнув брюки, спускает вместе с бельём, освобождая налитой член. Обхватываю горячий орган ладонью и провожу большим пальцем по крупной головке, растирая прозрачную каплю и вызывая сдавленный стон Островского. Вверх-вниз, пока его дыхание не становится чаще, а движения, проталкивающие член в моей ладони, быстрее. И пока я увлечённо доставляю удовольствие Парето, из ниоткуда появляется презерватив, и мужские пальцы вмиг раскатывают латекс по всей длине. Сдвинув полоску трусиков, врывается до основания и, не позволяя подстроиться, сам задаёт неистовый темп, тараня меня членом. Вырывающиеся из моего рта стоны разрывают тишину и перекликаются со всхлипами от каждого проникновения в моё лоно, а завершаются вскриком, когда я бурно кончаю и бьюсь в сладких конвульсиях. Парето догоняет спустя несколько толчков, уткнувшись в мою шею и

издав звук, больше похожий на рёв животного. Сдавливает до отметин поясницу, удерживая на себе, а я тихонько стону, улавливая утихающую пульсацию члена.

С Парето я забываюсь, падая в наслаждение, которого никогда не знала, и жажду продолжения, безоговорочно принимая его правила. И пусть всегда ведёт он, не позволяя взять инициативу на себя, я приму эти правила без возражений. Сейчас есть пара минут, чтобы получить от него нечто похожее на ласку, и я прикасаюсь к сухим губам, оставляя в благодарность поцелуй, пока мои ладони скользят по шрамам на груди. Потребность прикоснуться к неровной коже, напомнив себе каждый бугорок, болезненная и необходимая. Словно каждый раз я вновь подтверждаю своё согласие на то, что вижу, и опровергаю своё непринятие его таким.

Но всё заканчивается в тот момент, когда Островский отстраняет меня, и я понимаю, что пора покинуть мужчину. Поднимаюсь и, схватив с пола одежду, собираюсь одеться, когда Парето вскакивает и оказывается за спиной, произнеся с хрипом:

– Стоп. – Убирает волосы на плечо и ведёт тыльной стороной ладони вдоль позвоночника. Передёргиваю плечами от приятных мурашек, расползающихся по телу, и закрываю глаза, полностью отдавшись шероховатым пальцам. – Мы не закончили.

Заканчиваем через несколько часов, когда голос сорван от стонов, тело влажное и разгорячённое, а между ног при-

ятно тянет после умопомрачительного секса. Одеваюсь под изучающим взглядом Островского без смущения, затягиваю волосы в хвост и, нажав на ручку двери, замираю в ожидании. Словно прочитав мои мысли, Парето дёргает уголком губ и произносит:

– Ты свободна.

Глава 17

Три часа сна отразились на мне усталостью и мешками под глазами. Тело возвращает к приятным событиям ночи ломотой и синяками, оставленными пальцами Островского. Его появление на кухне сопровождается тишиной и сдержанностью. Но Петровна права: он привычно свеж и бодр, как будто отдыхал часов десять, а не провёл полночи на мне.

Молча ставлю перед ним тарелку с панна-коттой, кофе и собираюсь уйти, чтобы Константин Сергеевич насладился завтраком в одиночестве, когда на кухне появляются Тася и Гриша.

– Мам, а Гриша теперь моя няня! Не будет больше Ириды и запретов! – нарезает круги возле охранника, весело подпрыгивая.

– Ч-что? – непонимающе перевожу взгляд с Островского на Гришу, считая, что дочка выдаёт желаемое за действительное.

– Кстати, да. Забыл предупредить, – откликается Парето, с аппетитом уминая десерт. – Дай вторую порцию, – отталкивает пустую тарелку.

– Гриш, я знаю, что Тася вчера высказала такое предложение, но это не означает, что нужно идти у неё на поводу. Ты сюда не нянькой нанимался работать, – жду ответа от парня, одновременно выкладывая десерт на тарелку и заливая

вишнёвым соусом.

– Я сам попросил.

– Сам? Зачем?

– Подвижность руки полностью восстановится лишь через месяц, и до этого момента проку от меня в рядах охраны мало. Сидеть на месте не привык, а одному находиться в квартире удовольствие не по мне. А так я при деле, и мелочь довольна, – смотрит сверху на Тасю, которая прижалась к Грише, радостно улыбаясь. – Ну что, мелкая, пойдём твой кукольный дом смотреть?

– Ой! Точно! Пошли! – тянет за руку большого мужчину, который послушно исполняет её приказ. – А потом мультики, а потом гулять.

– Если что, мы в коттедже, – последнее, что успевает обронить Гриша, и исчезает за дверью.

– Зачем это всё? – оставшись наедине, не стесняясь, могу обращаться к Островскому.

– Он сам попросил.

– Все в этом доме знают, что последнее слово всегда за вами. Даже не за Альбертом Витальевичем. Просьба Гриши ничего не значит, если только вы не заинтересованы в подобном решении.

Островский пожирает взглядом, отправляя в рот очередную ложку с десертом, и оставляет моё высказывание без ответа. Не дождавшись реакции, забираю грязные тарелки, чтобы сгрузить в мойку, когда по уже сложившейся тради-

ции Парето подходит сзади, прижимаясь сильным телом. Его близость будоражит, воскрешая картинки прошедшей ночи.

– Ты слишком эмоционально реагируешь на простые вещи, Лена, – говорит полушёпотом. – Иногда я принимаю решения исходя из сложившейся ситуации без планов на будущее и собственной выгоды. Ярову предстоит восстановиться после ранения, девочке с ним комфортно и спокойно, соответственно, их нахождение вдвоём имеет свои плюсы. После возвращения Гриши к привычному графику я подумаю, кто будет присматривать за твоей дочерью. Но, возможно, это уже будет неактуально.

– Неактуально? – реагирую на последние слова и разворачиваюсь в кольце его рук, чтобы оказаться в паре сантиметров от лица мужчины. – Вы… вы планируете избавиться от нас? То есть от меня? – Паника охватывает тело, а губы трясутся. – Я плохо работаю, Константин Сергеевич? Исполняю приказы, тружусь с раннего утра до позднего вечера, не беру отгулов и выходных, прихожу к вам, когда пожелаете.

– Значит, секс со мной тоже работа, Лена?

– Нет, – отвожу взгляд, понимая, что к перечисленному добавила лишнего. – Другое.

Разве он не видит, что давно стал для меня кем-то большим, чем начальник службы безопасности, которого все без исключения боятся?

– Что именно?

Поднимаю глаза, мгновенно утонув в его синих. Горло

сжимает тугим кольцом, а слова застревают на кончике языке. Скажи я сейчас всё, что скопилось внутри, имею шанс получить удар под дых, который станет для меня смертельным.

– Мой тебе совет: надень броню на своё маленькое доброе сердце. Иначе я его уничтожу.

Покидает кухню, оставляя меня сражаться с множеством разрывающих мыслей и невысказанных слов. Всё, что необходимо Островскому, – секс. Эмоции – это по моей части, и с ними придётся справляться самостоятельно, потому что ему глубоко плевать, что, сам того не желая, проник в то самое маленькое сердце. Такому человеку не нужна дурочка, способная принять его зазубрины характера, особенности темперамента и выделяющуюся внешность. Островский давно определился с направлением, в котором движется, не считаясь с помехами, возникающими случайно. Так же просто он избавится и от меня, когда того, что я даю, станет слишком мало для человека, который привык брать всё.

Готовлю завтрак для Аронова и, накрыв стол в малой столовой на половине хозяина, возвращаюсь к ежедневным заботам. Кручусь на кухне, когда мой сотовый оживает. Предвкушаю, что звонит Валя, с которой мы давно не делились новостями, но на экране высвечивается «Рома», и я мгновенно принимаю звонок. Четыре буквы, которые возвращают меня в прошлую жизнь, вспоминать которую нет желания. И всё же, несмотря на убеждения Островского, я хо-

чу услышать ответ на свои вопросы. Но в трубке тишина, и только прерывистое, сдавленное дыхание указывает на наличие собеседника.

– Ром, – начинаю, надеясь на ответ. – Рома, это ты? Ром, ответь. У тебя проблемы? Во что ты снова вляпался? – разговариваю словно сама с собой, смотрю на экран, подтверждая, что звонок продолжается, а секунды отсчитывают время, которое перевалило за минуту. – Зачем позвонил, если не планировал что-либо говорить? – начинаю злиться, чувствуя себя идиоткой, потому что беспокоюсь за человека, который легко наплевал на нас с дочерью. – Если нечего сказать, не стоило и звонить, – повышаю голос и отключаюсь, не желая продолжать монолог.

Меня трясёт от злости и негодования. Хочется набрать Рому и высказать, что думаю о нём, называя самыми последними словами. Не проходит и нескольких минут после сброса вызова, как Островский в компании двух охранников садится в машину и срывается с места, оставляя чёрные полосы на плитке. Даже не могу предположить, что так взбудоражило Парето, который всегда собран и спокоен.

Пожимаю плечами, убеждая себя в важности такой спешки, и продолжаю готовить обед. Через пару часов иду проведать Тасю и нахожу их с Гришей в коттедже. Дочка сладко спит на кровати, а охранник устроился на диване под звуки мультфильма в телевизоре. Удивительно, но даже в детском саду Тасю невозможно было уговорить спать днём, но,

видимо, Гриша – совсем другое дело, он смог найти подход к маленькой женщине. Тихонько закрываю дверь, чтобы не потревожить их сон, и возвращаюсь в большой дом, когда мимо меня проносятся четыре охранника, едва не сбивая с ног. Озадаченная увиденным, огибаю строение, наблюдая, как Аронов торопится к машине, переставляя палочку, и садится в чёрный внедорожник. Двери закрываются, и кортеж из трёх автомобилей срывается с места так же резко, как и Островский несколько часов назад.

Нехорошее предчувствие расползается внутри, но я отмахиваюсь от него. Что может случиться? Я достаточно знаю Парето, чтобы понимать: у этого человека всё под контролем, а непредвиденные ситуации невозможны. Но никто не возвращается даже поздним вечером, а Гриша уверяет, что такое иногда бывает: Аронов остаётся в городе, если важная встреча назначена на утро или у них с Викторией есть совместные планы.

Проснувшись, первым делом интересуюсь у охраны, вернулись ли мужчины, получаю отрицательный ответ. Долго не решаюсь набрать номер Островского, но, съедаемая переживаниями, нажимаю на вызов, чтобы послушать протяжные гудки.

– Гриш, спроси у парней, что случилось, – вечером умоляю парня, потому что не знаю, к кому ещё можно обратиться. – А то от меня шарахаются, будто от чумной. Я задаю вопрос, а они глаза в пол и несколько шагов в сторону.

– Они с тобой разговаривать не будут.

– Почему?.. – Ни с кем в этом доме я не конфликтовала, стараясь придерживаться правил.

– Потому что ты женщина Парето.

Становится неловко, отчего теряюсь и прячу взгляд, а щёки пылают от смущения. Не хотелось бы афишировать отношения, которые связывают меня с Константином Сергеевичем.

– Лен, тут везде расположены камеры, – уточняет Гриша. – Над коттеджами тоже, а мониторы под контролем охраны. Все в курсе, что ты приходишь к нему вечером, а уходишь ночью. Помнишь Кира?

– Кира? – перебираю образы мужчин, работающих на Аронова, но их так много, что все лица сливаются воедино. – С татуировкой на шее?

– Он самый. Больше не работает, потому что пару недель назад позволил себе отпускать в твой адрес сальные шуточки. Парето услышал, и Кир в ту же секунду отправился за ворота без оплаты за последний месяц. Наученные примером, парни сторонятся тебя, чтобы не потерять работу. Даже простая беседа может быть расценена Островским как подкат к тебе.

– Ты серьёзно? – оторопело смотрю на парня, переваривая сказанное, и не верю, что Островский способен на ревность. Только не по отношению ко мне, скорее к такой женщине, как Гронская.

– Даже удивился, когда он одобрил моё предложение присмотреть за мелкой. Видимо, меня как соперника не рассматривает. – Разводит руками, довольно ухмыляясь. – Но лучше я, чем незнакомая тётка. Парето не любит новых людей, а эта Ираида доверия не внушала даже Тасе, о чём она ему сразу же рассказала.

– Тася? Когда? – не могу вспомнить, когда дочка оставалась один на один с Константином Сергеевичем.

– Так они почти каждый вечер беседуют.

– Гриш, ты что-то путаешь, наверное…

– Лен, сам видел. Ты пока на кухне крутишься, они на качелях устраиваются за домом и болтают.

– Стоп-стоп, – останавливаю парня, – ты сейчас точно про Островского и Тасю говоришь?

– Тоже удивлена? – громко смеётся, запрокинув голову. – Я, кстати, видел, – понижает голос, – как Парето улыбался, а два раза даже смеялся, как мне показалось, искренне.

Гришины слова кажутся вымыслом, потому что дочка обязательно поделилась бы общением с Костей и поведала детали. Дети не способны сдерживаться, тем более когда человек им приятен, а каждая встреча приносит радость. Но сейчас рассказанное волнует меня не так, как тревога, бушующая внутри.

– Гриш, расспроси ребят, что случилось. Я чувствую, что-то не так.

Исполняя мою просьбу, парень идёт с вопросами к охра-

не, но не возвращается. Ночью почти не сплю, лишь проваливаюсь в дрёму, но просыпаюсь от каждого шороха и подскакиваю, чтобы посмотреть, не появился ли свет в окне соседнего коттеджа. Тревога разрастается, а мысли бросаются вскачь, предполагая самое ужасное. Но я тут же убеждаю себя в обратном, то и дело повторяя, что Островский скорее причинит вред кому-нибудь другому, чем пострадает сам.

Утром Гриша забирает Тасю, бросив сухое: «Без происшествий». Обед проходит в молчании, лишь дочка весело щебечет и строит планы, предвкушая катание на санках. Нервы сдают, когда к вечеру никто не появляется, а телефон Островского молчит. Даже связываюсь с Петровной и прошу позвонить Аронову, за что получаю нагоняй и жёсткое: «Не твоё дело». Укладывая Тасю, слоняюсь из угла в угол, ожидая приезда Аронова или Парето.

В полночь на территории появляется несколько автомобилей, один из которых подъезжает к соседнему коттеджу, останавливаясь напротив входа и закрывая обзор. Ни разу не видела, чтобы машины сюда заезжали, разрешая Тасе бегать без ограничений. Сразу замечаю Аронова, передвигающегося с трудом, и пожилого мужчину с сундучком в руке, которые исчезают за дверью. Около получаса ничего не происходит, а затем Альберт Витальевич выходит и направляется к моей двери. От тихого стука подпрыгиваю на месте и через несколько секунд внимательно изучаю взволнованное лицо Аронова, застывшего на пороге.

– Прошу прощения, что разбудил…

– Я не спала. Что с Константином Сергеевичем?

Аронов тяжело вздыхает и показывает, чтобы я шла за ним. Привычно вхожу в соседний коттедж, застыв у входа, а когда охрана расступается, вижу на постели Островского, правое плечо и часть груди которого перетянуты бинтом. Грудная клетка едва заметно поднимается и опускается, лоб покрыт испариной, а сам он без сознания.

– Что случилось? – с трудом справившись с нахлынувшими эмоциями, спрашиваю севшим голосом.

– Две пули случились, – прыскает хозяин, недовольно цокая, и кивает охране в сторону выхода. А когда парни покидают помещение, продолжает: – Ларису Петровну я вызвал, завтра она возвращается. Днём девочка будет с Гришей, ночью с ней. А твоя работа теперь он, – указывает на Парето.

– Ему нужно в больницу.

– Он там был. Целых два дня. Но как только пришёл в сознание, потребовал, чтобы его доставили сюда. Он у нас из той категории людей, которые предпочитают болеть на своей кровати со всеми удобствами. Страдающий от боли Костя – то ещё неприятное зрелище: вида не подаст, но душу вытрясет. Так что приготовьтесь, Лена.

– Я готова, – отвечаю уверенно, не отводя взгляда от Островского.

– Аркадий Владимирович сейчас закончит с рекомендациями, – указывает на пожилого мужчину, который что-то

пишет, не поднимая головы, – и всё объяснит. Ваша задача – следить за его состоянием и в случае ухудшения сразу дать знать. Насколько я понял, вы некоторое время ухаживали за лежачим человеком? – Киваю, подтверждая каждое слово. – Опыт у вас имеется, всё необходимое сразу будет доставлено, только скажите.

– Ещё бы она капельницы ставить умела, – бурчит себе под нос старик. – Придётся приезжать каждый день.

– Я умею. – Мужчины, переглянувшись, сосредотачиваются на мне. – Бабуле назначали курс лечения. В стационар отвезти возможности не было, вызов платного врача каждый день был непозволительной роскошью, поэтому окончила двухнедельные курсы и научилась сама.

– Отлично-отлично, – приговаривает мужчина, добавляя несколько строк к уже написанному тексту. – Всё подробно расписал: названия препаратов, дозы, количество, периодичность. Будут вопросы – звоните. – Вручает визитку, которую заботливо кладу поверх листа с назначением. – Примерно через сутки он должен прийти в себя. Возможны галлюцинации, бред, двигательное возбуждение или, наоборот, заторможенность, поэтому после установки капельницы внимательно наблюдайте, чтобы не было резких движений. Звоните в любое время дня и ночи. Я всегда на связи.

– Всё поняла.

Мужчины выходят, оставляя меня наедине с Островским. Подвигаю кресло ближе к кровати, удобно устроившись на-

против пациента, просматриваю назначения врача, отмечая для себя время приёма лекарств, и осматриваю большой контейнер с необходимым. Мне не нравится, что Аронов не убедил Парето остаться в больнице до полного выздоровления, но одновременно счастлива, что могу находиться рядом и быть в курсе его состояния.

Тревога отступает, когда слышу размеренное дыхание Кости и прикасаюсь к его ладони, чтобы почувствовать, какая она горячая. Предостережения Островского об опасности уничтожить моё доверчивое сердце отброшены в сторону, потому что сейчас единственное, чего я желаю, чтобы он поправился.

Глава 18

Скрутившись в кресле, провожу так всю ночь, лишь иногда прикрывая глаза и проваливаясь в дрёму. Островский спокоен, и, если не знать про травму, кажется, что просто спит. Первым пунктом в списке Аркадия Владимировича значится перевязка, что я и делаю, как только в окно пробивается тонкий луч света. Аккуратно снимаю больничную повязку и вижу две раны – слепые, почти рядом, нет выходных отверстий. Мне не страшно и не противно, поэтому принимаюсь за дело. Пока сосредоточенно выполняю работу, не замечаю, что Парето открыл глаза и молча смотрит на меня. Но взгляд мутный, неосознанный, потерянный, словно не понимает, где он находится.

Замираю с ватным тампоном в руке, боюсь пошевелиться, не зная, какой будет реакция мужчины. Но неожиданно для меня Костя улыбается и, едва шевеля губами, шепчет:

– Лена… Лен…

– Я здесь, – наклоняюсь, оказываясь над ним.

Улыбка не сходит с лица, и Островский делает попытку поднять правую руку, но, скривившись, оставляет задуманное.

– Ты мой свет…

Он бредит, о чём меня предупреждал врач, а женщин по имени Лена множество, да и сказанное не стоит принимать

за истину. Силится приподняться, но слишком слаб для такой нагрузки, поэтому глажу его по лицу, нашёптывая нежности, и уговариваю закрыть глаза. Не проходит и десяти минут, как он отключается, а я заканчиваю перевязку и ставлю капельницу. Придерживаю руку, чтобы среагировать на любое движение и не позволить вырвать иглу. Долгих два часа сижу в одном положении, не отводя от него взгляда, пока не слышу короткий стук в дверь, которая немного приоткрывается, являя мне Петровну.

– Лен, иди поешь. Я с ним посижу.

– Не надо, – отмахиваюсь. – Я не хочу.

– Хочешь, – настаивает и протискивается внутрь. – Аронов вкратце рассказал, что случилось. Ты здесь с ночи, и уверена, что глаз не сомкнула, вероятно, даже с места не сдвинулась. Гриша и Тася обедают, составь им компанию.

Как назло, именно в этот момент мой возмущённый желудок даёт о себе знать, напоминая, что я не ела со вчерашнего утра, погружённая в переживания о Косте. Соглашаюсь и, уступив место Петровне, направляюсь в дом. Ещё не дойдя до кухни, слышу заливистый смех Таси и низкий баритон Гриши.

– Привет, – целую дочку в макушку и осуждающе смотрю на парня, который уже позавчера знал о случившемся, но мне не сказал.

– Лен, прости, – тушуется, опуская взгляд в тарелку. – Мне приказали молчать.

– Кто?

– Парето.

– Как это? Он третий день без сознания. Насколько я поняла, когда приходил в себя, все силы истратил на требование покинуть больницу.

– Не забыв добавить: «Орловой ни слова».

Не знаю, радоваться заботе Островского и желанию избавить меня от переживаний или же огорчаться, что я последний человек, которого необходимо оповестить. В любом случае истину мне узнать не суждено, потому что, как только к Косте вернётся ясность ума, передо мной предстанет привычный всем Парето.

– Мам, а можно к Косте?

– Нет, родная, пока нельзя. Возможно, позже, – размытые обещания, которые, скорее всего, я не выполню. Пока не могу предположить, как Островский отреагирует на моё присутствие рядом, не говоря уже о ребёнке.

– А ты теперь всё время с ним будешь?

– Несколько дней, – глажу дочь по головке, успокаивая. – А ты слушайся Гришу и Ларису Петровну, чтобы не пришлось вызывать Ираиду. – При упоминании имени ненавистной няни Тася распахивает глаза и охает, принимаясь за еду.

Мне кажется, я затолкала в себя обед, даже не прожевав как полагается. Ощущение спокойствия настигает лишь в кресле напротив Кости. Петровна недовольно цокает, но уступает место, покинув коттедж. Телефон Парето постоян-

но вибрирует на столе, а на экране высвечивается «Серхат», но прикасаться к его вещи запрещено, тем более принимать вызов.

День тянется бесконечно долго, а мысли потоком роятся в голове, терзая меня. Не ведая причин случившегося, сложно говорить о последствиях, а зная Островского, они будут. Он слишком аккуратен и проницателен, чтобы получить ранения по глупости, а такое качество, как импульсивность, ему не присуще.

Сейчас, пока сижу в этом кресле, у меня есть возможность осмотреть каждый сантиметр его тела, запоминая все шероховатости. Иногда мне кажется, что его шрамы внутри такие же, как на поверхности: безобразные, с рваными краями, не затянувшиеся до конца и приносящие монотонную боль. Он прошит ими насквозь, и вряд ли существует вероятность, что Костя позволит кому-либо заняться их лечением.

Закрываю на секунду глаза и, наверное, проваливаюсь в сон, потому что, открыв их, ловлю на себе недовольный взгляд Островского.

– Давно ты здесь?

– Больше суток. Пить хотите?

Устало кивает, а я присаживаюсь рядом и подношу стакан к его губам.

– Сам могу, – обхватывает левой рукой, но она дрожит, и жидкость переливается через край.

Придерживаю под низ, лишь слегка направляя его движе-

ния и ненавязчиво помогая. Островскому важно не проявить свою слабость даже в таком состоянии. Всегда собранному мужчине сложно признаться в бессилии, если даже тому есть веская причина.

– Уже утро. Пора делать перевязку, – подвигаю контейнер со всем необходимым, вынимая нужное для процедуры.

– Нет.

– Позвать кого-то из охраны? – вношу альтернативу. – Или позвонить Аркадию Владимировичу?

– И с ним уже знакома, – кривится и делает попытку приподняться.

Успеваю подложить подушку, чтобы Косте было удобно, и получаю одобрительный кивок, который для меня почти как спасибо.

– Так что? Кого пригласить? – ожидаю ответа, застыв с ножницами в руках.

– Делай, – снисходит до меня, позволяя прикоснуться к повязке и произвести необходимые манипуляции. – Есть хочу.

– Сейчас закончу и принесу. На выбор: бульон, протёртый суп, фруктовое пюре?

– Мясо.

– Мясное пюре?

– Кусок мяса, Лена. Сочный, большой, прожаренный кусок мяса!

– Только через пару дней. Пока нельзя. Щадящий режим

после операции в течение пяти дней прописан Аркадием Владимировичем. Так как вы не пожелали оставаться в больнице до полного выздоровления, проходить реабилитацию придётся в домашних условиях. Я даже покормлю вас с ложечки, а не через зонд, как это сделала бы медсестра. – Операция Парето не связана с пищеварением, но упоминание зонда вызывает у мужчины неприятные эмоции.

– Сам возьму, – резко дёргается, чтобы подняться, и с губ срывается болезненный стон, возвращая тело в прежнее положение.

– Так что, Константин Сергеевич? – с трудом сдерживаю улыбку, наслаждаясь его беспомощностью и зависимостью от меня.

– Тащи свой суп! И дерьмо это! Которое мясное пюре! – кричит мне вдогонку.

Приготовление занимает около получаса, и возвращаюсь в коттедж с подносом. Ставлю его на колени Островского и вручаю ложку в левую руку, предлагая поесть самостоятельно. Испепеляющий взгляд, который я стойко выдерживаю, и даю понять: не задумываясь отойду в сторону при условии, что он в состоянии обслужить себя самостоятельно. Немая битва заканчивается капитуляцией, когда Парето цедит сквозь зубы:

– Покорми.

Осторожно подношу ложку ко рту мужчины, предлагая еду маленькими порциями.

– Аронова позови.

– Не могу. Уехал полчаса назад. Что, не нравится вам моя компания?

– Не нравится, что ты видишь меня в таком состоянии.

– На «такое» я уже неоднократно смотрела, если вы о том, что на вас нет белья. А что касается общего состояния – видела и похуже. Вы хотя бы разговаривать способны.

– Ты сейчас о бабушке?

– О ней. Последний инсульт вызвал парализацию лица, верхних конечностей и левой ноги.

– А как понимала, что ей нужно? – С удовольствием поглощает еду, не акцентируя внимание на том, что кормлю его, словно маленького ребёнка.

– По глазам. Очень часто люди говорят глазами, произнося совершенно иное. Как вы.

Островский долго смотрит на меня, и кажется, на его лице отсутствуют эмоции. Но это не так – глаза выдают, что сейчас творится у него внутри. Люди не смотрят на него, лишь слушая, и к моей открытости он не готов.

Парето съедает совсем немного и спускается ниже, откинувшись на подушке. Непродолжительная активность лишила сил, которых, как ему казалось, много. Готовлю капельницу и не спрашивая ввожу иглу, пока мужчина бдит за каждым моим движением.

– Если проболтаешься кому-нибудь, что видела меня таким, – накажу.

– Большего наказания, чем быть вашей сиделкой, придумать невозможно. Самого себя переплюнуть не получится.

– Стала смелее, – прищуривается и недовольно смотрит, пока устанавливаю катетер, чтобы вновь не искать вену. – Я недолго буду таким.

– Да, – соглашаюсь, – но пока вы зависимы от меня, давайте поговорим.

– О чём?

– Просто поговорим. О чём обычно разговаривают люди? Нормальные люди. Делятся впечатлениями, рассказывают истории и передают жизненный опыт или предостерегают от возможных ошибок. Вы же умеете разговаривать? Не о делах. Вы многое знаете обо мне, а я о вас практически ничего.

– Зачем это тебе, Лена?

– Хочу узнать вас лучше и понять, как вы стали таким.

– Стриптиз души я исполняю редко, а точнее, никогда, – недовольно рычит и отворачивается, утыкаясь взглядом в окно.

Между нами повисает неловкое молчание, но я терпеливо жду, когда Парето решится на разговор. Мне кажется, ему просто не с кем поговорить, потому что как человек он мало кого интересует.

– Чем вы живёте?

– Не понял.

– Наблюдая за вами, я пришла к выводу, что вы сред-

ни роботу, каждый день выполняете запрограммированные действия. Своего рода мышечная память, которая заставляет вас просыпаться, завтракать, раздавать указания, выполнять работу, ужинать, спать, заниматься сексом. Каждый следующий день как вчерашний, а завтрашний – как сегодняшний. Никаких отклонений, отсутствие погрешностей в установленной программе. Без души, без желаний, без страстей. Холодная машина, не знающая боли. Таким вас видят все.

– И ты?

– Я вижу множество эмоций, которые скрыты за толстыми стенами бункера. В ваших глазах. Они выдают. Остальные не видят лишь потому, что всегда склоняют перед вами голову.

– Ты подошла ближе, чем все остальные.

– Вы сами позволили мне подойти.

И он знает, что я права. Парето настолько привык контролировать всех и в первую очередь себя, что без его позволения даже этого разговора не было бы.

– Давай сыграем в игру, Лена, – неожиданное предложение, и в синеве загорается яркий огонёк интереса. – Правда или… правда. Я задаю вопрос – ты отвечаешь, ты спрашиваешь – отвечаю я. Предупреждаю: мгновенно увижу ложь, потому как лгать ты неспособна.

– Согласна. Кто начинает?

– Я. Муж тебя удовлетворял? В постели.

Не знаю, по какой причине Островский начал с личного, но ответ на этот вопрос мне позволит узнать то, о чём бы он

не сказал в любом другом случае.

– Да. Мне не с чем было сравнивать, к тому же я любила мужчину, за которого вышла замуж. Он был нежным любовником, который заботился о предпочтениях партнёра. Когда Рома пристрастился к алкоголю, секс стал реже, а затем и вовсе исчез из наших отношений. – Ответ принят, о чём говорит кивок мужчины. – Вы изменяли жене?

– Каждую секунду. С работой. Так был поглощён бизнесом, что некогда было смотреть на женщин. Даже очень красивых. Надя пыталась бороться с этим первые несколько лет, а потом плюнула и приняла всё как есть. – И сейчас мне кажется, что Парето говорит о себе другом. О том человеке, который остался на старых фотографиях в ящике гардеробной Аронова. – Тебе хорошо со мной?

– Да, – отвечаю не задумываясь.

– Но? Я его слышу.

– Но этого недостаточно, – говорю честно, потому что если не сейчас, то уже никогда. В любой другой ситуации смелости не хватит. – Для меня недостаточно. Вы одиночка. Не знаю, было так всегда или жизненные обстоятельства заставили вас самоустраниться от любого общения. Секс в молчании, а после ни слова. Чувствую себя шлюхой, которой оплатили фиксированное время и объём работ. Пришла из ниоткуда, сделала, что должна, и ушла в темноту. Без души, без тепла, сухо, пусто.

– Это просто секс.

– Для вас – да, для меня же… Я к вам привыкаю. – Не знаю, из каких глубин я выуживаю столько смелости, чтобы говорить каждое слово, глядя в синее марево. – К закрытому, холодному, молчаливому. Ищу свет в коридорах вашей тьмы и иногда, кажется, вижу слабый огонёк, который откликается блеском во взгляде. Но всё больше понимаю, что это фикция и самовнушение: женщины склонны находить смысл в пустом.

Именно сейчас вспоминаю сказанное в бреду «ты мой свет» и всё больше понимаю, что высказывание относилось не ко мне. Долгий взгляд и молчание. Но я не жду ответа. Его не будет. По крайней мере, не сейчас. Я просто хочу, чтобы Островский понимал: он может меня уничтожить лишь одним безразличием. Больших усилий не требуется. Опасно с моей стороны выставлять свои слабости, но он их и так видит, прекрасно понимая, что перед ним я беззащитна и открыта.

– Моя очередь. Как погиб ваш сын? – Ловлю гневный взгляд, показывающий, что лезу туда, куда никому нет входа, но Островский сам установил правила игры, а их он выполняет безоговорочно.

– Никита обучался в элитной школе. Так захотела жена, считая, что заработанные деньги нужно вкладывать в ребёнка. Я не возражал. Много работал и всегда мало уделял ему внимания, решив, что он мальчик с головой на плечах и ничего не случится… Мы оба пропустили момент, когда под-

росток пристрастился к наркотикам, от передозировки которых и скончался. Страшнее момента в моей жизни до сих пор не было. И, предугадывая твой вопрос, сразу отвечу. После произошедшего с головой ушёл в работу, пахал сутками, иногда без сна. Меня не было в городе, когда Надя пыталась покончить с собой. Аронов успел, вызвал скорую, но по дороге в больницу она умерла от сердечной недостаточности. Прилетел первым же рейсом, по пути машину вынесло с трассы, и мы перевернулись. Это, – указывает на своё лицо, – итог. На похороны жены я так и не попал. Выполз из больницы только через месяц.

– И стали таким? – Он понимает, что сейчас я говорю не о внешности.

– В какой-то момент в тебе что-то щёлкает, и ты больше не ждёшь понедельника, Нового года или дня рождения. Всё решается в считаные секунды, а месть становится целью, к которой ты упрямо идёшь.

– А что за ней?

– Тьма. И безразличие. Именно это я и имел в виду, когда говорил тебе, что «жить счастливо» не про меня.

– Вы просто не пробовали, – переубеждаю его и улыбаюсь, когда произношу: – Возможно, такая женщина, как Гронская, смогла бы вернуть вашу веру к жизни.

– Эта уж точно не ценительница глубины души, скорее глубины кармана, – ухмыляется, всем видом выказывая пренебрежение.

– А я?

Улыбка сползает с лица Парето, а взгляд становится серьёзным. Ничего хорошего для себя я не услышу, но так будет проще в следующий раз сказать ему «нет».

– Я устал. Хочу спать, – закрывает глаза и даёт понять, что стриптиз окончен.

За нашей игрой не заметила, что капельница почти закончилась. Вытаскиваю её, заклеивая катетер. Беру поднос и несу в дом, чтобы и самой поесть, пока Костя спит.

Костя… Только мысленно я позволяю себе так его называть, вкладывая в эти пять букв нечто ласковое и бесконечно родное. Вряд ли хватит смелости произнести это вслух, тем более обратиться к нему открыто. В данный момент я ближе всех, но всё равно дальше, чем он может себе позволить.

Глава 19

Ещё через пару дней Островский уже уверенно сидит и ест сам, отбирая из моих рук ложку. Его бесят собственная беспомощность и моя лукавая улыбка, когда приходится просить о помощи. У меня есть вариант нарваться, когда Парето станет прежним, наказание он придумает самое изощрённое.

– Хочу в душ, – озвучивает просьбу поздним вечером, когда я уже собираюсь уйти к себе, потому что моё постоянное нахождение рядом более не требуется. – Чувствую, как от меня воняет.

– Неправда. Я обтираю ваше тело влажными салфетками.

– Это не то. Мне. Нужен. Душ.

– Что мне сделать?

– Помочь до него добраться.

Покорно соглашаюсь, заклеиваю раны водонепроницаемым пластырем и после немалых усилий помогаю Косте подняться, опершись на меня. Его покачивает, пока он привыкает к положению стоя, но спустя несколько минут всё же идёт в направлении ванной комнаты. Здесь душевая больше: значительное пространство, отгороженное стеклянными стенками. Вероятно, по этой причине он и выбрал данный коттедж, потому что в моём душевая в три раза меньше. Вношу стул, помогая опуститься на него Островскому, и соби-

раюсь уйти.

– Куда? – рычит мне в спину.

– Вы сказали «помочь добраться». Просьба выполнена. Ложку донести до рта способны самостоятельно, да и стакан тоже, уверена, и помыться для вас не проблема.

– Проблема, – шипит, – не могу поднять руки. Помой меня. Только разденься.

Бесполезно возражать и приводить аргументы, что идея не лучшая, а ужасная. Тело Парето манит, а после последней близости прошло больше недели, и всё моё существо желает его грубых рук и грязных поцелуев. Выдохнув, медленно избавляюсь от одежды под изучающим взглядом, который наполняется голодом. Он даже не пытается скрыть этого, рассматривая моё тело.

Вхожу, останавливаясь рядом, и настраиваю воду, пока она не становится приемлемой температуры. Окинув взглядом мужскую полку, понимаю, что все средства без запаха, что позволяет так явно чувствовать естественный аромат его тела. Распределяю шампунь по волосам, массируя кожу головы, а затем мою его тело, осторожно обходя болезненные места. Весь процесс занимает не более получаса, за время которого Костя то и дело надсадно дышит, уставившись на мою грудь. Делаю вид, что не замечаю голодных взглядов, и спокойно вытираю мужское тело, предварительно обернувшись полотенцем сама. Возвращаемся в комнату, я помогаю Островскому занять удобное положение и уже собираюсь вер-

нуться в ванную, когда он меня останавливает:

– Ты куда?

– Мне нужно одеться.

– Я бы хотел, чтобы разделась.

И я хочу. Вот только выдать свои желания означает вновь безропотно исполнить его указания. Костя просить не умеет – только приказывать. Несмотря на внутренний протест, призывающий отказать, сдёргиваю полотенце, являя ему обнажённое тело.

Островский шумно сглатывает и бродит жарким взглядом, смущая меня. Он обнажён, и я не могу оторваться от затвердевшего члена. Подходить не спешу, соблюдая между нами дистанцию.

– Сюда иди, Лена, – похлопывает ладонью рядом с собой, приманивая меня. – Сегодня у тебя есть редкая возможность сделать всё самой. Как тебе нравится. Я приму всё.

Колеблюсь с минуту, но иду к Парето, сжигаемая предвкушением его внутри. То удовольствие, что получаю с ним, невероятное и захватывающее. Сложно отказаться от возможности вести, когда он сам предлагает.

Взбираюсь на него сверху и сразу целую. Я скучала по сухим, горячим губам и сейчас, собирая их вкус, тихо стону от предвкушения сильного оргазма. Одновременно трусь складками о твёрдый член, не позволяя войти и распаляя его ещё больше. Но Костя сам отдал мне первенство, поэтому ему остаётся лишь смириться, иначе он ничего не полу-

чит. Фиксирую свои руки на спинке кровати, чтобы случайно не причинить ему боль в порыве, и ускоряюсь, размазывая свою влагу по члену. От возбуждения становлюсь бессовестно мокрой и при очередном движении, приподнимаюсь и резко насаживаюсь на толстый член. Стон получается слишком громким, но громче лишь хрип Островского, оказавшегося внутри меня по самое основание и желающего продолжения.

Налитая плоть пульсирует, и я пускаюсь в бешеные скачки. Запрокинув голову назад, теряюсь в ощущениях и расплываюсь от множественных разрядов, пронизывающих моё тело и подводящих к острой эйфории. Сладко настолько, что хочется продлить этот момент. Замедляюсь, а открыв глаза, попадаю в плен его потемневших и пропитанных жаждой. Нетерпение проявляется в хаотичных движениях его бёдер и частом дыхании, и я даю нам обоим желаемое, когда кончаем одновременно, содрогаясь телами. На секунду выносит из тела, заставляя его парить в пространстве, а когда возвращаюсь, запечатлеваю на губах Кости жадный поцелуй, растягивая такое мимолётное удовольствие. Ещё минута, чтобы уловить толику тепла в его глазах, а затем он вновь становится каменным и безразличным. Мы оба получили то, чего жаждали. Хочется верить, что в последний раз.

Вернувшись в ванную, быстро одеваюсь и покидаю коттедж не оглянувшись. Ничего нового я там не увижу, лишь прежний Парето, который больше независим от меня.

***

– Доброе утро, – приветствую Островского, в ответ получая скупой кивок.

Вылизан до блеска, привычно бодр и свеж, несмотря на то с момента ранения прошла всего неделя. Даже Гриша до сих пор с повязкой, поддерживающей руку, но Парето слабости позволить себе не может, как и появиться перед всеми с намёком на боль. А она имеется, о чём говорит ложка в левой руке. Всё возвращается на круги своя, когда выставляю перед ним панна-котту и кофе. Никакого протёртого супа и пюре, от которых он так плевался.

– Твои услуги сиделки более не требуются. Возвращайся к своим прямым обязанностям.

– Вас поняла, Константин Сергеевич.

Для меня это возможность отстраниться от Островского и прекратить встречи, которые подведут меня к черте. Я не солгала, когда сказала, что привыкаю к нему и надеюсь на то, чего априори быть не может. Разум твердит, что Костя не тот человек, который станет мне опорой, сердце же упрямо не желает внимать доводам. Увы, мы не выбираем, кого любить, сжигая себя дотла. Но мысль о будущем Таси не позволит мне сорваться в Островского, уничтожив себя, потому что, если погибну я, погибнет и она.

– И ещё, – отодвигает тарелку, поднимаясь, – в последний раз мы были неаккуратны. Точнее, ты. Дети мне не нужны. Прими меры, – бросает на стол несколько красных купюр.

– Об этом можете не беспокоиться, Константин Сергеевич, – протягиваю ему деньги, отказываясь. – Последствий не будет.

И таких последствий я бы желала, но увы, моя первая и единственная беременность прошла с осложнениями. Третий триместр на сохранении без возможности свободно передвигаться и наслаждаться полноценной жизнью, тяжёлые роды и, как итог, один процент из ста, что я смогу стать матерью во второй раз. Обследование и длительный курс лечения пошли мне на пользу, но, когда пришлось самостоятельно заботиться о себе и дочке, вопрос здоровья отошёл на второй план. Не было времени, да и денег. И всё же я не перестаю мечтать, что когда-нибудь у Таси всё же появится брат или сестра. Наученная собственным опытом одиночества на этой земле, я бы желала, чтобы дочка никогда не была одна, имея возможность положиться на родное плечо.

Парето уверенным шагом пересекает двор и приветствует Аронова, который с недовольным видом эмоционально жестикулирует. Думаю, хозяин понимает, что Островский рано встал с постели, приступив к своим обязанностям, но доводы не оказывают должного влияния, и оба занимают место во внедорожнике, чтобы отправиться в город.

День проходит в привычной суете, позволяя отвлечься от удручающих мыслей, а время, проведённое в компании Таси и Гриши, поднимает настроение и настраивает на позитив. Конец марта, но земля всё ещё покрыта снегом. Гриша ка-

тает дочку на санках, отчего мой ребёнок весело хохочет и подгоняет сильного парня двигаться быстрее.

Аронов возвращается поздно в компании Островского. Оба выходят из машины, разговаривая на повышенных тонах, точнее, возмущение исходит от Альберта Витальевича. Парето, словно непробиваемая стена, спокойно принимает каждое слово с присущим ему равнодушием. Усмехаюсь, почему-то радуясь, что не одна я испытываю эту бетонную стену на прочность, желая добраться до настоящего Кости.

– Приказал подать ужин. – Петровна врывается подобно урагану, который мечется по кухне. – Отнеси это в спальню Аронова, – протягивает увесистую папку, кивая на дверь. – На столе оставь.

– А мне туда можно?

– Да-да, – бросает, не поднимая головы. – Быстрее.

Бегу на второй этаж, осторожно открываю дверь в спальню хозяина, бесшумно пробираясь к столу. Разрешение получено, и всё же не покидает чувство, что я не должна здесь находиться. Пользуясь моментом, рассматриваю предметы на столе, а особенно фото, на котором Альберт Витальевич запечатлён с женой и детьми несколько лет назад. От приятного занятия меня отрывают мужские голоса, звук которых приближается к комнате хозяина, и я не нахожу ничего лучше, как проскользнуть в женскую гардеробную и притаиться.

Ругаю себя самыми последними словами. Я здесь по приказу Петровны, и нет ничего страшного в моём присутствии,

которое можно без проблем объяснить. Но умная мысль мелькает в голове уже после того, как щёлкает ручка двери и мужчины заходят.

– Мало того, что ты оказался инициатором её появления в моём доме, так теперь ещё откровенно подставляешь девчонку! – Аронов на взводе, в голосе проскальзывают звенящие нотки.

– Хотел подтвердить свою догадку. – Безмятежный тон Парето значительно выделяется на фоне истерики Альберта Витальевича.

– Подтвердил? Всё было спокойно до тех пор, пока все они считали, что тебе нечего терять. Появление на приёме автоматически приклеило на её спину знак мишени. Ты ведь понимаешь, что они приходили за девочкой? На слова какого-то Гриши всем откровенно плевать, и лишь благодаря его реакции девочка сейчас жива.

Закрываю рот ладонью, с трудом сдерживая всхлип. Прекрасно понимаю, о чём, а точнее, о ком говорит Аронов. О Тасе. О моей девочке, которая по какой-то причине стала мишенью для плохих людей. И этих людей к ней привёл Парето.

– Именно поэтому в сад она больше не ходит.

– Смешно, Костя! – взрывается Аронов ужасающим хохотом, звуки которого пробирают до костей, заставляя вздрогнуть. – Ограждение стопроцентной гарантии не даёт, а охранник с одной действующей рукой тем более. Кстати, у

тебя тоже пока одна.

– Ты специально её ко мне приставил?

– Да, – соглашается хозяин мгновенно. – Я хотел, чтобы ты хотя бы на неё посмотрел как на человека и понял, что не имеешь права распоряжаться чужими судьбами в угоду своим интересам.

– Она не повод отказаться от задуманного. Планирование и сбор информации заняли несколько лет, и когда я почти у цели, даже сам дьявол не в состоянии заставить меня свернуть с пути. Мне нечего терять.

– Уверен?

Вопрос остаётся без ответа, погружая комнату в звенящую тишину. Лишь едва различимые шорохи и тяжёлое дыхание мужчин дают понять, что спальня не опустела.

– Ты, Костя, мне друг, но это не отменяет того, что ты сука. Выведи её из игры.

– Она мне ещё нужна.

Она это я. В данный момент чувствую себя разменной монетой, судьба которой решается в этой спальне.

– Выбери любую другую.

– Другие на меня не смотрят так, как она.

– Да никто так не смотрел на тебя. Даже Надя, – фыркает Аронов, и я слышу частые шаги, приближающиеся к соседней гардеробной. – Вот, – на стол летит что-то тяжёлое, – хоть на одном фото покажи мне глубокий взгляд, наполненный любовью. – Понимаю, что хозяин швырнул Островско-

му конверт со снимками, которые я видела прежде. – Тебе жизнь шанс даёт, понимаешь? – Голос мужчины становится тише. – Шанс вылезти из того дерьма, в которое ты нырнул с головой, ослеплённый местью, и понять, что остаток дней можно провести, глядя в глаза, наполненные смыслом.

Едкий смешок срывается с губ Парето. Я знаю, что это он. Смогу различить среди тысячи голосов.

– Механизм запущен, Алик, – наконец отвечает голосом, в котором проскальзывают стальные нотки. – Дальше – только хуже. Она мне ещё понадобится.

– Тогда будь благодарным. – Несколько секунд тишины. – Что ты так на меня смотришь, Костя? Нечего терять, верно? Так потеряй всё это с умом. Или впервые в жизни ты облажался и не всё предусмотрел?

Вновь затишье и обоюдное молчание, а дальше удаляющиеся из комнаты шаги и щелчок ручки двери.

– Тебе ведь тоже жизнь шанс дала. – Голос Островского с надломом. – Только смелости не хватает им воспользоваться.

Дверь закрывается, и через секунду раздаётся грохот и звон разбитого стекла. Несколько грубых ругательств срываются с губ Аронова, который следует за Парето в коридор.

Сползаю по стене, размазанная тем, что услышала, случайно оказавшись в этой комнате по прихоти Петровны. Выйди я за минуту до их появления, счастливо бы жила в неведении. Но теперь точно знаю одно: я средство в умелых

руках Парето. Всё, что видела или видеть хотела, – обман. Он приручал меня, чтобы использовать в своих целях.

Убедившись, что мужчины ушли, выхожу из укрытия, отмечая беспорядок в комнате. На полу разбросаны фотографии, усеянные сверху острыми осколками. Поднимаю первую попавшуюся, на которой Костя запечатлён рядом с Ароновым, и кладу в карман. Не знаю зачем, просто хочу иногда смотреть на человека, которого больше не существует.

– Ты где задержалась? – Петровна недовольна моим длительным отсутствием.

– Забежала посмотреть на Тасю. Идите, я всё уберу и завтрак приготовлю для Парето.

– Так устала. Спасибо, Лена. – Довольная женщина оставляет меня одну, не ведая, что могу разреветься в любую секунду, не желая говорить о причинах.

Телефон оповещает о сообщении, в котором лишь одно слово от Парето: «жду». Не открывая послание, отключаю телефон. Заканчиваю на кухне и плетусь в коттедж.

А затем тихие слёзы на полу в ванной. Как раньше: когда Рома напивался и срывался на крик; когда бабуля стонала, а помочь не представлялось возможным; когда приползала с работы, подыхая от усталости и безнадёги. Незаметно, скупо, глотая всхлипы и гася их в ладони, чтобы никто не услышал, как умирает надежда.

Глава 20

– Не видела моё сообщение? – Островский начинает утро с вопроса.

Его появление ожидаемо, так же как и недовольство. Вероятно, необходимость выпустить пар после спора с Ароновым была настолько острой, что он не может себя сдержать.

– Не видела, – ставлю на стол завтрак, не поднимая головы, и демонстративно не смотрю ему в глаза.

– Лена, – в два шага оказывается передо мной и поднимает мой подбородок.

– *Не видела,* – говорю как можно увереннее, зная способность Парето считывать ложь.

Почти потеряв самообладание, всё же выдерживаю проницательный, тяжёлый взгляд, придирчиво изучающий меня, а для уверенности мысленно прокручиваю каждое слово, услышанное вчера.

– Плакала?

– Нет. Принимала душ, шампунь попал в глаза, – выдаю на автомате фразу, которую проговаривала перед зеркалом всё утро.

– Придёшь сегодня?

– Нет. У меня критические дни.

– Я не брезгливый.

О да! Константин Сергеевич ничем и никем не побрезгу-

ет. Это относится ко всем сторонам его жизни.

– Я брезгливая.

– Не замечал, – проводит большим пальцем по моим губам, очерчивая контур, и наклоняется опасно близко, почти касаясь своими.

– Лен, приготовь завтрак Альберту Витальевичу, – на кухне появляется Петровна, спасая меня от дальнейших объяснений с Парето. – Простите, – растерянно мнётся в дверях, – если бы я знала…

– Всё хорошо, – делаю два шага назад, – Константин Сергеевич уже уходит, ему пора. Сейчас всё сделаю.

Принимаюсь за дело, погрузившись в новые заботы, и не слышу, как остаюсь одна. Островский ушёл, Петровна тоже. Поэтому, закончив с приготовлением, беру поднос и несу завтрак хозяину. Впервые на стол накрываю я, но Аронов вопросов не задаёт. Сжимаюсь под его изучающим взглядом, который скорее сквозит жалостью, чем пренебрежением. Насколько я могу судить из услышанного вчера, он на моей стороне, и, если бы Островский согласился на предложение друга, сегодня меня бы здесь уже не было. Опасения вызывает лишь одно: какая роль отведена мне в плане Кости и что со мной будет после.

К обеду Петровна объявляет, что вечером планируется гость. Лёгкий ужин на три персоны и несладкий десерт. С энтузиазмом погружаюсь в приготовление, лишь бы не согнуться под ужасающими мыслями, не дающими покоя. Хо-

зяин и Парето возвращаются раньше обычного в компании высокого мужчины с толстой кожаной папкой в руках. Двигаясь к дому, оживлённо беседуют и почему-то осторожно посматривают на Константина Сергеевича, ожидая его одобрения.

Занимаюсь уборкой на кухне, предвкушая скорый отдых, когда Петровна передаёт требование принести в кабинет хозяина три кофе. Желания видеть Островского не имеется, но кофе и собравшаяся компания предполагают, что он задержится в доме, а я смогу незаметно проскользнуть в свой коттедж.

– Добрый вечер, – вхожу в кабинет, расставляя кружки в привычном порядке.

Три пары глаз сосредоточенно наблюдают за моими действиями. Внимание привлекает седовласый мужчина с крупными чертами лица и прозрачными голубыми глазами, похожими на рыбьи. Неприятный взгляд, от которого хочется скрыться. Что я и делаю, направляясь к двери, когда в спину прилетает требовательное:

– Задержись.

Поворачиваюсь, сталкиваясь взглядами с Парето, который ладонью указывает на место рядом с собой. Послушно присаживаюсь, ожидая вердикта. В душе надеюсь, что Островский прислушался к мнению Аронова и сейчас мне объявят, что я могу покинуть этот дом.

– Меня зовут Роберт Валерьянович. Я адвокат, – пред-

ставляется и открывает папку. – Это ваше свидетельство о разводе. – Передо мной ложится документ, в котором прописано, что Рома мне больше не муж. Не могу сказать, что этот факт меня расстраивает, но и особой радости не испытываю. – А это брачный договор. Вам необходимо его подписать на каждой странице. – В руке появляется ручка, а мужчины ожидают от меня действий.

Не сразу доходит смысл сказанного. Развод – понятно, а брачный договор…

– Брачный? – наконец решаюсь спросить. – С кем?

Мужчины обмениваются взглядами. В этой комнате происходит нечто, что касается меня напрямую, но ввести в курс дело меня никто не торопится.

– Со мной, – подтверждает Островский. – Как только ты поставишь свою подпись, станешь законной женой, а Таисия моей дочерью.

– Ч-что? – Сердце ухает куда-то вниз, а виски разрывает острая боль. Такого я даже в страшном сне не могла предположить.

– Подписывай и надевай кольцо. – Передо мной появляется бархатная чёрная коробочка. На атласной ткани красуются два кольца, одно из которых, вероятно, и просит надеть Парето.

Часто дышу, желая, чтобы всё сказанное оказалось фикцией. Пусть кто-то из них объявит, что это неудачная шутка или розыгрыш. Но нет. Сгораю под серьёзными взглядами,

ожидающими моей реакции. Кладу ручку, так и не подписав бумаги, и отхожу спиной к двери в надежде убежать.

– Нет. Я не буду… Не могу…

Выскакиваю из кабинета и растерянно сворачиваю в другую часть коридора, не понимая, где оказалась. Мечусь среди множества дверей в поисках выхода, когда сильная рука, схватив за плечо, вталкивает в одну из комнат. Зажигается тусклый свет, а перед глазами появляется разъярённое лицо Островского.

– Я вашей женой не стану, – кричу что есть силы, чтобы меня услышали. – Никогда!

– Станешь, – констатация факта, и отказ не принимается.

– Зачем? Новый план, в котором у меня есть своя роль? Ещё не наигрались?

– О чём ты?

– Я слышала ваш вчерашний разговор. – Островский в удивлении распахивает глаза, не ожидая такого поворота. – Да-да! Совершенно случайно, да и вы с Альбертом Витальевичем слишком громко обсуждали некую особу, которая стала приманкой по вашей вине. Они могли убить Тасю! – Меня трясёт, когда произношу вслух то, чего боюсь более всего. – Но вам наплевать, так? Я спрашивала вас, смогли бы вы пожертвовать ребёнком на пути к собственной цели. Теперь знаю – легко! Вы бесчувственное, циничное, скупое на эмоции бревно, – захлёбываюсь слезами, которые беспрерывно стекают по щекам. – Вам на всех плевать! – Бью кулаком в

больное плечо. – На меня, на Тасю, – ещё удар, – да вам даже на самого себя плевать!

Он позволяет колотить себя, не шевелясь и не реагируя на слова, но затем заводит мои руки за спину, удерживая запястья одной ладонью, а второй обхватывает моё лицо, фиксируя точно перед собой.

– Слушай внимательно, Лена. Говорю один раз. Твой чудный муженёк связался с плохой компанией. Я давно копаю под Воронова. Цель – уничтожить, засадить надолго, а лучше навсегда, собрав доказательства его грехов. Если бонусом пойдёт мэр, то я буду безмерно счастлив. Он об этом знает. Но Шакал настолько самовлюблённый говнюк, что идея свалить за границу и исчезнуть навсегда не для него. Не знаю, как он нашёл твоего мужа, но факт таков: решил отмытого до противного блеска Рому поставить на своё место и предоставить мне. Вопрос лишь в верности Орлова. Такого человека необходимо придавить, чтобы не посмел дать заднюю. Тогда и было организовано покушение на Аронова. Попытка оказалась неудачной, но не в этом была суть. Рожа Орлова, так похожего на Шакала, попала на камеры, и я, потирая руки, помчался к Воронову, где неожиданно семьдесят человек подтвердили его присутствие на приёме в момент покушения. Стали копать, выясняя личность мужчины, покушавшегося на Аронова. И нашли: имя, место проживания, родственников. Но когда ребята пришли по указанному адресу, там уже жил хер знает кто. Твой муженёк подчистил

хвосты, продал квартиру и растворился в неизвестности. Отвечу на вопрос, который тебя тревожил: да, насрать ему было на тебя и дочь, потому что он спасал свою задницу. В тот же день пустили ориентировки по новостям и обклеили ими каждый столб, а ещё через сутки тебя заметили на вокзале. Проверив документы, подтвердили – жена и дочь. Те полицейские, что дежурили на вокзале, работают на меня. Здесь ты оказалась не случайно, Лена. Предположения, что ты связана с мужем, не подтвердились. Вот только различить, кто есть кто – Воронов или Орлов, – в нужный момент способна лишь ты. Увидев тебя на приёме, Шакал решил, что теперь мы заодно, а единственный человек, который может слить такой гениальный план, – ты. Решение: либо переманить, либо убрать с дороги. Первое не выгорело, второе осуществимо. И начал он с девочки. Затем была бы ты. Улавливаешь ход моих мыслей? – Неуверенно киваю, не успевая воспринимать всё, что говорит Островский. – Теперь у тебя два варианта. Первый: ты можешь покинуть этот дом прямо сейчас. Насильно удерживать не стану. Не проживёшь и суток в свободном полёте. Второй: ты ставишь подпись на договоре, надеваешь кольцо и играешь роль моей жены до определённого момента. Вопрос вашей с Таисией безопасности становится моей проблемой. Я выведу тебя из игры. Но не сейчас. – Отпускает руки и отходит к двери. – У тебя есть пять минут. Решение за тобой.

Закрываю глаза и растираю пульсирующие виски, желая

избавиться от головной боли, которая лишь усиливается. Возможно, Островский выдумал всё это, чтобы заставить играть по своим правилам, но я хорошо помню день, когда нашла в ванной пистолет, спрятанный Ромой. Из него он стрелял в Аронова и не придумал ничего лучше, как принести оружие в квартиру. Каждое действие мужа становится логически понятным, если учесть желание спастись самому, не отягощая себя балластом в лице меня и Таси. Ему было плевать тогда, а сейчас и подавно.

Подхожу к окну, замечая на улице Гришу и Тасю. Они носятся вокруг фонаря, освещающего дорожку, и, открыв рот, наперегонки ловят снежинки языком. Редкий пушистый снег, хлопья которого медленно опускаются на землю, позволяет себя поймать. Большой парень и маленькая девочка заливисто хохочут, сражаясь за снег, возможно последний в этом году. Личико Таси искрится счастьем, когда она, подпрыгнув, захватывает сразу несколько снежинок, выигрывая у Гриши. Она спокойна и расслаблена, чувствует себя в безопасности за высоким ограждением рядом с людьми, к которым привыкла.

Я могу поступить по-своему и уйти, не согласившись играть по правилам Парето. В этом случае там за воротами ждёт лишь неизвестность, наполненная опасностью и страхами. Не зная, насколько решительным может быть Воронов, сложно сказать, способен ли он убрать нас с Тасей с дороги. Но испытывать судьбу не желаю, поэтому вытираю почти

высохшие слёзы, разглаживаю форму ладонями, словно перед ответственным выходом, и уверенно направляюсь в кабинет Аронова.

Вхожу, не проронив ни слова. Беру ручку и подписываю каждый лист договора. Адвокат лишь успевает переворачивать страницы, указывая пальцем на нужную строку.

– Свидетельство о браке, – выкладывает передо мной документы, – об удочерении, новое свидетельство о рождении девочки, ваш экземпляр брачного договора, новый паспорт.

Быстро пробегаюсь по строчкам, которые пестрят таким непривычным «Островская». И когда только Парето успел? Хотя чему я удивляюсь? Нет ничего невозможного для того, кто сделал невозможной собственную жизнь. И пока изучаю новую для меня информацию, Костя надевает на мой палец кольцо, а затем и на свой.

– А теперь «горько»! – Три пары глаз смотрят на улыбающегося Аронова, которому кажется, что шутка пришлась к месту. – Простите, – прокашливается, – не смог удержаться.

– Я могу идти, Константин Сергеевич?

Кольцо на пальце ничего не решает. Брак, по всей видимости, фиктивный, таковым и останется.

– Можешь.

Забираю поднос и пустые кружки, возвращаясь на кухню. Вижу Петровну и, вспоминая слова Парето, не могу удержаться от вопроса.

– Вы всё знали?

Женщина оборачивается, смотрит с явным вопросом в глазах, не понимая, о чём её спрашивают.

– Тогда, на вокзале, вы ведь не случайно ко мне подошли? По приказу Парето? Вам было приказано привезти меня под любым предлогом?

– Лена… – стонет, отвечая согласием на все мои вопросы.

– Вам действительно нужна была помощница или же это лишь предлог?

– Нужна была. Всё, кроме причины, по которой ты здесь оказалась, правда.

– Спасибо и на этом.

Все в этом доме «честно» лгали, заботливо проникшись моими проблемами. Вижу Тасю и Гришу, которые до сих пор на улице. Интересно, он был в курсе? Хотя мне всё равно: парень закрыл собой ребёнка, не думая о последствиях. За одно это я ему безмерно благодарна. Зову дочку, указывая на позднее время.

– Лен, всё нормально? – с тревогой во взгляде интересуется Гриша. – Глаза красные, вид растерянный.

– Всё отлично. Просто теперь я жена Парето.

Оставляю ошарашенного парня, заходя в коттедж. Купаю Тасю, которая как заведённая не может остановиться, делясь впечатлениями о проведённом дне, и укладываю спать под звуки собственного голоса, надеясь, что меня не потревожит очередное сообщение с приказом от Островского.

Глава 21

Телефон вибрирует, и я открываю сообщение, уже зная, от кого оно. Мне бы побыть в одиночестве, чтобы хоть немного разобраться с той кашей в голове, что оставили события сегодняшнего дня. Ещё не до конца осознала значение слов Островского, а тот факт, что я его жена, не приживается во мне. Но я сползаю с постели, чтобы не разбудить Тасю, и иду в соседний коттедж, надеясь получить ответы на вопросы, которые нескончаемым вихрем носятся в голове и не дают покоя.

– Быстро, – комментирует Островский, как только вхожу. – Сегодня не пропустила сообщение.

– Сегодня всё не так, как вчера. Сегодня вы мой муж. Как бы странно это ни звучало.

Парето подвигает ко мне бокал с виски, предлагая составить компанию, и я соглашаюсь, отпивая глоток. Он мне нужен, потому что внутри всё звенит от напряжения и неприятия его условий.

– Колечко хорошо смотрится, – кивает на мою правую руку, а затем переводит взгляд на свою.

– Думала, вы его носить не будете.

– Ну почему же, буду, – довольно улыбается. – Мало того, новость о нашем браке ушла в прессу, и завтра каждый в городе узнает о счастливом событии в моей жизни. По этой

причине оно, – демонстрирует руку, – останется на месте.

– Я правильно понимаю, брак фиктивный? – Он согласно кивает. – С какой целью?

– Последние полгода я вёл себя слишком нагло, копая под мэра и Воронова. Перекрыл незаконные денежные потоки, сорвал несколько важных сделок и продал бóльшую часть бизнеса конкурентам, значительно усилив их позиции. Остальное переоформил на подставных людей, скинув с себя почти все активы. В общем, сделал всё то, что обычно делают люди, готовые отойти в мир иной или оказаться надолго в местах не столь отдалённых. Много лет не мог себе позволить скандал, связанный с моим именем, а сейчас очень даже могу. Громкие разоблачения затронут и меня, и все в этой тёмной истории получат по заслугам. Противостояние с Вороновым достигло пика, но на данном этапе я не готов скинуть его со скалы, ожидая дополнительной информации. Потому что появился ещё один игрок – твой муж. Теперь уже бывший. Мне нужно время, Лена. Недолгий период затишья. Шакал в курсе, что мне нечего терять. Я пойду до конца в любом случае, а ход с браком организован для видимости: молодая жена, дочка, новый этап в жизни. Смотрите, Константин Сергеевич развернулся в другую сторону и решил провести остаток дней в маленьком, уютном гнёздышке, ублажая красавицу-жену. – Расставив руки в стороны, Парето натягивает искусственную приторную улыбку, отражающую положение, в котором мы оба оказались.

– В таком случае вы могли выбрать себе в жёны любую.

– В моём случае, Лена, – указывает на своё лицо, – проблема в том, чтобы найти женщину, которая будет смотреть на меня если не с любовью, то хотя бы без отвращения. А правдивость в данном случае обязательна. К тому же ты единственная, кто может отличить Воронова от Орлова. Так что я, можно сказать, закрыл два острых момента разом.

– Для этого спали со мной?

– Знаешь, ты умная. Но любая умная женщина становится глупой, когда влюбляется. Женская особенность – жертвенность ради любви порой безгранична и неконтролируема. Я это понял в тот момент, когда ты несколько суток просидела около моей кровати, вот здесь, – указывает за спину, – лишая себя сна, отдыха и нормального питания.

В тот самый момент, когда Костя хрипел и корчился от боли, у меня внутри всё переворачивалось, а опасения за него разрывали на части. Но, оказывается, он всё это использовал против меня, грамотно применив в собственной непростой ситуации. Мне не стыдно. Не может быть стыдно за то, что чувствуешь к человеку, которому ты безразличен. Просто я обычный человек, а Парето тот, кто использует мне подобных для достижения поставленной цели.

– Мне за это не стыдно. В жизни можно контролировать всё, кроме чувств.

– У меня же получается.

– Ну да, – усмехаюсь, – только не в бреду.

– Я что-то говорил? – Киваю. – Относительно тебя? – Снова кивок. – Не обращай внимания. Галлюцинации – штука интересная, всякое привидится.

– И не думала. Те слова были произнесены другим человеком. Вот этим, я предполагаю, – достаю из кармана фото и выкладываю перед Островским. – Тот, на кого я смотрю сейчас, не имеет к нему никакого отношения.

Костя берёт в руки снимок и на несколько минут словно проваливается в прошлое. Переводит на меня задумчивый взгляд и, смяв фото, выбрасывает в мусорное ведро.

– Этого человека больше нет.

– Он есть. Просто закрыт ото всех. Я думаю, что там, – указываю на его грудь, – умирает целая вселенная. Вы прогибаетесь под весом собственной душевной боли, терзаний и обид. Устали от самого себя: мыслей, домыслов и тревог. От невозможности не контролировать, не забегать вперёд и не оглядываться назад. Вы выстраиваете многоходовые планы, а построить собственное будущее не способны. Что это: глупость или трусость?

Островский недолгое время сканирует меня глубоким взглядом, от которого всё внутри переворачивается, а затем заливается хохотом, откинув голову назад.

– Думаешь, побывала в моей постели несколько раз, посидела у кровати пару дней и поняла мою суть?

– Говорю то, что вижу.

– Меньше говори, контролируй эмоции и относись к на-

шему браку ровно. Создавать семью не планировал, дети мне не нужны. Я не знаю, Лена, что ты нафантазировала в своей хорошенькой головке, но советую избавиться от этих мыслей, – чеканит каждое слово, добивая меня. – Завтра поедем в город. Моя жена должна выглядеть прилично. Ты записана к гинекологу, я хочу быть уверен, что проблем не будет. А уже послезавтра мы посетим одно мероприятие в качестве супругов.

– Что я получу за свои услуги? – Бровь Парето вопросительно подскакивает. – Я играю роль вашей жены, насколько я поняла, убедительно и с чувством. Помогаю с Вороновым или Ромой, смотря кто предстанет передо мной, и поддерживаю в любом вашем начинании. Что взамен? Безопасность Таси – это основное, а ещё?

– Ты начинаешь задавать правильные вопросы, Лена, – расслабляется и наполняет стакан виски. – Когда всё закончится, ты станешь богатой вдовой. Бессовестно богатой, Лена. Тебе больше никогда не придётся экономить, работать и ущемлять своего ребёнка.

– Вы планируете умереть? – сглатываю, услышав о смерти, к которой себя готовит Костя.

– Или надолго сесть. На этот случай имеются инструкции. Ты при любых раскладах остаёшься в плюсе, получив значительную сумму. Всё честно: отыгрываешь роль, я за это плачу. Куплю твою любовь на время, – поднимает бокал, обозначив тост.

А мне тошно, что Островский всё измеряет цифрами, даже то, чему цену назначить невозможно. Видимо, этот человек настолько смирился с моделью отношений «товар – деньги», что переубедить его не представляется возможным. И делать этого я не намерена, поэтому поднимаюсь, направляясь на выход, но Парето быстро реагирует и преграждает мне путь.

– Ты не ответила на моё предложение.

– Два часа назад, когда я стала вашей женой, вы не спрашивали моего мнения.

– Спрашиваю сейчас. Мне нужно знать, что мы в одной лодке. При условии крушения я должен понимать, стоит тебя спасать или проще скинуть ненужный балласт и выбираться самому?

– Десять минут назад вы заверили, что готовы умереть.

– Не прямо сейчас, Лена, – лукаво улыбается, наклоняясь ближе. – Прямо сейчас я планирую воспользоваться правом первой брачной ночи, – тянется к моим губам, но я мастерски уворачиваюсь, проскользнув под его рукой, и рвусь к двери.

Схватив меня за плечо, резко разворачивает и прижимает к стене. Уклоняюсь от настойчивых горячих губ, которые берут мои в плен снова и снова, подчиняя и не позволяя отдышаться. Словно мужчина решил сломить сопротивление и показать, кто здесь главный. Большие ладони скользят по бёдрам, поднимая форму, и сжимают ягодицы, заставляя из-

дать странный звук, похожий на мычание. У Островского всё распланировано, и даже сейчас, уверена, он готов к моему сопротивлению. А мне хочется выть в голос от осознания, что этот равнодушный мужчина просто удовлетворяет физические потребности, не испытывая никаких чувств. Хотя нет, чувства всё же имеются: ему необходимо, чтобы женщина смотрела на него без отвращения.

– У меня месячные, – успеваю сказать, когда Парето на мгновение отрывается от моих губ.

– Да? – с интересом рассматривает моё лицо, а потом ныряет рукой под кромку белья и массирует пальцами клитор, растирая влагу по складкам.

Издаю протяжный стон, ругая своё тело за реакцию на его прикосновения, которые не могу контролировать. Захлёбываюсь эмоциями, накрывающими с головой, и мысленно прошу Костю, чтобы не останавливался. Он проникает в меня пальцами, не прекращая терзать губы, а затем вытаскивает их и внимательно смотрит. На них нет крови.

– Лгунья, – довольно улыбается и облизывает фаланги, отчего мои щёки вспыхивают, а в горле пересыхает.

Это так грязно и в то же время невероятно сексуально, что я закрываю глаза, чтобы стереть пошлую картинку и довольную ухмылку Парето. Он избавляет меня от одежды, подхватывает на руки и несёт на кровать. Снимает рубашку, являя привычные шрамы, но не избавляется от брюк и опускается сверху.

Напряжение между ног такое, что я почти готова умолять Островского взять меня, чтобы получить сладкую разрядку и вновь ощутить оргазм. Но Парето спускается ниже, разводит в стороны мои ноги и касается языком клитора, втягивая в рот. Выгибаюсь от неожиданной ласки и сгребаю пальцами простыню, пытаясь удержаться в реальности. Получается плохо, потому что Костя посасывает, лижет и втягивает плоть, заставляя просить ещё. Не могу контролировать свой отклик на Островского, который спускается к влажному входу и таранит его языком. Дёргаюсь, словно от разряда электрического тока, после каждого движения и чувствую приближение развязки, которая накрывает внезапно. Протяжно стону, пока перед глазами рассыпаются искры от полученного удовольствия, и боюсь открыть глаза, не желая смотреть на Парето.

Часто дышу, восстанавливая дыхание, и уже хочу возмутиться, но меня накрывает большое тело, проникая в лоно рывком. Островский замирает, ждёт, когда я перестану пульсировать вокруг его члена, и начинает медленно двигаться, наращивая темп. Покрывает поцелуями мою шею, спускается ниже и втягивает поочерёдно соски, обводя по кругу языком. Дальше я уже не отвечаю за свои действия и притягиваю Костю к себе, желая получить поцелуй.

Реальность растворяется в моих стонах и громких шлепках. В такие моменты я могу касаться его, где хочу и как хочу. Ощущать под ладонью упругую кожу, перекатывающие-

ся от напряжения мышцы, глубокие шрамы с выступающими краями. Я досконально изучила их все и даже с закрытыми глазами могу описать каждый, уточнив неровности и шероховатости. Сейчас он мой, во мне. Ненадолго, на короткий промежуток времени, но в такие моменты я слепо верю, что там, под вздымающейся грудиной, его чёрствое сердце бьётся лишь для меня одной. И когда вбивается в моё тело, когда впивается зверским поцелуем, когда длинные пальцы сжимают кожу, когда рвано кончает, сопровождая свой оргазм коротким рыком, когда бормочет нечто неразборчивое, оставляя последний поцелуй на моих губах.

А затем пелена спадает с глубокой синевы, возвращая холодную бездну, равнодушную ко всему живому. Вот и сейчас, открыв глаза, планирую увидеть привычное безразличие, но в синеве Островского плещется нечто иное, не поддающееся описанию. Я бы сказала, что это нежность, если бы не знала этого человека и не была уверена в отсутствии подобного рода чувств.

– Твой ответ, Лена, – нависает сверху и не собирается покидать моё тело, наслаждаясь затухающей пульсацией. – Мы вместе или по разные стороны баррикад?

– Вместе, – соглашаюсь, понимая, что выбора у меня нет и только рядом с Парето моя дочка будет в безопасности.

– И всё же я сделал правильный выбор. – Уголки губ дёргаются в подобии улыбки, являя мне довольное лицо.

– Странное высказывание для человека, который никогда

не ошибается.

– В отношении женщин утверждения и правила часто не работают. Вы подвержены эмоциям, которые вами управляют. Неверное слово, неправильная интонация, ошибочное действие, и всё – нежная фея превращается в разъярённую фурию, способную испепелить лишь взглядом. Поэтому мне нужны гарантии: что бы ты ни услышала и ни увидела, не осуждаешь мои действия, не стремишься перенаправить, занимая мою сторону.

– Даже если то, что вы делаете, – противозаконно?

– Даже, если то, что я делаю, – аморально.

Киваю, соглашаясь на условия Островского, пока плохо понимая, что именно он имеет в виду. Не сдерживаясь, прикасаюсь к его лицу, очерчивая шрам и спускаясь к губам. Неожиданный порыв с моей стороны вызывает недоумение, но именно сейчас мне важно чувствовать его тепло и понимать, что он обычный человек, а не бездушная машина. Всё, что Костя делает и говорит, – показное, и, как правило, люди не заглядывают дальше, довольствуясь представленным. Я же, несмотря на сказанное, вижу нечто иное.

– Я свободна? – Островский всё ещё нависает сверху, не позволяя сдвинуться с места под тяжестью своего тела.

– Нет, – дышит мне в губы, – мы только начали.

Глава 22

– Доброе утро, Елена Родионовна, – непривычное обращение из уст Гриши режет слух.

– Гриш, ты чего? – удивлённо смотрю на парня, пока Тася спускается по ступенькам и со второй прыгает ему прямо в руки. Но он ловко её подхватывает, опуская на землю, и дочка бежит к качелям.

– Приказ, – разводит руками. – Догадайся чей.

– Ясно. Наверное, все решили, что я выгодно устроилась, когда выскочила замуж за Островского? – Глухая усмешка вырывается непроизвольно, когда я вспоминаю, *как именно* дала своё согласие.

– Наоборот, – опровергает мои предположения Гриша, чем несказанно удивляет. – Парни озадачены. Считают, что хорошо устроился именно Парето. Молодая красивая жена, которая смотрит на него с обожанием и…

– Как смотрю?

– Небезразлично, как смотрели другие.

– А много было «других»? – Не знаю, зачем спрашиваю, но упоминание о женщинах Кости неприятно колет изнутри.

– Немного. Но достаточно, чтобы понять: им либо нужно было пробиться наверх, либо получить денежное поощрение. Когда получали необходимое, просто сваливали.

– Как он реагировал?

– Никак, – пожимает плечами, не забывая посматривать на Тасю. – Он же непробиваемый.

И правда – непробиваемый. Прекрасная характеристика Островского, идеально отражающая его суть.

– Пора кормить мужа завтраком. Жду на обед, – тороплюсь в дом, понимая, что с минуты на минуту на кухне появится Костя.

Оформляю панна-котту соусом и занимаюсь кофе, когда чувствую появление Островского, остановившегося за моей спиной.

– Завтрак готов. Сейчас подам, – говорю не оборачиваясь.

– Откуда знаешь, что это я?

– Просто знаю.

– Ты можешь больше не работать на кухне.

– Я хочу, – выставляю перед ним десерт. – Мне нравится готовить, тем более на такой кухне. К тому же вы не настроены жить долго и счастливо, а в какой именно момент я стану вдовой или женой декабриста, неизвестно. Даже при неблагоприятном стечении обстоятельств я могу остаться работать в этом доме с позволения Альберта Витальевича или же согласиться на предложение Шагана, который так заботливо вручил свою визитку. Возможно, ваша фамилия оттолкнёт от меня некоторых людей, но её всегда можно изменить. Для этого просто нужно снова выйти замуж. Уверена, молодая, состоятельная вдова вызовет интерес, так что долго существовать в одиночестве не придётся.

Говоря всё это, одновременно мою посуду спиной к нему, чтобы Островский не заметил, как трясутся руки. Стараюсь быть отстранённой, под стать ему, а когда наконец, осмелившись, бросаю взгляд на Костю, вижу, как в его руке сгибается вилка. Холодный, как кажется на первый взгляд, Островский сейчас в ярости. Это заметно по дёргающемуся кадыку и тугим желвакам на лице. Увидев, что сказанное производит ожидаемый эффект, продолжаю на свой страх и риск:

– Вы же не думали, что после вашей смерти я уйду в монастырь и приму обет безбрачия? Надеюсь, мой третий брак станет последним и счастливым рядом с мужчиной, который окружит меня лаской, заботой, нежностью…

– Ночью я был недостаточно нежен? – оказывается за спиной неожиданно, отчего вздрагиваю, и бокал выскальзывает из рук.

– Вы всегда недостаточно нежны.

Шумный выдох и минута тишины за моей спиной дают возможность прокрутить в голове с десяток вариантов наказания, которые Островский применит не задумываясь.

– После обеда приеду за тобой, – последнее, что он бросает, и покидает кухню.

На трясущихся ногах делаю несколько шагов и опускаюсь на стул, закрывая глаза. И как только смелости хватило? Удивляюсь сама себе, но, вероятно, общение с Костей имеет свои последствия. Интересно, если бы мы провели вместе несколько лет, я стала бы такой же?

Не слышу, когда на кухне появляется Петровна. Виноватый вид и блуждающий взгляд говорят о том, что женщина не знает, как начать разговор.

– Лен…

– Не надо. Всё нормально, – останавливаю, уже приняв тот факт, что все в этом доме были в курсе причин, по которым я здесь оказалась. – Я понимаю, что вы подневольный человек. Приказано молчать – вы молчите.

– Риск потерять работу является отличной мотивацией, чтобы не открывать рот, когда требуется его закрыть. Ты в курсе моей ситуации с внуком.

– Если это правда.

– Правда. Всё до последнего слова.

– Вот и выяснили, – делаю попытку улыбнуться, но получается лишь тоскливый оскал.

– Мальчики правду говорят? Ты теперь жена Парето? – Вероятно, каждый в доме спросит у меня лично.

– Да, – показываю правую руку. – У него такое же. Тася, кстати, теперь тоже Островская. Он её удочерил.

– Ему-то понятно, зачем всё это. А тебе?

– А мне выбрать не позволили. Всё было определено с того самого момента, когда я переступила порог этого дома.

– Он уничтожает всё, к чему прикасается. Держись от него на расстоянии.

– Я теперь его жена, – расставляю руки в стороны, сопровождая действие горькой усмешкой. – Расстояние сократи-

лось до минимума. Невозможно сбежать от того, кто всегда на шаг впереди тебя, остаётся только идти рядом. Что я и сделаю, чтобы моя дочь была в безопасности и ни в чём не нуждалась. А раскуроченное сердце – это так, – взмахиваю равнодушно рукой, – мелочи жизни. Заживёт… – шепчу, как никогда осознавая тот факт, что в любой момент Костя исчезнет, оставив с десятками вопросов, на которые я никогда не получу ответов. – И вообще, – встряхиваю себя, не желая думать о том, что ещё не произошло, – нужно привести в порядок спальню Аронова. Мужчины позавчера повздорили, и теперь там страшный бардак.

Берём всё необходимое и поднимаемся в спальню хозяина, пол которой по-прежнему усыпан осколками и снимками. Бережно собираю фотографии, помещая в конверт и кладу на стол. Избавляемся от осколков, забираем грязное бельё и покидаем комнату. На кухне уже ждут Гриша и Тася.

– Мам, а я правда теперь Костиковна?

– Кто?

– Константиновна, – поправляет Гриша. – Он ей сказал.

Вот же Островский… Я не планировала рассказывать Тасе о нововведениях в нашей жизни. Костя всё равно не останется с нами, решая собственные проблемы и направляясь к цели, которую, по-видимому, определил давно. Ребёнку всё равно, какая у него фамилия, если это не влияет на его жизнь.

– Правда, моя хорошая, – целую светлую макушку. – Толь-

ко это ничего не меняет для нас.

– Мы всё равно вернёмся к папе Роме? – шепчет с придыханием, ожидая подтверждения.

– Нет. Не вернёмся. Никогда. Скорее всего, скоро уедем в другое место. Хорошее и светлое. И будем там жить вдвоём, – глажу её по волосам, успокаивая.

– А Костя?.. Он с нами поедет?

– Нет, Тасенька, не поедет. Он будет жить один.

Или не будет. Островский жить вообще не планирует или жить на свободе.

– А он сказал: «Вы теперь мои». А зачем он так сказал? Если не поедет.

– Спроси у него. – Не знаю, что ещё говорить ребёнку, который задаёт вопросы, на которые ответов у меня нет и не будет.

– Я спрошу, – воинственно прищуривается, кивая. Островский поспешил с докладом дочке, вот пусть и объясняет. Никто его за язык не тянул.

Всё это время Петровна и Гриша с интересом вслушиваются в нашу беседу, не встревая. Наш брак с Парето стал, можно сказать, событием в этом доме, жизнь которого текла размеренно и неторопливо до моего появления. В кармане вибрирует телефон.

Островский: *Жду в машине. 5 минут на сборы.*

– Я ненадолго уеду. Слушайся Гришу, – чмокаю Тасю и бегу в коттедж, чтобы за считаные минуты сменить форму

на джинсы и свитер.

Парето в машине разговаривает по телефону. Лицо расслабленное, видимо собеседник приятный. Сажусь на переднее сиденье и молчу, чтобы не вызвать гнев, пока он разговаривает по телефону на турецком языке. А Костя у нас, оказывается, владеет языками, что не удивительно для меня. Уверена, в нём скрывается множество талантов.

– Серхат звонил? – спрашиваю, как только разговор окончен. Островский сверлит меня недовольным взглядом. – От него было много входящих, пока вы лежали без сознания. Имя турецкое, вероятно беседовали с ним.

– Да. С ним. Но тебя это не касается.

– Я даже не сомневалась.

Замолкаю, позволяя Косте вести машину в направлении города. Островский на разговор не напрашивается, но меня подмывает спросить, с какой целью он поведал ребёнку информацию об отцовстве.

– Зачем вы сказали Тасе? В её жизни вы кратковременное явление, и громко заявлять о своём отцовстве не стоит. К тому же мы с вами прекрасно знаем, с какой целью это сделано.

– Я много разговаривал с Таисией, и когда спрашивал о папе, знаешь, что она отвечала?

– Знаю.

– Тогда глупо с твоей стороны задавать подобные вопросы. Пусть лучше ребёнок вспоминает о человеке, оставив-

шем положительные эмоции, чем о том, кто запомнился ей вечно орущим, пьяным мужиком.

– Возможно, вы правы, – нехотя соглашаюсь, понимая, что эти два месяца были для Таси счастливыми и беззаботными.

– Прав. Знаю, о чём говорю. Когда мы с Надей встретились, Никите было три, и воспоминания об отце у мальчика были подобны Тасиным. Немного внимания, заботы, времени вместе, и через несколько месяцев ребёнок о нём уже не вспоминал.

– Почему у вас с женой не было общих детей?

– Мы пытались. У жены было несколько выкидышей подряд. Дальнейшие попытки негативно сказались бы на её здоровье. Больше к этому вопросу мы не возвращались. Для меня Никита был сыном. Моим.

– Я тоже хочу, чтобы Тася стала для кого-то «своей». Надеюсь, когда-нибудь встретить такого человека.

– И родишь ему ещё пару-тройку детей? – усмехается.

– Нет. Не получится, – произношу с надломом, отворачиваясь к окну, заметив, что улыбка сходит с лица Кости, когда он понимает, что эта тема является для меня болезненной.

Остаток пути проходит в тишине, лишь изредка Островский бросает в мою сторону взгляды, желая о чём-то спросить, но так и не решается. Машина останавливается около здания с кричащей вывеской. Его обещание показать меня гинекологу было не шуткой, и сейчас, когда мы идём по светлым коридорам, понимаю, что мне придётся рассказать

о своих проблемах врачу, который, вероятно, затем поделится с Парето. Провожу в кабинете около часа, пока приятная женщина осматривает меня и задаёт вопросы, а когда выхожу, Костя отправляет меня на улицу, задерживаясь у кабинета.

– Почему не занималась своим здоровьем? – спрашивает сразу, как только садимся в машину.

– Я работала, чтобы обеспечить дочь. Не было времени, да и денег тоже.

– Теперь есть и то и другое, – вопросительно смотрит, не трогаясь с места. – Света сказала, всё поправимо, нужно лишь основательно заняться проблемой.

– Займусь. Только не сейчас. И не для вас. – Недовольно поджимает губы, не сводя взгляда. – Когда буду чувствовать себя в безопасности и знать, что у меня есть будущее. Я почти приняла тот факт, что Тася – мой единственный ребёнок.

– А хотела ещё?

– Хотела. И сейчас хочу. – Вопросительно вскидывает бровь, намекая на момент, когда я была неосторожна. – Не от вас.

– А что, рожей не вышел? – Кривая усмешка появляется на его лице, а во взгляде тонкой линией проносится горечь.

– У нас с вами кардинально разные планы на будущее. Я мечтаю дать Тасе всё. Увидеть, как она пойдёт в школу, выберет специальность и человека, с которым её свяжут тёплые чувства. Вы же застыли на месте. Вас ведут по жизни раны,

которые нанесли другие. Внутри они такие же, как и снаружи. Оставить после себя ребёнка – самое подлое, что вы можете сделать, потому что изначально нацелены лишить его себя.

Островский несколько минут внимательно на меня смотрит, открывает рот, чтобы ответить, но останавливается. Трогается с места, направляясь в центр города. Паркуемся у ряда магазинов, судя по вывескам очень дорогих. Иду за ним, не задавая вопросов. Костя просит консультанта принести всё, что мне подойдёт, и следующую пару часов я задерживаюсь в примерочной. Выхожу, показываю ему и получаю одобрение или же отказ. Он заталкивает на заднее сиденье с десяток пакетов, предварительно потребовав, чтобы я осталась в брючном костюме бледно-бирюзового цвета и белом пальто. Машина трогается с места, но мы едем не в направлении выезда из города, а в другую сторону и через двадцать минут останавливаемся у ресторана. Островский выходит из машины и, обогнув её, открывает мою дверь, кивком приглашая выйти.

– Зачем мы сюда приехали? – осматриваюсь по сторонам.

Это мой район. Почти каждый день я проходила мимо этого дорогого заведения по пути на работу.

– Ужинать, Лена.

– Здесь одно блюдо стоит больше, чем я зарабатывала за неделю.

– Теперь это тебя волновать не должно. Ты жена состоя-

тельного человека, забыла?

На входе нас встречает хостес. Девушка предлагает места у окна: столик на двоих. Уютная обстановка, ненавязчивая музыка и отсутствие свободных мест. Брожу взглядом по посетителям, замечая на другом конце зала Воронова в компании пожилого мужчины и девушки моего возраста. Медленно перевожу взгляд на Костю, который, кажется, заинтересован меню больше, чем посетителями. Но это фикция. Уверена, Островский точно знал, что окажется в одном месте со своим врагом.

Глава 23

– Здесь Воронов, – произношу, рассматривая меню.

– Я в курсе. Они с мэром ужинают здесь три раза в неделю. Постоянные клиенты, так сказать, ресторана и его негласная реклама.

– А девушка? – искоса посматриваю на яркую блондинку в брючном костюме цвета спелой вишни. Помада в тон и лодочки на высокой шпильке. Обувь не по погоде, но, вероятно, она мало передвигается пешком.

– Рита. Папина принцесса, – ёрничает Костя, – которая влюбилась в его помощника и, конечно же, выскочила за него замуж. Вариантов отказать у Шакала не было, хотя на тот момент он готовился к свадьбе с другой. А теперь дышать рядом с ней боится, потому что одно слово дочурки – и полетит кубарем в канаву, лишившись всего. Вот и прислуживает семейству Зарецких, ублажая всех поочерёдно.

– Яркая девушка…

– Наркоманка, – уничтожает моё восхищение Островский. – На пару с Шакалом нюхают. Именно он контролирует поток дерьма, который проходит через наш город. Монополист, так сказать. Его дилер поставлял порошок, от которого умер мой сын. Элитная школа – дорогие развлечения подростков, у которых карманные расходы больше твоего заработка за несколько месяцев. Никиту пригласил в компанию

младший брат Воронова. Учились в одном классе. Два раза попробовал, на третий передозировка. Подростки испугались и бросили его. Нашли через два дня, как ты понимаешь, мёртвым.

Костя рассказывает всё это будничным тоном, словно передаёт историю, которая лично его не касается, но в голосе отчётливо слышатся хриплые нотки. Накрываю его ладонь своей, слегка сжимая, выражаю тем самым поддержку и получаю в ответ взгляд, наполненный благодарностью. Ему нелегко делиться, но он, пересилив себя, всё же рассказывает, по какой причине желает уничтожить Воронова и мэра. Повторно окидываю взглядом Риту, а затем Воронова.

– Не смотри так, – одёргивает Островский. – А то ещё решит, что ты слюни пускаешь на её мужа, и плеснёт кислотой в лицо. Уже двоих так остудила, потому что слишком открыто выражали симпатию Шакалу.

– Вы серьёзно?

– Более чем. Выбрала?

Костя вызывает официанта, который принимает заказ. Я остановила свой выбор на лёгком салате и чае, а вот Островский пожелал мясо, но отказался от десерта.

– Давно спросить хотела: почему панна-котта?

– Этот десерт любила моя жена.

– Это дань памяти или же ваши предпочтения?

– Первое.

– Не думали разнообразить свой завтрак?

– Не думал, – упирается рукой в подбородок, не сводя с меня взгляда. – Но мне понравился слоёный десерт, который ты приготовила для первого ужина в доме Алика.

Рассматриваю его лицо, на которое падает дневной свет, признавая, что он красив, даже несмотря на глубокий шрам. Необычный цвет глаз и сейчас вызывает моё восхищение. Осознаю, что тону, не имея возможности выбраться. Что бы он ни говорил, всё моё существо тянется к нему, не желая принимать наступление дня, когда Кости в моей жизни не станет. Если бы он только загорелся желанием жить, я бы помогла подняться и двигаться дальше.

– Смотришь так, будто мы настоящие супруги, – улыбается в ответ Островский. – Со стороны выглядим счастливой парой, которая насмотреться друг на друга не может.

– Ч-что? – Погружённая в собственные мысли, не сразу реагирую на слова Кости.

– Опасался, что ты не сможешь правдоподобно сыграть. Ошибался. Актриса из тебя отменная.

Отвожу взгляд, чтобы Костя не понял – я не играю. Всё, что он сейчас видит, – настоящее, живое и приносящее боль. Я знаю, ничего подобного в ответ увидеть мне не суждено.

– Лена? – негромко окликает, и я переключаюсь на него.

Ничего не говорит, лишь внимательно смотрит. Прямой, испытывающий взгляд пронзает насквозь открытостью и честностью. Если то, что сейчас вижу, – игра, то я не желала бы выходить из неё. Грудную клетку распирает от эмоций,

сковавших меня, но официант, который приносит заказ, отвлекает нас друг от друга.

– Смотри.

Костя протягивает телефон. Статья о нас, вернее, о том, что Островский Константин Сергеевич женился и обзавёлся дочкой четырёх лет. Далее наш совместный снимок с приёма в доме Аронова, где мы стоим обнявшись. У меня ошеломлённое выражение лица, а Парето выглядит спокойным и контролирующим ситуацию. Как и всегда. Затем следует несколько вопросов о личной жизни Кости. Ответы изумляют, потому что Островский рассказывает о случайной встрече, глубоких чувствах и ребёнке, о котором не знал долгое время.

«Так вышло, что с матерью моего ребёнка мы когда-то пересеклись, а после непродолжительных отношений наши пути разошлись. О дочери я узнал не так давно, но теперь всё правильно, и она носит мою фамилию», – следует ответ Парето.

– Чего?! – поднимаю глаза, готовая ударить улыбающегося Костю.

– Это экспромт, – разводит руками. – Придумывал на ходу. Получилось эффектно, согласись.

– А мой муж, получается, неродного ребёнка воспитывал?

– Получается, – соглашается Костя, уплетая мясо. – Подобных случаев миллион, если не больше. Я тоже не своего ребёнка воспитывал.

– Ну знаете… – возмущена настолько, что готова прямо здесь выплеснуть на Островского своё негодование. – Вам нужно было немного времени, а из этого всего, – машу перед его носом телефоном, – получается, у вас долгоиграющие планы на нас.

– Планы немного скорректированы, Лена, – становится серьёзным и сосредоточенным. – Снова. Мне нужно несколько месяцев.

– Несколько? – сглатываю подступающий ком и пытаюсь дышать. И два-то приведут к ужасным последствиям. Для меня. Островский равнодушно через меня перешагнёт и исполнит задуманное, а мне лишь останется оплакивать погибшего мужа. – Я на такое не подписывалась.

– Подписывалась, – указывает на безымянный палец с кольцом. – Причём многократно и на каждой странице.

– Если бы я могла, сию же секунду аннулировала бы договор, – шиплю, тем самым доставляя Косте удовольствие.

– Если бы, – улыбается. Вообще, сегодняшний день перенасыщен отличным настроением Островского. – Но теперь тебе придётся принять любые условия, выставленные мною. Напоминаю, на кону безопасность твоей дочки. *Нашей дочки,* – уточняет.

– Всё это неправильно.

– Заканчивай быть моралисткой и превращайся в Островскую. Фамилия обязывает. Кстати, на следующей неделе День города. В центре будет праздник: концерт, развлечения,

в особенности для детей. Мы должны появиться. С Таисией, как ты понимаешь. И она должна называть меня папой.

– Она не будет, – мотаю головой, уверенная, что он не сможет приказать Тасе.

– Будет. Сама спросила разрешения. Я дал добро.

– Когда?

– Сегодня утром.

– Прекратите обрабатывать моего ребёнка! – повышаю голос, обращая на нас внимание соседних столиков.

– *Нашего.* Я просто напоминаю.

– Вы… вы… – задыхаюсь от негодования.

– Сволочь? – Костя скалится, ожидая от меня оскорблений в свой адрес.

– Непробиваемый! – вспоминаю характеристику, озвученную Гришей.

– Это общеизвестный факт. Придумай что-нибудь новенькое, – с аппетитом поглощает мясо, опустошая тарелку. – Знала, за кого выходила замуж.

– Не знала, потому что была участником вашей игры с того самого момента, как переступила порог дома Аронова. Более того, находилась в неведении до вчерашнего дня, когда вы наконец соизволили ввести меня в курс дела.

– Перестань «выкать». Я твой муж.

– Не могу, – растерянно смотрю на Островского.

Мысленно повторяю: «Костя, Костя, Костя…» А язык не желает произносить.

– Почему?

– Просто не могу, – ухожу от ответа.

Как только я произнесу «Костя», выстроенная мною стена, отделяющая от чувств к Парето, рухнет, сделав уязвимой. Таким способом я абстрагируюсь, чётко обозначив границы дозволенного по отношению к нему. Секс – это ещё не любовь, фиктивный брак не семья, а роли, которые мы исполняем, искусственно созданы. Сдержать себя, не рухнув в Островского, – моя основная задача. Иначе, оставшись без него, не выберусь.

– Константин Сергеевич, поздравляю с прекрасным событием в жизни! – От неожиданности шарахаюсь в сторону, потому что, зациклившись на Косте, не сразу замечаю подошедшего мэра.

Островский поднимается и пожимает ему руку. Скупой жест благодарности. И даже представить не могу, насколько Парето внутри выворачивает. Правила приличия, не позволяющие прямо сейчас свернуть шею Зарецкому.

– Благодарю, – сухо, в стиле Парето.

– Познакомьте с новоиспечённой Островской, – игнорирует Костю, переключая внимание на меня.

– Елена, моя жена, – поднимаюсь, и Костя слегка подталкивает меня в спину, выставляя на первый план.

– Антон, знакомься.

За спиной мэра вырастает Воронов. Проходится по мне оценивающим взглядом, слегка теряется и посматривает на

жену. Уверена, он помнит неприятную сцену в торговом центре. В памяти тут же всплывает его омерзительное поведение. А когда представляю, что именно он планировал причинить вред Тасе, эмоции рвутся наружу.

– А мы знакомы, – растягиваю губы в улыбке. – Так ведь, Антон Олегович? Виделись на приёме у Аронова, а потом в торговом центре. Встреча была неожиданной. И кстати, не совсем приятной. А вы жена? – обращаюсь к Рите, которая тут же кивает. – О, даже так? А мне показалось, когда вы выражали мне свою искреннюю симпатию и надежду на более *тесные* отношения, позиционировали себя как свободный мужчина.

Воронов даже на секунду прикрывает глаза, видимо мысленно склоняя меня во всех падежах. И уже в следующую секунду готов провалиться сквозь землю под гнётом двух пар глаз: жены и тестя.

– Я неправильно выразился, Елена, – делает попытку оправдаться.

– Нет-нет, – обрываю Антона, – вы точно и очень навязчиво, предлагали мне себя. У меня отличная память, – расплываюсь в самой милой из возможных улыбок. – Подтверди, дорогой.

– Однозначно, – поддакивает Островский. – Она у меня всё помнит. Невероятная женщина, – ласково целует меня в висок.

На секунду трое перед нами растерянно косятся друг на

друга, и я понимаю: Воронову предстоит объясниться, в первую очередь перед Ритой.

– Вот интересно, Лена. По моим сведениям, вы ещё недавно были замужем за другим человеком. И в свидетельстве о рождении отцом ребёнка значился именно он. Ошибка или вы обманывали мужа долгое время? – Взгляд Шакала загорается в предвкушении удачной провокации.

И точно – Шакал. Прав Островский. Но сейчас во мне кипит обида, и я не против, чтобы Воронов передал Роме подробности сегодняшней беседы. К родному ребёнку он относился не лучше, чем к посторонним.

– Ни то, ни другое, – не сразу нахожусь, что ответить. – У нас с Костей глубокая и драматичная история любви. Но теперь мы вместе, а дочка находится рядом с настоящим отцом.

– Семья воссоединилась, – показная радость Парето умиляет, но я знаю, для чего это представление.

– Что ж, надеюсь, что теперь, Константин Сергеевич, вы будете посвящать всё свободное время семье. Есть проблемы, которые не стоят вашего внимания. Сосредоточьтесь на прекрасной жене и дочке, – скалится мэр, обращаясь к Косте. – Ведь близкие всегда страдают в первую очередь… от недостатка внимания. – Хищный оскал и интонация определяют скрытый подтекст паузы в предложении. Явная угроза Островскому. Если он ошибётся, пострадаем мы с Тасей.

– Анатолий Владимирович, непременно воспользуюсь ва-

шим советом.

Разговор тухнет. Зарецкий в сопровождении зятя и дочери покидает ресторан. Смотрю в окно, где Рита активно жестикулирует перед лицом Воронова. Вероятно, настолько вспыльчива, что её терпения хватило только на то, чтобы выйти за дверь.

– Ты маленькая язва, – обнимает меня Костя.

– Не могу создать ему крупных проблем, как вы, но, если жена спустит на него всех собак, припоминая мои слова, а тесть добавит, я получу удовлетворение.

– И нам пора.

Островский оплачивает счёт, оставляя хорошие чаевые. Своими выпадами я немного повысила градус его настроения. Сегодня он такой, завтра всё может измениться, вернув привычного Парето.

– Кстати, кто это был?

– Воронов, – уверенно отвечаю. – У мужа другой голос. Отличия практически незаметны для того, кто не знает. Коечто не даёт мне покоя после рассказа о ревности Риты. Допустим, Рома встанет на место Воронова, сядет за него в тюрьму, а Зарецкая?

– Здесь всё проще простого. Незадолго до финального акта Шакал исчезнет. Возможно, изменит внешность с помощью пластики. Другое имя, правдивая история, подтверждённая фактами, список заслуг, и вот уже у мэра новый помощник, а у Риты новая любовь. Скорбящая вдова, выдер-

жав положенный траур, выйдет замуж.

– Вдова? Вы намерены убить и Рому?

– Нет. Он-то мне как раз и не нужен. Но таких свидетелей, как правило, в живых не оставляют. Где гарантия, что спустя год или два Орлов не проговорится? Где гарантия, что я его не расколю, подослав своего человека в тюрьме? Если бы Воронов исчез и осел в другой стране, плевать на твоего мужа. Но с такой кормушки не соскакивают. Только не Шакал. Слишком жадный.

– Почему всё так сложно? – откидываюсь на сиденье и закрываю глаза, не в силах разобраться в замысловатых хитросплетениях.

– Потому что одни желают мести. Другие – выжить во что бы то ни стало.

Внутри мучительно щемит. Понимаю, что затеянная Островским игра завершится независимо от появления в его жизни нас с Тасей. Не знаю, что сказать Косте, чтобы он изменил планы и хотя бы попытался наладить свою жизнь без оглядки на прошлое. Но ему откровенно плевать на мои желания. Будь я на его месте, давно бы махнула рукой и создала что-то новое. Мне так кажется. Легко рассуждать, когда это не твои страхи. Поворачиваю голову, внимательно его рассматривая. Мысли о будущем волнуют, и хотелось бы, чтобы и Костя в нём был.

– Месть любой ценой?

– Да, – молниеносный ответ.

– Даже если цена я и Тася?

Островский делает глубокий вдох и молчит, отказавшись от комментариев. Но чем больше я думаю о том, во что ввязалась не по своей воле, тем больше переживаю за дочку. В горле стоит противный ком, а перед глазами пелена. Въезжаем на просторную парковку многоэтажного дома, больше похожего на комплекс. Костя останавливается, глушит двигатель, но не выходит из машины.

– В случае проблем у таких людей, как вы, первыми под раздачу попадают близкие. Они средство давления для достижения нужного результата, – начинаю неуверенно, высказывая свои страхи. – Намёк Зарецкого был предельно понятен.

– Я не совершаю ошибок, Лена.

– Просто хочу, чтобы вы помнили: ваша ошибка может стоить нам жизни. Знаю, вас мало трогает моя судьба, но помните, пожалуйста, о Тасе. Ей всего четыре, – не сразу понимаю, что плачу, небрежно смахиваю слёзы ладонью, но упорно хочу достучаться до Островского. – Она слишком маленькая, чтобы понять суть ситуации, в которой мы оказались. Дочка прониклась к вам симпатией с первого дня. Она верит. Почему – не знаю.

Костя наконец покидает машину, открывает передо мной дверь. Выхожу, не спрашивая, где мы и с какой целью приехали. Следую за ним, оказываясь в лифте. Едва сдерживаюсь, чтобы не разреветься. Выдержка подводит.

– Лена…

– Тася – самое дорогое, что у меня есть, – продолжаю, не дожидаясь его объяснений. – Ради неё я готова на всё. Даже на то, что считаю аморальным и неприемлемым. Только скажите, Константин Сергеевич, – поднимаю заплаканные глаза, сталкиваясь с пустым взглядом. Его не трогают женские слёзы. Сомневаюсь, что Парето вообще способен на чувства из разряда сострадания и жалости. Но я упорно бьюсь головой о стену. – Только скажите… – шепчу, глотая слёзы трясущимися губами.

Островский вталкивает меня в квартиру и закрывает дверь, погружая нас обоих в темноту. Не в силах больше сдерживаться, утыкаюсь лбом в его грудь и отпускаю себя, сотрясаясь в рыданиях. Какое-то время Костя остаётся безучастным, но затем обнимает, прижимая к себе, и гладит по голове. Не могу остановиться. События последних дней сметают эмоциональной лавиной, которая не поддаётся контролю. Он снимает с меня пальто, пиджак, подхватывает на руки и куда-то несёт. Оказываюсь на кровати, Костя ложится рядом, оплетает руками и ногами. Проваливаюсь в безмятежность, продолжая всхлипывать на его груди, а, почувствовав себя в безопасности, через какое-то время засыпаю.

Глава 24

Просыпаюсь от звука будильника, который не желает замолкать. Противная трель раздаётся с правой стороны, и я шарю рукой, чтобы отключить раздражающую мелодию. Погружаясь в тишину, открываю глаза и осматриваю комнату. Большая спальня в серых тонах. На стуле одежда Островского, в которой он был вчера, а рядом мой костюм. Я в одном нижнем белье, вероятно Костя меня раздел, чего я не почувствовала. Поднимаюсь и выхожу из комнаты, сразу попадая в нужную дверь – ванная.

В зеркале меня встречает женщина с опухшим лицом и красными глазами. Нещадно болит голова, и я массирую виски, чтобы хоть немного унять боль. Привожу себя в порядок и натягиваю мужской халат, который висит здесь же. Иду по коридору, заглядывая в каждую комнату и надеясь увидеть Островского. Нахожу его на кухне сидящим за столом с кружкой кофе. Уловив движение, поднимает голову, изучая меня.

– Где мы?

– У меня. В моей квартире. В последнее время редко здесь ночую, да и живу набегами.

– Ну да, – усмехаюсь, – сюда я точно не приду по первому зову. Далековато от моего коттеджа.

Опускаюсь на стул и подвигаю к себе кружку, нагло при-

сваивая его кофе. Безумно вкусно, наверное, потому что его сварил Костя. Прямо передо мной прозрачный контейнер с кусочками десерта. Беру один из них и с жадностью уплетаю, запивая кофе.

– Вкусно?

– Сносно, – разглядываю кусочек, пытаясь определить состав начинки.

– Заказал несколько видов сладкой лазаньи, но ни один из них не похож на твой.

– У меня свой рецепт. В кондитерской так не приготовят. В кафе, где я работала, мои десерты хорошо продавались. Одно время Армен предлагал купить рецепт, но я отказала. Сейчас жалею. Были бы у меня деньги, ушла бы от Ромы, сняла жильё и никогда бы не встретила вас, – задумчиво смотрю на Парето, доедая кусочек и облизывая пальцы.

– Лена, как я и говорил, мне нужно время. Возникли сложности с выводом оставшихся активов за границу. Но я решаю этот вопрос. К тому же пока не понял, в какой момент Воронов сольётся, представив на всеобщее обозрение Рому. Что касается твоего бывшего мужа, то он исчез с моих радаров. Телефон, с которого Орлов тебе звонил, выключен, и местоположение не отслеживается. Человек, который работает в команде Зарецкого и поставляет мне сведения, не выходит на связь несколько дней. Полный информационный вакуум и отсутствие предположений: где, кто и когда. Зарецкий надеется, что примитивными угрозами остановит меня,

и сомневается, что я пойду до конца, не желая понести наказание. Пусть так и думает. Таисия останется на территории под присмотром Григория. Я увеличил охрану вдвое. Алику тоже не помешает, потому что он всё это время активно принимал участие в организации моей мести. Он давно ушёл из политики, но это не отменяет его высокого положения и уровня влияния на некоторые структуры. Осталось немного. Скоро всё закончится, и ты получишь всё, что заслужила.

– И вас?

– Всё, что прописано в брачном договоре.

– Я не хочу денег. Я хочу вас, Константин Сергеевич. В качестве настоящего мужа.

– Ты не понимаешь, о чём просишь, Лена, – произносит с ледяным спокойствием, разрушая остатки моего самообладания.

Плевать, что он думает обо мне. Как бы я ни старалась относиться к Островскому равнодушно, глупое сердце рвётся к нему, надеясь на невозможное. Я медленно, но верно влюбляюсь в человека, который этой самой любви не заслужил. Но разве можно заставить себя ничего не чувствовать? В секундном порыве снимаю с пальца кольцо и швыряю в него. Не дожидаясь реакции, иду обратно в спальню, забираюсь прямо в халате под одеяло, накрывшись с головой, и вновь засыпаю, мечтая проснуться, когда всё закончится.

Открываю глаза и сразу понимаю, что одна. Не в комнате – в квартире. Всегда остро чувствую присутствие Остров-

ского. Смотрю на часы, понимая, что проспала несколько часов. Набираю Ларису Петровну, от которой узнаю, что Тася в порядке. Вчера Парето предупредил, что мы останемся в городе, а женщина заботливо уложила дочку спать. Ребёнок лишь интересуется, купит ли ей Костя карету, которую обещал. Эти двое вновь за моей спиной решают всё между собой, не учитывая иного мнения. Раздражает, что Костя подобрался к моему ребёнку так близко, потому что Тася будет страдать, когда он исчезнет из нашей жизни.

Плетусь на кухню и, открыв холодильник, поражаюсь обилию продуктов. Островский почти всё время проводит в доме Аронова, но несмотря на это, о своей квартире не забывает. Или же здесь на постоянной основе проживает кто-то другой? Женщина? Из разряда Гронской, например.

Откинув удручающие мысли, принимаю решение приготовить фруктовую лазанью, о которой говорил Костя. Хочется сладкого, но собственного приготовления. Это не для него – для меня. Готовка всегда перенаправляла мою энергию в другое русло. Когда я создаю десерт, откидываю тяжёлые мысли, стараясь думать исключительно о светлом и тёплом. Например, о Тасе. Прикидываю, кем бы она могла стать, когда вырастет, и как сложится её жизнь. Но сейчас отчего-то не меньше заботит собственная и место Кости в ней.

Разрезаю лазанью на небольшие кусочки и завариваю чай, вдыхая аромат барбариса, который разносится по кухне. А обернувшись, вижу за столом Островского. Его способности

появляться неожиданно можно лишь позавидовать. Ставлю перед ним тарелку и наливаю горячий напиток, подвигая ближе. Следующие двадцать минут проходят в полной тишине в диалоге взглядами. Возможно, Костя ждёт от меня первого шага. Не сейчас. Не готова к разговорам в любом формате. Поднимаюсь, чтобы убрать посуду и поставить остатки десерта в холодильник.

– Через два часа мы должны быть на приёме у мэра, – последнее, что я слышу, когда покидаю кухню.

В спальне нахожу пакеты с вещами, которые приобрели вчера. Перебираю варианты, пока не останавливаюсь на длинном платье цвета красного вина с прозрачными рукавами и глубоким декольте, скреплённым тонкой цепочкой. Смотрится великолепно в сочетании со светлой кожей и медовыми волосами. Непривычно, не в моём стиле, но идеально отражает моё эмоциональное состояние в данный момент. Высокая причёска, лёгкий макияж глаз и помада в тон платью довершают образ. Кручусь перед напольным зеркалом, когда за спиной вырастает Островский в смокинге. Цепляемся взглядами в отражении, оценивая друг друга. Ему однозначно нравится то, что он видит. Я знаю этот взгляд: изучающий, цепкий, голодный. Невербальные сигналы, исходящие от Кости, громче слов. Если бы люди не отворачивались при виде него, он не казался бы таким загадочным. Право доступа имеют лишь единицы. Хочется верить, что я в их числе. Хотя бы временно.

Уже в машине закрываю глаза, мечтая оказаться в коттедже без Островского, накрывшись с головой одеялом. Не желаю находиться среди множества людей, нацепив дежурную улыбку. Ещё меньше хочется беседовать с мэром или Вороновым. Но, видимо, придётся, раз Костя настоял на нашей поездке. Останавливаемся перед огромным особняком, в сравнении с которым дом Аронова кажется незначительным. Много дорогих авто и людей.

Собираюсь выйти, но Костя останавливает, берёт мою правую руку и надевает обручальное кольцо.

– Ещё раз посмеешь снять, приколочу намертво. – Стальные нотки в голове пробирают до костей.

– Вы относитесь слишком серьёзно к несерьёзным вещам. Напоминаю – наш брак фиктивный.

– Ещё утром ты требовала, чтобы он стал настоящим.

– Это было давно и неправда, – вздёргиваю с вызовом подбородок. – Женщинам свойственна перемена настроения в зависимости от условий, в которых они оказываются. Вы поставили меня не в самые лучшие, именно поэтому моё настроение в данный момент по шкале от одного до десяти примерно на уровне минус два. Там, – указываю на дом, – надеюсь встретить Викторию как единственного приятного собеседника за последние два дня.

– А я, значит, неприятный собеседник, Лена? – приблизившись, дышит мне в губы.

– Зачем задавать вопрос, на который вы знаете ответ.

Слишком умны для того, чтобы выставлять себя идиотом. Тем более передо мной.

– Ты быстро учишься, что радует и огорчает одновременно. Глупая женщина проста в управлении, умная же возбуждает тем фактом, что может оттрахать ещё и мозг.

– А вот на секс сегодня не рассчитывайте, – фыркаю, собираясь выйти.

– Даже спрашивать не буду.

– Возьмёте меня силой?

– Сама попросишь.

– Ещё чего!

И я бы продолжила марафон возмущений, если бы не Костя, который, скользнув рукой в разрез платья, оказывается между моих ног. Пальцы ласкают плоть через тонкую ткань трусиков, вызывая мгновенный пожар. Надавливает сильнее и массирует клитор, вырывая мой протяжный стон. Оставляет на шее поцелуи, прикусывая кожу в такт нажатиям на возбуждённый бугорок, а я выгибаюсь на сиденье, разводя ноги шире. Пробирается под кромку белья и скользит по складкам, врываясь в текущую от возбуждения узость. Несколько толчков внутри, а я готова скулить от приятных волн, концентрирующихся между ног. На грани контроля и реальности прошу Костю не останавливаться, и когда почти срываюсь с обрыва в бесконечность, всё прекращается. Открываю глаза, желая возмутиться неоконченным порывом, наблюдая дьявольски довольное лицо Островского. Демонстратив-

но облизывает пальцы, смакуя мою влагу. Это так же порочно, как в прошлый раз, только сейчас я готова сама засунуть его руку между своих ног и завершить начатое.

– Попросишь. – Обволакивающий шёпот и голодный взгляд обдают жаром.

Выходит из машины и ждёт, когда я последую его примеру. Чёртов Парето! Неудовлетворённость уничтожает остатки позитивного настроя. Видимо, сегодняшний вечер обещает быть омерзительным во всех смыслах.

– Возьми меня под локоть и улыбайся.

– Если бы вы закончили начатое, я бы сейчас улыбалась во все тридцать два совершенно искренне.

– Обещаю сегодня порадовать тебя. Как минимум пару раз.

– Не помню, чтобы я об этом просила, – закатываю глаза.

Откровенные провокации с моей стороны бьются о бетонные преграды самообладания Островского. Вряд ли я способна задеть того, кто не способен на эмоции.

Дом нас встречает множеством лиц, часть из которых знакома с приёма в доме Аронова, но в большинстве своём я с открытым ртом рассматриваю мужчин и изысканных женщин рядом с ними. Несмотря на образ, вряд ли я способна составить конкуренцию кому-то из них.

Но Островский представляет меня каждому, кто задерживается в приветствии. Люди недоумённо рассматривают меня, как нечто нереальное. Вероятно, все настолько привыкли

к Косте в единственном экземпляре, что сейчас шокированы его скорой женитьбой и неожиданным отцовством. Лишь потом понимаю: они удивлены *моему* присутствию рядом с Парето. Но его это ничуть не смущает, и сейчас рядом со мной Костя, каким предстал в ресторане перед мэром.

– Поздравлять с «радостным событием» не стану. Потому как не с чем, – салютует бокалом Виктория, появившаяся рядом.

– Спасибо, – улыбаюсь, – честно – спасибо вам.

– Давай на «ты». – Киваю, успев ухватить бокал с шампанским с подноса официанта. – Я как никто понимаю, что Островский просто так ничего не делает, тем более не женится и не объявляет о наличии официального наследника.

– Альберт Витальевич сказал?

– Нет. От объяснений отказался. Да и не нужны они, Лен. Лишь обронил недовольное из серии данного Островскому шанса, которым он категорически не желает воспользоваться. Насколько я понимаю, шанс – это ты.

Нечто подобное Аронов бросил Парето в споре, свидетелем которого я стала, скрываясь в гардеробной. Аналогичную претензию получил в ответ. Но на безымянном пальце Виктории и сейчас отсутствует кольцо, что означает – мужчины делать первый шаг не желают, упиваясь привязкой к прошлому.

– У Парето есть цель, я лишь одно из множества средств на пути к её достижению. Банально, но правда.

– Мой тебе совет, Лена: беги при первой же возможности, иначе пойдёшь ко дну вместе с ним.

Смотрю на Вику понимающим взглядом, одновременно ловлю себя на мысли, что бежать не хочется. Только если к нему.

От количества мелькающих лиц рябит в глазах. Прихватив второй бокал, иду к выходу в дальней части холла, предварительно отметив, как из дверей появляются парочки. Попадаю в оранжерею, длинную, метров пятнадцать, которая заставлена растениями в больших кадках. Их стволы несколько метров высотой, а листья нависают сверху. Создаётся впечатление, что ты оказался в тропическом раю, где поют птицы и слух ласкает шум воды. Так и есть: фонтан со статуей мальчика, который на плече держит кувшин посредине чаши, где журчит вода. Присаживаюсь на край фонтана и провожу пальцами по воде, которая оказывается прохладной, но достаточно комфортной. Сюда бы Костю, чтобы насладиться тишиной и уединением.

– Добрый вечер, – слышится рядом знакомый голос. Слишком знакомый. – Не стоит Константину Сергеевичу оставлять красавицу-жену в одиночестве.

Поворачиваюсь к собеседнику и цепенею на миг. Рома. Любой другой скажет, что Воронов. Так и происходит, когда мимо нас проскальзывают гости, приветствуя мужчину. Но для меня различия настолько очевидны, что последние сомнения улетучиваются, когда вижу едва заметный шрам над

левой бровью. В прошлом году муж, не устояв на ногах после принятия значительной дозы спиртного, скатился с лестницы и разбил лицо. В травмпункте наложили три шва.

– Знаешь, – уверенно начинаю, – в моей голове крутился с десяток вопросов, на которые я желала получить ответ. А сейчас хочу сказать лишь одно: какая же ты сволочь, Рома!

Дёргается в сторону от неожиданности сказанного, но останавливается, впиваясь в меня взглядом. С самообладанием у него всегда было не очень, и любой непредвиденный выпад мгновенно дезориентировал.

– Это вы у Парето научились видеть то, чего на самом деле нет? – Попытка улыбнуться проваливается, когда Рома нервно перебирает пуговицы на рубашке.

– Я не идиотка, более того, не слепая. Общалась с Вороновым. Настоящим. А тебя знаю восемь долгих лет. Невозможно быть тем, кем ты не был изначально. В твоём случае. Так что прямо сейчас я бы хотела знать, по какой причине я и дочь оказались на улице? Так боялся за свою задницу, что не предоставил нам шанса выжить? Или на это и был расчёт?

Несколько минут тишины, а затем Рома поясняет:

– Захотелось другой жизни. Без твоего нытья, детских визгов и стонов бабки. – Его лицо искажается в презрительной улыбке.

– Она была твоей бабушкой.

– Не была! Нашла меня мелкого на улице. Кто и откуда, сам не знал, даже имени не помнил. Назвала Ромой, а всем

сказала, что неожиданно объявившийся внук, хотя детей у неё не было. Договорилась, бумажки сделала. Тогда с этим не так строго было, никто не выяснял, откуда взялся ребёнок. Заботилась, кормила, растила, даже любила, – горько усмехается и смотрит поверх меня, вспоминая что-то своё. – Я был благодарен, но особой любви к ней не испытывал. Всё надеялся, что откинется и квартира моей будет, но и тут облом: взъелась за синьку и на тебя завещание написала. Рвал и метал, желая избавиться от тебя. А тут мужик подкатил какой-то в мастерскую: колесо пробил, а запаски не было. В любом другом случае у нас не оказался бы. Внимательно меня рассматривал, а через пару дней вернулся с предложением. Согласился. За такие бабки любой бы согласился. Зря оружие в дом притащил, конечно, – потирает подбородок, прохаживаясь из стороны в сторону. – Но я его отыскал, – подмигивает, – нужно было подальше от дома выбрасывать. Он же риелтора нашёл и помог от тебя избавиться. Надеялся, что сгинешь, но нет, выползла. – Каждое слово произнесено с ненавистью, презрением, сквозит омерзением и каплями яда.

– Ладно я, – голос хрипит от обиды, – но Тася… Она твоя дочь. Ребёнок, который ничем перед тобой не провинился.

– Плевать. Я осознал, что хочу другой жизни. Красивой жизни. Ты бы в ней стала лишней.

– А убийство как залог красивой жизни? – даю понять, что в курсе сделки с Вороновым.

– Гарантия преданности.

– Ты человека жизни лишил!

– К сожалению, не того. И всё же преданность свою доказал, – довольно ухмыляется, подходит ближе и нависает надо мной. – А ты времени не теряла, я смотрю, – кивает на кольцо, – замуж вышла. Хотя все понимают, что брак договорной. Даже в состоянии безумия добровольно стать женой Парето никто не согласится.

– А может, мне тоже заплатили, – вздёргиваю подбородок в вызове и смотрю не отрываясь на Рому.

– Тогда, предполагаю, ты бессовестно богата.

– Ты даже не представляешь насколько!

Обида на бывшего мужа, оставившего нас с дочкой на произвол судьбы, нещадно душит, вызывая желание зацепить за живое, причинив боль сродни моей. Сейчас я понимаю: разговоры бессмысленны, а аргументы не будут приняты человеком, который сосредоточен на себе одном. Мне его не жаль. Он же к нам тёплых чувств не испытывает. Корю себя лишь за то, что слишком долго была слепа, не различая истинного положения вещей.

– Была бы ещё богаче, если бы согласилась перейти на другую сторону, приняв предложение Антона, – намекает на нашу беседу с Вороновым в торговом центре, о которой Рома, видимо, оповещён.

– Скорее была бы уже мертва.

– Он дал бы тебе всё, – не унимается, шипит, понижая

голос. – Как мне.

– Огорчу тебя: шестёрки всегда умирают первыми. – И сейчас вспоминаю заключение Парето: от Ромы избавятся, как от отработанного материала, когда его роль будет сыграна. Костя прав. В принципе, как всегда. – Партия разыгрывается наверху, и таких, как ты, в нюансы игры не посвящают. Ты занял не ту сторону. Когда это осознаешь, будет слишком поздно.

Рома взрывается хохотом, привлекая к нам внимание.

– И когда это ты стала такой проницательной? – цокает, качая головой. – Ну прям опытный игрок, посвящённый в правила. Я нужен ему, – цедит сквозь зубы, – нужен, поняла? И за это мне готовы платить очень большие деньги.

– Мёртвым деньги не нужны.

Рома наивен, словно четырёхлетний ребёнок, хотя сейчас мне кажется, что Тася имеет больше понимания. Рассмотрела же она в Островском то, чего никто видеть не желал, безоговорочно доверившись ему.

– Ты слишком быстро проникся ненавистью к Парето, хотя, думаю, даже лично с ним незнаком. Почему?

– А ты в курсе, что он убил младшего брата Воронова, который с его сыном вместе учился? Отомстил, так сказать.

– Не верю, – вырывается мгновенно.

Навскидку младшему Воронову сейчас около двадцати. Месть движет Костей, но он не из тех, кто осуществит желаемое через родных. Его гнев направлен непосредственно на

организаторов.

– Он не тот, кем кажется, Леночка, – противно растягивает моё имя. – Что, прониклась чувствами к чудовищу? – приподнимает бровь, в ответ получая лишь молчание. – Оу! Да ладно! Так ваш брак не представление? Ни хрена себе, – язвительно прыскает, довольный собственной догадкой. – Не воротит от его рожи?

– Нет. Наоборот.

– И как, – приближается вплотную, – хорошо тебя трахает Парето?

– Я привык всё делать хорошо. – Металлический голос, словно ударная волна, отталкивает от меня Рому, который отступает на несколько шагов, являя Костю.

Расслабленно выдыхаю, радуясь его появлению. Несмотря на устрашающий вид и наши перипетии, рядом с Островским чувствую себя защищённой. Подходит, обнимая меня и притягивая к себе. Простые движения, показывающие Роме, кому я принадлежу. Никто более не имеет права на то, к чему приложил руку Парето.

– Ещё вопросы есть? Не нужно стесняться. – Спокойный тон и улыбка на лице Кости – обманка, Рома нарывается на грубость. – Готов поделиться подробностями нашей с женой интимной жизни.

Бывший муж растерян и озадачен: его не готовили к открытому столкновению с Парето. Переняв основные повадки Воронова, он всё же остаётся собой, когда отступает. Ост-

ровский, отпуская меня, направляется прямо на Рому со словами:

– Я не закончил.

Глава 25

Внимательно наблюдаю за мужчинами, которые застыли друг напротив друга в напряжении. Губы Островского двигаются, но что именно он произносит, не могу разобрать, наблюдая лишь испуганный взгляд Ромы, который, кажется, даже не моргает.

В сумочке вибрирует телефон, и я, достав его, вижу на экране «Валя». Смахиваю пальцем, скидывая звонок, но делаю что-то не так и включается камера. Островский купил мне навороченный гаджет, в функциях которого я так и не разобралась до конца, постоянно включая что-то не то. Так несколько раз звонила Петровне, даже не зная об этом, и отправляла кому ни попадя сообщения.

– Чёрт, – ругаюсь на себя же, нажимая на всё подряд, когда рядом раздаётся хлопок, сопровождающийся женским криком.

Застыв с телефоном в руке, вижу, как у ног Островского лежит Рома, из-под тела которого расползается красное пятно. Не сразу доходит, что это кровь, а бывший муж мёртв. Секунда, забравшая жизнь человека, который когда-то был дорог. Едва дышу, не сводя взгляда с тела. Не могу пошевелиться, но ко мне подходит Костя и закрывает собой страшную картину.

Несколько минут, и оранжерея заполняется людьми в

форме, которые галдят и почему-то обступают Островского, отталкивая меня в сторону. Я, словно погружённая в пелену, воспринимаю голоса и звуки отдалённо и неразборчиво, не понимая, что произошло на самом деле. Внимательно наблюдала за разговором двух мужчин, но отвлеклась на пару минут и случилось непоправимое. Оседаю на край чаши фонтана, не выпуская из вида Костю. Рядом с ним появляется Аронов, присоединяясь к диалогу. Неожиданно влетает Рита, которая бьётся в истерике, рыдая над телом не своего мужа. Мэр успокаивает дочь и тычет пальцем в Парето, который лишь закатывает глаза. Людей в форме становится непривычно много, и все они подходят к Островскому, а затем движутся ко мне. Но их привлекаю не я, а пистолет, который полицейский, наклонившись, достаёт из фонтана. И только сейчас понимаю, что разыгранный спектакль с настоящим убийством «Воронова» всеми силами желают повесить на Костю.

Встретившись взглядами с Островским, удостаиваюсь сухого кивка, открыто говорящего, что всё под контролем и переживать не стоит. Но я волнуюсь, и удивительно, что тело бывшего мужа, накрытое чёрным полотном, заботит меня меньше, чем судьба Кости.

Самое удивительное, что Зарецкий, который скачет вокруг Кости, поддерживаемый криками дочери, не удивляет сотрудников правопорядка, а будто направляет. Неужели никто этого не видит? Осматриваюсь в поисках поддержки хоть

одного человека в помещении, но часть гостей с интересом следит за развитием событий, часть не стесняясь фыркает и кривится, иные же удовлетворённо скалятся, посматривая на Островского. Исключение составляет лишь Аронов, который не отходит ни на шаг от Кости. Обо мне будто все забыли, как о несущественном элементе.

Проходит много времени, прежде чем тело Ромы выносят, а дом мэра пустеет, освободившись от гостей, а я так и сижу на бортике фонтана, застыв словно изваяние. Островского выводят, затем заводят обратно, указывая на место, где какое-то время назад лежал мой бывший муж, и все, как один, повторяют: «Воронов, Воронов, Воронов…» Вероятно, об этом и предупреждал Парето, когда говорил о партии Ромы. Роль главная, но увы, сыграна единожды.

Мой телефон вновь подаёт признаки жизни. Я так и просидела с ним, зажав в ладони. Пытаюсь отклонить звонок от Вали, проводя по экрану, но нажимаю не туда и открываю галерею. Последним элементом стоит видео, которое, скорее всего, сняла непреднамеренно, отклоняя предыдущий входящий. На заставке Островский. Нажимаю, охая, потому что случайно засняла момент, когда мужчины беседовали в стороне. Их спор прерывает тот самый хлопок, который я слышала, и Рома падает навзничь. Срываюсь со своего места, подлетаю к Аронову и тычу в лицо телефон.

– Альберт Витальевич, тут это…

– Лен, не сейчас, – отмахивается, вслушиваясь в слова по-

лицейского. – Островского арестовали.

– Нет! – насильно разворачиваю его к себе. – Смотрите!

И только после моего выкрика хозяин переводит взгляд на экран. Минута, которая подарит свободу Косте. Забирает у меня телефон, указывая отойти в сторону и дождаться Парето. Прохаживаюсь из угла в угол в пустой оранжерее в ожидании новостей. Оно томительно и невозможно. Накручиваю себя до предела, когда в дверях появляется Костя в сопровождении Аронова. Молча берёт меня за руку и тащит к выходу. Когда проходим через холл, ловлю на себе яростный взгляд Риты и Зарецкого, которые, кажется, готовы вцепиться мне в глотку.

– Сразу поняла, что это был Орлов? – спрашивает Костя, как только оказываемся в машине вдвоём.

– Да.

– Как ты это засняла?

– Случайно. Хотела сбросить звонок, нажала куда-то не туда. До сих пор не разобралась с этим сложным аппаратом, который вы мне подарили… Наверное, моих мозгов хватит только на кнопочный, а вы мне такой телефон купили… Иногда мне кажется, что он умнее меня. А ещё…

– Спасибо.

Заворожённо смотрю на Островского, благодарность которого значит больше, чем все существующие слова, вместе взятые.

– Вас обвинили в убийстве Ромы? То есть Воронова?

– Да. Не предполагал, что Шакал так глупо и топорно разыграет основную карту. На идиота он не похож, – морщится Островский, размеренно ведя машину. – Это скорее в стиле импульсивной Риты.

– Она способна убить?

– Легко.

– А вы?

Меня награждают тяжёлым взглядом, под которым сжимаюсь, мечтая испариться из автомобиля.

– К чему такие вопросы?

– Рома сказал, что вы убили брата Воронова. Того самого, который учился вместе с Никитой.

– Парень умер от передоза через три месяца после моего сына. Вины Шакала здесь больше, чем чьей-либо, потому что брат сидел на его дури. Несмотря на желание отомстить, задействовав любые средства, я бы никогда не стал сводить счёты с пацаном. Только последние отморозки мстят посредством близких. Я не из их числа.

Объяснение Кости успокаивает. Безоговорочное доверие, которое он у меня вызывает, радует и пугает одновременно, потому что я не рассматриваю альтернативу, полностью встав на его сторону. Погружаемся в тишину, сосредоточившись на своих мыслях и переваривая прошедший вечер. Так же молча поднимаемся в квартиру, когда стрелки часов перевалили за полночь, а усталость сбивает с ног. Слишком много событий для одного дня в жизни слабой женщины.

Распускаю волосы, стирая с губ остатки помады, и собираюсь избавиться от платья, когда молния ползёт вниз с помощью ловких пальцев Кости. Отдаюсь во власть сильных рук, позволяя снять одежду, приносящую неудобства.

– Переживаешь из-за смерти мужа? – Костя стоит за спиной, обхватив мои плечи и рассматривая наше отражение в большом зеркале.

– Удивительно, но я больше волновалась за вас.

– Осознание случившегося придёт. Завтра. Или немного позже. Тебя обязательно догонит. Такое нельзя просто забыть, Лена. Любая смерть имеет последствия. Особенно близкого человека.

– Возможно, вы правы. Но за время нашего недолгого с Ромой разговора он уничтожил всё хорошее, что ещё оставалось во мне. Я бы приняла любое оправдание, если бы оно объясняло поступки Ромы, отразившиеся на нас с Тасей, но фраза «Захотелось другой жизни» не приживается во мне как аргумент. Он ведь надеялся, что я не выкарабкаюсь…

Ищу глаза Островского в отражении, хочу увидеть сочувствие и поддержку, так необходимую сейчас нам обоим. Трусь щекой о его руку, которая покоится на моём плече, выпрашивая каплю тепла. Но он безучастен к моим просьбам. Как и всегда. Ладони соскальзывают по плечам, и Костя покидает спальню, прикрыв за собой дверь и оставив меня в одиночестве. И как я могла забыть, что он привык спать один? Прошедшая ночь в этой квартире не показательна, да

и я не помню, был ли он рядом до самого утра. Забираюсь под одеяло, уставившись в темноту и сжимая в ладони край ткани.

Снова и снова всплывает момент смерти Ромы, что удивительно, не вызывающий во мне ни единой эмоции. Словно сегодня умер чужой для меня человек, который не заслужил сочувствия и права на память.

Неожиданно слышу мягкие шаги в коридоре. Островский входит в комнату, хорошо ориентируясь в темноте. Матрас прогибается под тяжестью мужского тела, и крепкие руки притягивают меня к своей груди, погружая в покой. Едва дышу, не желая спугнуть момент. Лишь устраиваюсь в объятиях, положив свою ладонь поверх его горячей, и закрываю глаза, а через короткое время засыпаю под размеренное дыхание мужчины, который на одну ночь всё же позволил мне оказаться ближе, нарушив собственные правила.

***

Встречаю утро в привычном одиночестве. Островский отсутствует, лишь смятая постель напоминает, что я провела ночь с ним. Вероятно, это была немая благодарность за мою помощь в доме мэра, не более, но внутри теплится огонёк надежды, что Костя способен на нечто большее, чем равнодушие.

Набираю Петровну, чтобы услышать в трубке тонкий голосок дочки. Мы не виделись три дня, а я так соскучилась по пухлым щёчкам и бесконечным вопросам маленького че-

ловечка. Не решаюсь ответить Тасе, когда мы вернёмся, потому как Парето меня в свои планы не посвящает, объявляя решения по факту. Ребёнок лишь напоминает об обещанной Костей карете, уточняя, что она заказывала золотую. Уверена, он помнит, и напоминание с моей стороны будет сродни оскорблению.

Около получаса слоняюсь по квартире, раздумывая, чем заняться в отсутствие Островского. Разбираю пакеты с купленной одеждой, примеряя несколько платьев и подтверждая самой себе, что вкус у Кости отменный. Мой скудный до этого дня гардероб разительно отличался от тех комплектов, что мы приобрели. Судя по количеству вещей, Парето запланировал не один выход в свет в моём сопровождении. Меня лишь волнует, надолго ли мы задержимся в городе. Здесь не требуется дожидаться, пока Тася уснёт, и тайком пробираться в его коттедж, реагируя на приказ явиться: полный доступ к моему телу в любое время.

Звонок от Вали отрывает от приятного занятия. Вчера я ей так и не перезвонила. Она рассказывает о непредвиденной ситуации и просит сегодня отдать долг, который я и так собиралась погасить. Сейчас, когда мы находимся на полном обеспечении Кости, у меня минимум затрат. Долго извиняюсь перед Валей, чувствую вину за задержку. Но у меня нет карты, на которую можно закинуть наличность и сделать перевод, а значит, единственный выход – отдать деньги лично. Островский никаких указаний не давал, а разрешения поки-

нуть квартиру я не получала, но, заметив на тумбочке ключи, понимаю, что передвижения не ограничиваются стенами квартиры.

Обещаю соседке приехать и вызываю такси. Уже через час стою у дверей знакомой квартиры и жму на звонок. Валя встречает с улыбкой, а заметив на пальце обручальное кольцо, сыплет вопросами об изменениях в моей жизни. Кратко рассказываю о поворотах судьбы, опуская информацию о фиктивном браке и Роме, представляя наш союз с Островским как настоящее. Пусть хотя бы один человек верит в счастье, которое свалилось на мою голову, не одаривая сочувственным взглядом. Увлекаюсь болтовнёй, не замечая, как пролетает несколько часов в приятной компании с человеком, который искренне рад изменениям в моей жизни и появлению Кости на нашем с Тасей пути.

Собираюсь вызвать такси, но понимаю, что оставила телефон в квартире Островского, когда спешила к Вале. Девушка заказывает машину и спускается вместе со мной к подъезду, по пути заваливая вопросами о бывшем муже. Увиливаю, отвечая расплывчато, в конце концов даю понять, что судьба Ромы мне неизвестна, да и теперь не важна. На этой волне возвращаюсь к вчерашним событиям и, пока еду обратно, стараюсь понять: когда же нахлынут ощущения, о которых говорил Островский? Случившееся с Ромой по-прежнему не находит отклика в душе, оставляя безразличной к человеку, который не задумываясь променял нас на матери-

альные блага. Заслуживает ли он сострадания? Нет. Могу ли я его понять? Не думаю. В отличие от бывшего мужа ради дочери я готова пожертвовать всем.

– Вы точно в этом доме живёте? – Таксист кивает куда-то в сторону.

– Да. А что?

– Там что-то горит, – тычет пальцем на здание. – Пожарные машины, МЧС, толпа зевак уже собралась. Раз, два, три… на шестнадцатом этаже. Ещё тушат, – опускает стекло, высовывая голову, – дым валит из окон.

Разглядываю здание вместе с мужчиной, не сразу понимая, что смотрю на уничтоженную квартиру, из которой вышла несколько часов назад.

Глава 26

Расплачиваюсь с таксистом и бегу к дому, возле которого собралась толпа, плотным кольцом обступившая пожарные расчёты. Делаю попытку протиснуться между людьми, но получается не сразу, а когда всё же проскакиваю между толкающих меня локтями, оказываюсь прямо перед парадным входом, который закрыт людьми в форме. Быстро смекнув, что есть ещё один вход с парковки, мчусь туда, издалека замечая машину Островского. Окатывает ледяной волной, когда представляю, что он мог вернуться и его постигла участь Ромы.

На трясущихся ногах иду вглубь, рассматривая автомобили и сосредоточившись на знакомой машине, возле которой никого нет. Уговариваю саму себя, что Костя не мог так глупо погибнуть, движимый целью и способный предусмотреть множество вариантов развития событий. А если нет? Если Парето вернулся, планируя забрать меня и уехать в дом Аронова? И возможно, сейчас я должна была находиться рядом с ним в пылающем помещении? Чем ярче разворачиваются картинки в воображении, тем яснее понимаю: я готова расстаться с Костей, но не готова принять его смерть. Тело потряхивает, а пальцы перебирают ручку сумки, нервно оттягивая ремешок на плече. Медленно приближаюсь к двери, за которой скрывается лифт, улавливая несколько мужских

голосов.

Неожиданно передо мной вырастает Парето в сопровождении троих мужчин в форме и застывает, шумно выдыхая и на пару секунд прикрыв глаза. А я готова обвить его шею руками и наслаждаться уже таким родным запахом небезразличного мужчины. Улыбаюсь, будто сумасшедшая, смахивая слезинки, которые незаметно для меня самой скатываются по щекам. Живой…

– Где была? – Голос сквозит тревогой и злостью, которую Костя едва сдерживает.

– К Вале ездила. – Вопрос во взгляде требует уточнения. – Соседка моя. Валя. Я ей должна была. Она вчера звонила, когда я… – осекаюсь, посматривая на множество посторонних людей рядом. – Когда мы в гостях были. Ей срочно понадобились деньги, а так как карты у меня нет, пришлось везти лично. Она пригласила зайти, чай пили, болтали… – перехожу на шёпот, сметаемая огненными молниями, которые мечет Островский.

– А телефон где? – рядом вырастает Аронов.

– Там, – указываю наверх, – спешила. Оставила в квартире. Случайно.

– М-м-м, случайно, значит, – кивает Костя.

Напряжённая поза, руки в карманах брюк и сжатые в тонкую линию губы просто кричат – он в бешенстве. Махнув рукой, быстрым шагом идёт к машине и с силой захлопывает дверь, как только оказывается в ней.

– Что не так? – обернувшись к Альберту Витальевичу, жду объяснений.

– Он решил, что ты погибла. – Мужчина проводит ладонью по волосам, задержавшись на затылке. – Мы все так решили. В твоём телефоне отслеживающий маячок стоял на случай непредвиденных ситуаций. Показал, что ты в квартире. Пожар не локализован, поэтому сразу проверить наличие тела не представилось возможным.

Отчего-то вспоминаю поездку в торговый центр, когда Островский с лёгкостью отыскал нас с Тасей. Я была под наблюдением. Он всегда точно знал, где я нахожусь. Вероятно, проверял, решив, что я связана с Ромой и Вороновым.

– Понятно, – оборачиваюсь, всматриваясь в заведённый автомобиль.

– Он ждёт, Лена, – кивает Аронов в сторону Парето. – Не делай резких движений и молчи. Есть шанс, что доберёшься в мой дом в целости.

– Ага, – растерянно соглашаюсь и плетусь в машину, где меня ожидает моё чудовище.

Без звука забираюсь на переднее сиденье, автомобиль тут же срывается с места, разрывая пространство противным свистом колёс. Островский напряжён и зажат, сжимает руль с такой силой, что кажется, вот-вот вырвет с мясом. Мчимся по улицам города, нарушая правила и игнорируя запретительные знаки, получая вслед сигналы недовольных водителей. По совету Аронова молчу, опустив глаза в пол и меч-

тая быстрее добраться за город. Но как только покидаем городскую черту, Островский резко съезжает на обочину, останавливается и выскакивает из машины. Прохаживается вперёд-назад, подгребая ногой снег, а затем достаёт сигарету, закуривает и делает несколько глубоких затяжек. Впервые вижу, чтобы он курил. Нервно перебирает пальцами и откидывает окурок в снег, уставившись в одну точку.

Интуитивно чувствую, что прямо сейчас должна оказаться с Костей рядом. Не знаю, что сказать и как оправдаться за его переживания, но открываю дверь машины и уверенно иду в направлении мужчины, а как только оказываюсь рядом, попадаю в жёсткие объятия. Оплетает руками и утыкается носом в мою макушку, шумно раздувая волосы и сильнее сжимая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.